НИКИТА МИХАЛКОВ: ПРОФЕССИОНАЛ В СТРАНЕ ПРОРОКОВ-НЕУДАЧНИКОВ Стр.65

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 19 АВГУСТА 1997

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek®

Площадь звезды. Площадь несогласия

Стр.54-63

№32 (65)

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Барнауле, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вологде, Воронеже, Выборге, Екатеринбурге, Златоусте, Иванове, Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Кинешме, Кирове, Краснодаре, Красноярске, Мурманске, Н.Новгороде, Н.Тагиле, Новгороде, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Петрозаводске, Перми, Пскове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Сочи, Ставрополе, Тамбове, Твери, Томске, Тюмени, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в столицах государств СНГ Баку **(Азербайджан)**, Ереване **(Армения)**, Минске **(Белоруссия)**, Тбилиси **(Грузия)**, Алма-Ате **(Казахстан)**, Бишкеке **(Киргизия)**, Кишиневе **(Молдавия)**. Журнал можно приобрести также в **Австрии, Великобритании, Германии, Италии, США, Финляндии, Швейцарии.**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 19 августа 1997

№32 (65)

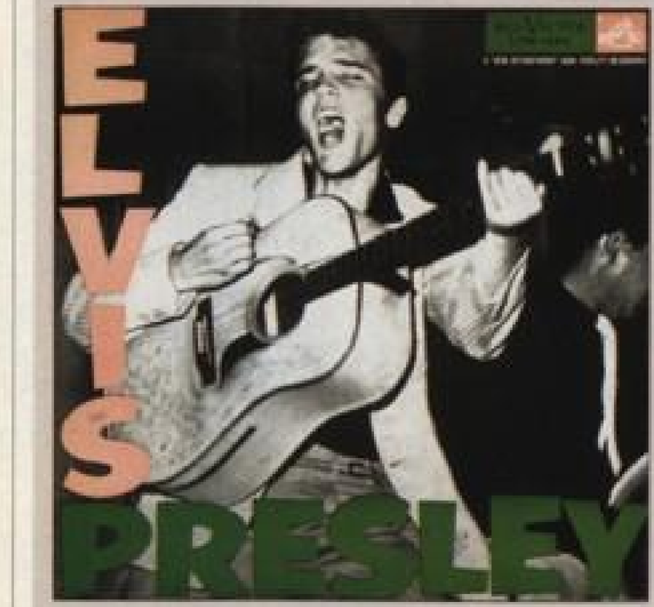

ГЛАВНАЯ ТЕМА

В списках не значится. В перечнях и сводах отечественных памятников России Красная площадь как культурный и исторический объект не упоминается. Но споры о придании ей особого юридического статуса ведутся с таким ожесточением как раз потому, что историко-культурный центр страны оказался символом столкновения непримиримых политических интересов. Стр.54–63

Самый богатый человек в мире, основатель и глава корпорации Microsoft Билл Гейтс постепенно берет под контроль легендарную компанию Apple. Но тех 150 миллионов долларов, что он заплатил в начале августа за свой пакет акций, пока явно недостаточно для того, чтобы сделать Apple филиалом Microsoft. **Гейтс яблоко не съел. Только надкусил.** Стр.26

20 лет исступленной любви. И в наши дни любовь к Элвису Пресли не угасла. Через два десятилетия после смерти кумира его голос заставляет трепетать тех, кого когда-то свел с ума великий «король рок-н-ролла». Стр.36

На обложке фото **Юрия Феклистова**

Winston
Полная свобода
Made In U.S.A.
Winston
FILTER·CIGARETTES
FULL-RICH
TOBACCO FLAVOR
MADE IN U.S.A.
Минздрав предупреждает: курение опасно для вашего здоровья

Итоги

Еженедельный журнал
№ 32, (65), 19 августа 1997 года
Издатель ЗАО «Журнал «Итоги»
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Секретариат Андрей Збарский **(ответственный секретарь)**,
Владимир Орлов **(заместитель ответственного секретаря)**,
Ирина Спиридонова, Ирина Фрейдлин **(выпускающие редакторы)**
Отдел дизайна Виталий Колбасюк **(зав. отделом)**, Алексей Афанасьев,
Галина Грозная **(ведущий дизайнер)**, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Ирина Ирхина,
Галина Киселева, Алиса Петрова, Олег Сендюрев
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская,
Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор)**, Владимир Тодрес,
Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Леонид Велехов, Екатерина Лазарева **(редактор)**,
Евгений Пахомов, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Алексей Каменский, Андрей Серов,
Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Общество», «Космос»)
Елена Каменская **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен,
Денис Драгунский, Борис Жуков, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марианна Голубовская **(редактор)**,
Николай Молок, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский **(зав. отделом)**,
Наталья Косарева
Переводы с английского Александр Богдановский
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Лариса Долбина, Ирина Комарова,
Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Карасева, Ирина Костылева, Анна Лощихина,
Ольга Никушкина, Елена Репина, Елена Черкасова
Водители Михаил Егоров, Александр Жафяров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии,
выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а E-mail ITOGI@SEVEND.MSK.RU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
ISSN 1027-3964 Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобехия **(директор)**, Ирина Менабде **(зам. директора)**, Татьяна Абакумова,
Ольга Василевская, Светлана Долгих, Елена Кузнецова, Елена Логинова,
Валерия Любимова, Наталия Матвеева, Ольга Полежаева, Мария Симонова,
Инна Зайцева **(координатор по рекламе)**, телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Мария Кисельникова **(директор)**, Ирина Келина, телефон (095) 195.9236
Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней»
Александр Магатаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется:
АО «Международная книга», тел. (095) 238.4967; факс (095) 238.4634;
фирмой East View Publications, тел. в США (612) 550.0961; факс (612) 559.2931
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение —
компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор)**,
Анатолий Калчинский (технолог), Павел Балаченков, Роман Балашов, Лев Галустов,
Олег Детинин, Алена Зайцева, Алена Гаранина, Андрей Борщевский, Сергей Аминов,
Илья Дьяков, Татьяна Захарова, Андрей Корзун, Александр Мелешкин, Владимир Остапцев,
Валентин Писаревский, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж, Артем Юркевич
Номер подписан в печать 14 августа 1997 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 65 000 экз. Цена свободная

О культурных связях

Когда я учился в 10-м классе в школе в Москве (в 1954—1955 годах), я начал переписываться с пареньком из Новой Зеландии. И он, и я оказались настойчивыми в переписке и желании расширить наши контакты. Расстояние между нашими странами огромное, и письма приходилось ждать по 3—4 месяца, но каждый старался ответить быстро. Мой новозеландский друг по переписке оказался целеустремленным парнем. Такой вывод я сделал, когда весной 1957 года узнал, что Кэррик Льюис (так его звали) вошел в состав новозеландской делегации для поездки на Московский фестиваль. Моей радости не было границ! Как я готовился к встрече с ним! Какие планы строил, что я ему могу в Москве показать! Я узнал, какой райком ВЛКСМ должен быть ответственным за прием именно новозеландской делегации, съездил туда и смог договориться, что я буду тоже участвовать во всяких мероприятиях с новозеландцами.

Новозеландцы летели на самолете только до Азиатского континента, дальше, через весь Китай и СССР, они ехали на поезде. Путь долгий. Наконец наступил день их приезда. Я вместе с группой работников райкома ВЛКСМ приехал на вокзал. Делегация приехала, но в ее составе я Кэррика не нашел. Оказалось, что он чем-то отравился в поезде еще где-то в Забайкалье, и по приезде в Москву за ним и еще несколькими заболевшими иностранцами приехала спецмашина из инфекционной больницы на Соколиной Горе, и их увезли туда. Я поехал на Соколиную Гору. Вход в больницу охранялся, иностранцев держали в отдельном корпусе. Люди в штатском никаких справок не давали и отгоняли меня, мальчишку, от здания. Но я попытался хоть через окно увидеть Кэррика, как-то морально поддержать его, сообщить, что я вот он! (Мы уже обменялись фотографиями.) Тут меня окружили люди в штатском и привели в какое-то помещение в больнице. Основная претензия — пристаю к иностранцам. Когда я честно рассказал, почему я хочу хотя бы через окно увидеть своего друга, ни одному слову моему они не поверили: «Что бы тебя здесь, мать перемать, на дух не было!.. Пшел вон!» Однако все же на следующий день мне удалось пробраться к нужному окну и увидеть Кэррика. Я приезжал к нему еще три дня, пока его после карантина не выпустили. После этого я уже ездил ко всей новозеландской делегации в гостиницу «Турист» за ВДНХ, где они жили.

Фестиваль прошел. Иностранные делегации уехали. Я продолжал активно переписываться с моим другом. Позже, в 1958 году, я узнал, что существует Союз обществ дружбы с зарубежными странами. Я пришел в этот союз, который, как я узнал позже, постоянно контролировался КГБ, и нашел там ответственного секретаря, занимавшегося Новой Зеландией. Тогда им был Алексей Михайлович Голенков, добрый и понимающий человек. Он выслушал мой рассказ о Кэррике и о том, что я хочу участвовать в расширении отношений между нашими странами, и сообщил, что здесь организуется советское Общество «СССР — Новая Зеландия». Я начал частенько бывать там у Алексея Михайловича и помогать в обычной рутинной канцелярской работе. Вскоре образовался оргкомитет создающегося общества, куда вошли многие известные люди. Был намечен кандидат в президенты общества — тогдашний ректор МГУ К. И. Иванов. Вскоре общество было создано, и все, кто намечался, заняли там свои позиции. Голенков стал секретарем общества. Я был тоже милостиво принят в рядовые члены. Но когда собралась объединенная советская делегация обществ «СССР—Австралия» и «СССР — Новая Зеландия» для двухнедельной поездки, меня не включили.

А в Новой Зеландии, видимо, людей оценивали по их работе, во всяком случае, моего друга Кэррика Льюиса избрали генеральным секретарем Общества «Новая Зеландия — СССР». Он переехал жить из Крайстчерча в столицу Веллингтон. Затем он еще один или два раза приезжал в Москву в качестве генсека своего общества. К сожалению, у нас уже около 10 лет нет переписки, и я не знаю ничего о моем друге в Новой Зеландии.

Вот такая история.

С уважением
Фельдман Борис Георгиевич

От редакции. Более подробно о фестивале читайте на стр. 48—52

Уважаемые читатели!

Напоминаем, что подписка на журнал **«Итоги»** на территории Российской Федерации принимается повсеместно без ограничений.

Наш подписной индекс 75587

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга»
тел. (095) 238.4967; факс (095) 238.4634;
фирмой East View Publications
тел. в США (612) 550.0961; факс (612) 559.2931.

Телефон для справок по вопросам распространения:
(095) 753-41-03.
Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а.
Телефон: (095) 753-33-04
E-mail ITOGI @SEVEND. MSK. RU

Подати, недоимки и пени

Налоговая полиция России сообщает, что за первое полугодие этого года выявлено 10,9 тысячи налоговых правонарушений. Предъявлено к взысканию 12,5 трлн. рублей. Принято к производству около 3 тысяч уголовных дел. Осуждено 245 человек. Продолжается погашение недоимок — в бюджет поступило 51,4 трлн. рублей, то есть 8,8 млрд. долларов. Впрочем, дело не в сумме взысканного долга и не в количестве злостных неплательщиков. Россия мало-помалу преодолевает еще один барьер на пути к демократическому обществу. Из привычки к налоговой дисциплине вырастает налоговая мораль — страх перед инспектором должен смениться чувством долга и осознанием прав налогоплательщика.

«Господин участковый (префект, мэр, губернатор, министр, президент)! Я исправно плачу налоги и поэтому я требую...» В демократических странах претензии к государству формулируются именно так. Гражданин понимает, что государство существует на его деньги. Государство тоже осознает этот непреложный факт. Налоговая мораль — это здоровые финансовые отношения между обществом и государством. Впрочем, не во всех демократических странах налоговая мораль держится на высоте. Немцы и скандинавы платят налоги честно и даже гордо. А в Италии правительство принимает специальные программы по сбору недоимок.

Северная Корея считает себя единственной страной, свободной от налогов. Правда, там специальная комиссия принимает решение о выдаче гражданину ордера на новые брюки. Учитывается как износ этой важной детали одежды, так и трудовые успехи и моральный облик нуждающегося товарища.

Почти такая же «свобода от налогов» была и в СССР, несмотря на наличие ширпотреба в розничной торговле. Граждане выплачивали огромные косвенные налоги — в виде заниженной зарплаты и завышенных цен. А скромные прямые налоги вычитались из получек, премий и гонораров прямо в бухгалтерии. Поэтому и сегодня полученные в кассе деньги ощущаются как окончательно и безраздельно собственные. Отдавать их? Кому, зачем, чего ради? Нет привычки самим платить налоги, нет и сознания того, что это необходимо. В России с налоговой дисциплиной пока плоховато, а налоговой морали нет вообще.

Государство воспринимается не как работник на службе у общества, а наоборот — как хозяин. Как самый главный бизнесмен страны, сильный, хитрый и жестокий. Бывший советский человек не понимает, почему он должен отстегивать этому богачу свои кровные. Если государство не платит пенсий и зарплат, но зато воздвигает пышные монументы и ведет военно-нефтяные игры с Чечней — трудно убедить граждан исправно платить налоги.

Аккуратная уплата налогов — это поведение дальновидно экономного человека. Помнящего о дорогах и школах. О стариках и инвалидах. Об армии, юстиции и милиции. О культуре и науке. Но государство должно сделать первый шаг, продемонстрировать именно такую дальновидную экономность, сдержанность и рачительность. Любая неясность по поводу расходования бюджетных средств на корню подрубает ростки налоговой морали. ■

Денис Драгунский

Коморы хотят обратно во Францию

Глотнув воздуха свободы, жители двух из трех островов Федеральной Исламской Республики Коморские Острова запросились обратно под управление Франции. Они не выдержали тяжелого экономического кризиса, который возник на островах Анжуан и Мохели, и хотят вернуть себе статус колонии. Почувствовав, что их инициатива не вызывает ответного энтузиазма во Франции, сепаратисты провозгласили отделение островов от республики и обратились в ООН и Организацию африканского единства (ОАЕ) за поддержкой. Однако посетивший Анжуан на прошлой неделе специальный представитель ОАЕ Пьер Йер заявил, что готов помочь, однако не может приступить к этой миссии до тех пор, пока «бунтовщики» не успокоятся.

Китайскую политику делают на пляже

Если российские политики любят решать судьбоносные для страны вопросы в бане, то китайские — на пляже. Традиция ежегодных коллективных выездов «первых номеров» партноменклатуры в августе на пляжи Бейдайхо родилась при Дэн Сяопине. Включение (или невключение) в «пляжную группу» свидетельствовало о видах того или иного политика на будущее. По информации, о двухнедельном отдыхе руководства страны в Бейдайхо наблюдатели делали прогнозы на новый политический сезон. В этом году каникул партийных и государственных лидеров ждут с особым интересом. Многие предполагают уход со своего поста премьер-министра Ли Пэна. Тот в свою очередь интригует с тем, чтобы переместиться в кресло председателя парламента, которое сегодня занимает Цяо Ши. Отдых в Бейдайхо должен прояснить ситуацию. ■

ШЛАГБАУМ

Коржаков	↓	От рассвета и аж до заката Желчь кипит в пузыре депутата. Насолить Боре рад Отставной body guard, Хоть и чует, чем это чревато.
Дэвид Копперфильд	↔	Зреет замысел злой за границей Против нашей Кремлевской гробницы. Дэвид планы лелеет — Сделать трюк с Мавзолеем. Ельцин рад, а Зюганов бранится.
Лия Константинова (Хопер)	↓	Я все деньги доверил вначале МММ, «Властелине» и «Чаре». Прогорев, я попер В пресловутый «Хопер». Результат, как известно, печален.
Курникова	↑	У старлетки-ракетки уже План созрел: получить ПМЖ. В США она, может, Мастерство приумножит, Да и мужа найдет. ЕБЖ.

В Йемене заложникам живется припеваючи

Трудно даже представить себе ситуацию, когда кто-то может быть искренне счастлив, что побывал в заложниках. Таким человеком оказался итальянец Джорджо Бонаноми, который отправился со своей подругой отдохнуть этим летом в Йемен. Здесь, неподалеку от столицы страны Саны, его и пленили. Побывав пять дней в заложниках у одного из йеменских племен, Бонаноми признался в интервью итальянскому агентству АНСА: «Это была фантастика, жаль, что больше не организовать себе подобного отпуска! Жил прекрасно, на обед подавали мясо молодого барашка, фрукты, овощи, отведал много экзотических блюд. Кстати, своих захватчиков ни чуточки не боялся. Приветливые люди».

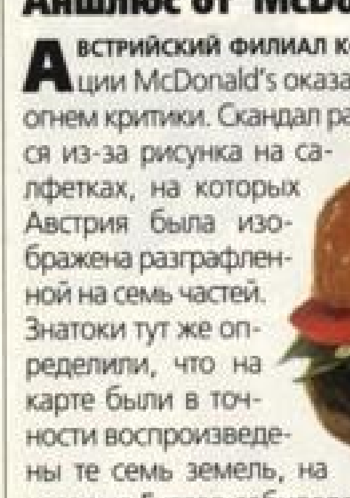
Заложники в этой стране (пленниками здесь в разное время побывали французские, американские дипломаты, посол Саудовской Аравии) служат разменной монетой в спорах кочевников со своим правительством или иностранными нефтяными компаниями. До сих пор пленников не обижали. Так что не бойтесь ехать в Йемен. ■

Английские традиции в опасности

Неладно что-то в Британском королевстве. Министр обороны нового кабинета лейбористов — отчетливо «зеленоватый» по убеждениям — задумал заменить медвежьи шапки королевских гвардейцев на головные уборы из искусственного меха. А тут еще выясняется, что королевская семья Великобритании пользуется все меньшей поддержкой и популярностью среди населения страны. Результаты опроса общественного мнения свидетельствуют: впервые за последние 10 лет резко — с 13 до 30 % — возросло число тех, кто уверен, что без монархии Великобритании «будет лучше». В 1987 году жизнь без королевской семьи не могли себе представить 77 % британцев. Наибольшей поддержкой королевский двор пользуется у возрастной группы старше 65 лет, наименьшей — среди молодежи 18 — 24 лет. Почти половина британцев уверены, что «монархия обречена на исчезновение» в течение ближайших 50 лет, однако подавляющее большинство считает, что ей удастся «протянуть» еще 10 лет.

Аншлюс от McDonald's

Австрийский филиал корпорации McDonald's оказался под огнем критики. Скандал разразился из-за рисунка на салфетках, на которых Австрия была изображена разграфленной на семь частей. Знатоки тут же определили, что на карте были в точности воспроизведены те семь земель, на которые Гитлер собирался разделить страну при ее аншлюсе в 1938 году. На поверку выяснилось, что злого умысла здесь не было.

Немецкое рекламное агентство Hayer-Partener просто хотело показать на салфетках те регионы страны, где производится говядина. Но дизайнер слегка напутал: не зная точно внутренние административные границы республики, он где-то округлил, где-то объединил и в результате получился шедевр, уязвивший национальные чувства. А McDonald's вынужден был изъять весь 75-тысячный тираж из своей сети. ■

Легенда Голливуда на почтовой марке

После Мэрилин Монро и Джеймса Дина настала очередь Хемфри Богарта оказаться на миллионах почтовых марок. На торжественной церемонии в Лос-Анджелесе, посвященной выпуску марки почтовым ведомством США, присутствовала вся семья актера, в том числе его вдова Лорен Бэколл, номинировавшаяся в нынешнем году на «Оскара» за фильм «Двустворчатое зеркало». ■

Не в чулке, так в акциях

Руководство чикагской детской больницы Children's Memorial было немало удивлено, когда через десять лет после смерти некой мисс Глэдис Холм, секретарши, в жизни не зарабатывавшей больше 15 тысяч долларов в год, выяснилось, что она завещала больнице целое состояние. В этой клинике мисс Холм бывала частенько: помогала ухаживать за детьми, дарила им плюшевых мишек, но однажды невзначай обмолвилась, что, мол, у нее «есть кое-что» посерьезней. Тогда, естественно, этому не придали никакого значения. Теперь же, получив чек на 18 млн. долларов, врачи попытались выяснить, откуда у старушки такие деньги. Оказалось, что все 41 год своей работы на фирме, занимавшейся снабжением медучреждений, по совету своего шефа она вкладывала излишки денег в ценные бумаги. Припоминают, что, если он покупал 1000 акций, послушная мисс Холм — 10 таких же. Поскольку наследников у нее не было, то все эти деньги она завещала на нужды педиатрии. ■

В Башкирии прошли всероссийские соревнования поисково-спасательных формирований МЧС.
Победили спасатели Северного Кавказа

Преимущества несвободы совести

В августе ВЦИОМ провел опрос (общенациональная репрезентативная выборка, 1600 респондентов), чтобы узнать мнение российских граждан по поводу недавно принятого Госдумой и отклоненного президентом закона «О религиозных объединениях». По результатам опроса, 15% считают, что православные в России должны иметь законные преимущества перед атеистами и людьми других вероисповеданий, 44% этого мнения не разделяют. Что касается закона, то вот как ответили на вопрос: **с каким из следующих мнений о законе вы бы скорее всего согласились?**
(Ответы даны в %)

По информации «Итогов», REUTER, Newsweek, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP, DPA
ФОТО REUTER, AP, AFP, SIPA/SEL, П. Горшкова, В. Смолякова

Новые победы сотовых генералов

Отказываясь почивать на лаврах, инженеры «БИ ЛАЙН» недавно совершили очередной технический прорыв, внедрив новую цифровую версию стандарта DAMPS (IS-136) и первыми «впустив» на российскую землю новейший стандарт сотовой связи GSM-1800.

Торговая марка «Би Лайн» известна на российском рынке сотовой связи не первый год. Сочетание прекрасно выполненной работы проектировщиков сети, высочайшего качества сервиса и агрессивной маркетинговой и рекламной политики АО «ВымпелКом» привлекло в эти сотовые сети уже свыше 70 тысяч абонентов, что обеспечило компании-оператору законное первое место. Отказываясь почивать на лаврах, инженеры «Би Лайн» недавно совершили очередной технический прорыв, внедрив новую цифровую версию стандарта DAMPS (IS-136) и первыми «впустив» на российскую землю новейший стандарт сотовой связи GSM-1800. Сеть «Би Лайн» этого стандарта начала работу нынешним летом в Москве и в ближнем Подмосковье. По мысли ее создателей, сестра «старшей» сети «Би Лайн», работающей в стандарте DAMPS, обеспечит хороший задел в конкурентной борьбе с другими сотовыми компаниями.

Одновременно с вводом нового стандарта был торжественно открыт новый офис продаж «Би Лайн» в Сокольниках.

С каждым клиентом здесь работают индивидуально. Эксперт-консультант расскажет о «Би Лайн», возможностях различных пакетов услуг — «Бизнес», «Базового», «Профессионала» и «СИТИ» (технология GSM-1800), поможет выбрать заинтересовавшую Вас модель телефонного аппарата.

А выбирать есть из чего. Более десяти моделей от разных фирм-производителей и с самыми различными характеристиками — и американский Motorola, и финский Nokia, и немецкий Nortel, и шведский Ericsson. И цены тоже самые разные. Как говорится, на любой вкус и карман.

Когда выбор сделан, Вас пригласят оформить покупку. Подсчитываете стоимость выбранного, заключаете контракт и после этого платите. Причём как наличными, так и по безналичному расчёту. Немаловажной для многих является возможность покупки телефона в кредит. Кстати, к услугам клиентов — пункт обмена валют.

Затем Вас проводят в зал выдачи оборудования. Несколько минут и Вы владелец новенького сотового телефона «Би Лайн».

В Сокольниках работает полноценная абонентская служба. Получить счета за услуги «Би Лайн», оплатить их прямо на месте, переоформить договор — здесь это можно сделать в считанные минуты.

Новый офис «Би Лайн» в Сокольниках это не просто новое помещение. Это и новый комплекс услуг, оказываемых клиенту. Не проблема быстро отремонтировать аппарат, если «забарахлил», а «магазин аксессуаров» предложит Вам самый широкий ассортимент всевозможного дополнительного оборудования.

Для безопасности водителя — устройство «hands free», которое позволяет разговаривать уделяя при этом должное внимание дороге. Его в Сокольниках устанавливают в Техцентре.

Техцентр в Сокольниках — любимое дитя, предмет настоящей гордости. Основное его назначение — установка аксессуаров для сотовых телефонов в автомобилях... и не только. Тут же можно автомобиль помыть и пройти диагностику двигателя, амортизаторов и тормозной системы. Отрегулировать «сход-развал», сделать шиномонтаж на новейшем оборудовании от ведущих производителей.

Пройти экологическую сертификацию машины. И всё только для того, чтобы клиенту не пришлось бы больше никуда ехать.

Новый офис в Сокольниках ждёт своих новых клиентов. Спешите! Абоненты, до 31 августа подписавшиеся на пакет услуг «СИТИ», получат 45 минут бесплатного эфирного времени в месяц (на период в течение трёх месяцев с момента покупки телефона). ■

«Сегодня мы находимся в переходном периоде, когда люди умом сознают, а руки еще тянутся к деньгам».

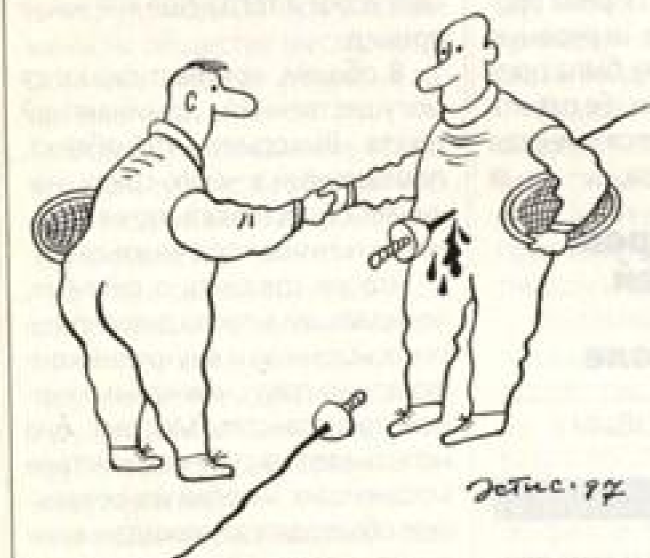
Владимир Семаго, депутат Госдумы, КПРФ

«А то мы сотворили себе богов ... А эти боги так же писают, какают, жрут и пьют...»
Александр Коржаков

«Я бы так сказал, что эта идея крестьянства — она хорошая идея, но никогда не приживется в России».
П.Н. Грудинин, директор АОЗТ «Совхоз имени Ленина»

«Возьмите Великобританию. Оплот цивилизации. Но там есть эти гайд-парки, где можно прийти в определенное время и кричать: Лукашенко дурак, там, и так далее».
Александр Лукашенко

«Это не одиночный выстрел. Это залп, причем целенаправленный залп, который своим острием, как мне кажется, направлен одним концом на дискредитацию самого Бориса Ефимовича, а другим концом на правительство в целом».
Виталий Хавкин, адвокат Бориса Немцова

«Как в давние времена, по всей России плывет малиновый звон колоколов, который говорит о том, как власть, как государство дружит с церковью».
Борис Ельцин

«Рывками, шажками, но идет дело вперед постепенно. Но идет вперед так, чтобы не было бегства вперед от действительности, и не было бы стагнации назад или, я бы сказал, стагнации от реальности. Вот в чем функция базовая парламента».
Владимир Лукин

«Не надо думать, что каждая женщина, которая на Тверской появляется, она появляется только для этого».
Александр Музыкантский, префект Центрального округа Москвы

«Вчера я в беседе с Виктором Степановичем Черномырдиным, Вяхиревым нашел какой-то запах все-таки старосоветских амбиций, когда хотели сказать: ну хорошо, мы обойдемся без вашего газа».
Сапармурад Ниязов

«Мы сегодня смело бросаем всему миру добрый вызов».
Юрий Лужков

«Вот если б нам шведов бы сюда с их привычкой платить налоги — вот было бы здорово!»
Александр Починок

«В результате скандала, который произошел, на лице власти, которая в последнее время достаточно успешно демонстрировала свою монолитность, внутреннюю солидарность, на этом лице появились некоторые трещины».
Вячеслав Костиков, заместитель генерального директора «Мост-медиа»

«Я, с одной стороны, инициатором этого закона был, а с другой стороны, я его в общем-то глубокий противник».
Борис Елисеев, заведующий отделом загса Владимирской области о вступлении в брак с четырнадцати лет

Слушал и записывал
Вова Белозерцев

Христианский гуманизм

Сергей Иванов

РОВНО 1200 ЛЕТ НАЗАД

КОГДА ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР Константин VI ослепил своего дядю Никифора, а другим четырем дядьям отрезал языки, никто особенно не возмутился. Такова была обычная придворная практика: с одной стороны, христианство не одобряло смертной казни, а с другой — калека не мог претендовать на трон, так что, изувечив конкурента, император чувствовал себя в относительной безопасности и при этом оставался добрым христианином. Правда, случались и осечки. Например, Юстиниана II свергли и отрезали ему нос, а он потом опять захватил власть. Так и восседал на троне безносый.

Но вернемся к Константину VI. Истинное возмущение в свой адрес он вызвал тем, что впервые в истории Византии в 795 году развелся с женой. В церкви начался так называемый «спор о прелюбодеянии»: патриарх Тарасий вопреки канонам утвердил развод, ссылаясь на то, что император своей благоприятной для церкви политикой заслужил себе поблажку, — но монашество прокляло Константина. Наиболее странно выглядела во всей этой истории позиция императрицы-матери, властной Ирины, которая сперва женила сына, а потом сама же побудила развестись и жениться повторно, да еще на фрейлине. Зачем ей, славившейся своим благочестием, это было нужно?

Отношения Константина и Ирины никогда не были гладкими. Когда ему было семнадцать лет, она его свергла и заточила, потом он ее сверг и заточил. Позже мать и сын по видимости замирились, но постоянно интриговали друг против друга. Последующие события показали, что Ирина намеренно подталкивала Константина к разводу и повторному браку, чтобы подорвать репутацию сына. Разрушив его моральный авторитет, она затем принялась за дискредитацию его как полководца.

Весной 797 года император отправился в поход против вторгшегося в Византию арабского халифа, знаменитого Гаруна аль-Рашида. Неожиданно штаб доложил ему, что мусульмане убоялись и бежали. Константин вернулся в столицу и лишь тогда узнал, что донесение было фальсифицировано, а арабы как ни в чем не бывало разоряют восточные провинции. Население обвиняло императора в трусости.

МОНЕТА ИМПЕРАТРИЦЫ ИРИНЫ

К июню 797 года Ирина вполне убедилась, что ее сын не имеет больше поддержки в Константинополе. Настала пора действовать решительно. Однажды, когда императорская процессия торжественно двигалась от ипподрома к церкви св. Маманта во Влахернах, из бокового переулка выскочил отряд солдат и кинулся на Константина. Между нападавшими и дворцовой гвардией завязалась рукопашная, и императору удалось ускользнуть. Он бежал из города и даже пересек пролив Босфор, но на другом берегу был схвачен людьми Ирины и привезен во дворец, где уже распоряжалась императрица.

В Большом дворце Константинополя имелась Багряная Палата. В ней и только в ней византийские императрицы рожали наследников престола. Двадцать семь лет назад и Ирина родила в ней Константина. Именно здесь, в Багряной Палате, в три часа пополудни, в субботу, 19 августа 797 года, по приказу той же Ирины ее сын был ослеплен.

Хотя современник событий хронист Феофан и говорит, что из-за этого преступления небо потемнело на семнадцать дней, церковь не торопилась осуждать императрицу. В конце концов главным было то, что Ирина проводила правильную церковную политику. Вскоре она была причислена к лику святых. Ее память по сей день празднуется — иногда 7-го, а иногда 9 августа. ■

Реклама товаров и реклама идей на едином культурном поле

Семен Файбисович

СМЫСЛЫ

ВСВОЕ ВРЕМЯ АМЕРИКАНСКИЙ ПОП-арт (Уорхол, Лихтенстайн и др.) и наш соц-арт (Комар — Меламид, Косолапов, Булатов и др.) стали реакцией художников на засилье рекламы товаров у них и соответственно рекламы идей у нас. Интересно, может ли возникнуть новое направление актуального искусства в связи с насилием над человеком обеих реклам одновременно, и что при этом станет с человеком под воздействием двух атак, ведущихся с противоположных направлений.

Тем более что далеко не мирное сосуществование двух видов рекламы протекает на фоне и в пространстве московской архитектуры, которая сама — идееноситель.

Лет восемь назад я делал живописный диптих «Exchange» (обмен). На одной части диптиха подмосковный мужичок в сером, в катышках, берете стоял в Нью-Йорке перед рекламой «Кэмэл» и мрачно дымил зажатой в зубах папиросой марки «Беломор». На другой — полная негритянка с дочкой и сыном оказались на платформе подмосковной электрички на фоне плаката из серии «Опасно» (на нем молодой человек изобразил, как мог, вернее, как смог художник, заключительную сцену из «Анны Карениной»).

В процессе работы стал все заметней проявляться неожиданный эффект: наш дядька в их антураже стал выглядеть (даже не переодевшись) героем вестерна, а негритянская семья на фоне пристанционных березок и елочек и мятого, ржавого и худо нарисованного пособия по технике безопасности (испещренного поверх матерком энтузиастов) стала наша в доску, несмотря на альтернативный цвет кожи и тогда еще «не наш» прикид.

В общем, контекст оказался могущественней, доминантней текста. Выходило, что объект, помещенный в некую среду, начинает существовать по ее законам — начинает подчиняться ей.

Что уж говорить о рекламе, попадающей в такую духовно перенасыщенную и внутренне конфликтную среду, как архитектурное пространство Москвы: она испытывает на себе воздействие мощнейших энергий и в результате обзаводится неожиданными возможностями считывания.

Скажем, бокал французского шампанского, наполняемый из запотевшей бутылки на фоне мидовской высотки, по замыслу его создателей есть призыв насладиться напитком. Но для воспринимающих он не в меньшей степени оказывается вызовом нашему относительно недавнему прошлому, когда транспарант на том же месте призывал москвичей встретить Первомай или очередной съезд КПСС ударным трудом.

Одновременно возникает еще одна историческая проекция. В ее контексте эта реклама в значительной степени присваивается (как теперь говорят, апроприируется) высоткой — начинает косить под цветную вкладку сталинской книги о вкусной и здоровой пище. Ну, цвета поярче, композиция поизысканней, печать покачественней — ну так и времени сколько прошло!

Так что если у нас есть какие-нибудь затеи насчет своей жизни или, скажем, жизни своих детей, стоит позаинтересованней следить, во что нас сегодня погружают, и не стоит стесняться адекватно реагировать. Это, как говорилось в советскую бытность о срочной службе в армии, почетное право и священный долг каждого гражданина (или, наоборот, священное право и почетный долг, не помню точно. Да и какая, в сущности, разница). ■

Портной и его клиент

Михаил Ямпольский

ОБЛИЧЬЯ

УБИЙСТВО ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ, вызвавшее неслыханно широкий резонанс, еще раз подтвердило, что мода заняла в современном обществе место, которого она никогда ранее не занимала.

Всеобщее сожаление по поводу самоубийства убийцы Версаче Эндрю Кьюнэнэна было вызвано даже не столько тем, что публику лишили зрелища суда, которого она по законам современного общества заслужила, а тем, что история отношений между Версаче и Кьюнэнэном погрузилась во мрак, который некому развеять.

Кьюнэнэн был авантюристом и жиголо, выдававшим себя не за того, кем он в действительности был (сыном мелкого, разорившегося и опустившегося брокера). Его благополучие целиком обеспечивалось умением выдать себя за светского сноба, проникнуть в среду богатых гомосексуалистов и подыскать себе щедрого любовника.

Такой способ существования целиком опирался на умение создавать видимость и, в конечном счете, на умение использовать моду — главное средство создания видимости.

Известно, что Версаче был кумиром Кьюнэнэна. Его убийство поэтому можно связать с жизненными неудачами Кьюнэнэна, провалом всего его жизненного проекта. Это своего рода месть учителю, гуру, чьи уроки не оправдали себя.

Любопытно, однако, что в центре личного мифа жиголо Кьюнэнэна оказался именно Версаче, а не, например, Ив Сен-Лоран. Версаче олицетворял новое и несколько сомнительное лицо современной моды — прежде всего отказ от традиции хорошего вкуса и использование театрализованных элементов поп-культуры. Он выражал движение моды в сторону эротизированного кича.

И хотя среди его клиентов были и коронованные особы, особую популярность он снискал у трех социальных групп — актеров (голливудская тусовка была среди его самых верных поклонников), гомосексуалистов и мафиозных и полумафиозных бизнесменов. Показательно, что Версаче — самый популярный портной среди «новых русских».

Движение моды к кичу началось не менее пятнадцати лет назад, когда показы мод постепенно превратились в театральные шоу низкого пошиба. (Типичные примеры — наши «звезды» вроде Славы Зайцева или Юдашкина.)

Сращение моды с кичем — свидетельство ее глубокого кризиса, связанного с оформлением двух альтернативных моде направлений — так называемой антимоды и look.

Антимода, наиболее полно проявившая себя в США, была протестом против тирании моды и выражалась в праве носить «что угодно», короткие или длинные юбки, штаны любого покроя и т.п. Вскоре, однако, антимода стала средством самоутверждения относительно маргинализированных слоев общества.

Конкурирующая система look, напротив, требует от носителя строгого следования определенным стереотипам. Здесь мода — не более чем внешний конформизм, она не оставляет человеку пространства внутренней свободы.

По мнению итальянского философа Марио Перниолы, это внутреннее усвоение моды на уровне поведения человека, его превращения в модную вещь.

Конкуренция антимоды и look привела к мутациям внутри системы моды. Мода лишилась возможности выражать социальный и индивидуалистический бунт и все больше стала тяготеть к выражению чистой, почти театральной видимости, за которой в отличие от классической моды не предполагается больше вообще какой бы то ни было сущности.

Отсюда и тяготение к кичу. Чрезмерная театрализованность кича в данном случае — как раз знак пустоты, которая обыкновенно прикрывается избыточностью. Если старая буржуазная мода в стиле Пьера Кардена еще выражала некий социальный статус, то голубые шелковые пиджаки Версаче уже не выражают ничего, кроме чистой видимости.

Именно поэтому стиль Версаче так пришелся по душе трем категориям людей, о которых я уже говорил. Создание видимости — сама суть актерской профессии. Лицедейство, смена половых ролей и кичевая театральность поведения типичны для гомосексуальной культуры. Гипертрофия видимости, дешевые мелодраматические эффекты и внешний «мачизм» — характерные черты сообществ «крутых» в любом уголке планеты. Все они существуют в мире видимости в гораздо большей мере, чем в мире сущности.

Необыкновенным образом Кьюнэнэн воплощал в себе все три категории фанатичных клиентов Версаче. Он одновременно был преступником, гомосексуалистом и в своем роде актером, сменившим кучу претенциозных фальшивых имен и выдававшим себя то за аспиранта-политолога, то за сына богатого плантатора. В каком-то смысле он был воплощением самого духа моды Версаче, что, на мой взгляд, и предопределило неизбежность их роковой встречи.

Короткий момент ажиотажа вокруг преступления как будто должен напомнить о том, что и за чистой видимостью скрывается все-таки человеческая жизнь, но сама история убийства столь напоминает банальные голливудские триллеры, что отбрасывает на подлинную кровь густую тень театральности. В конце концов судьба отказала Версаче даже в нормальной смерти (в которой сущность наконец проглянула бы сквозь декор), превратив его конец в медиатизированное шоу с сильным элементом кича. ■

Вежливый обмен

Место одного верного чубайсовца в правительстве занял другой — еще более верный

АЛЬФРЕД КОХ: «МАКСИМ БОЙКО ВЫСОКИЙ ПРОФЕССИОНАЛ. МЫ С НИМ ПРИНАДЛЕЖИМ К ОДНОЙ КОМАНДЕ»

Григорий Воскобойников

КОМБИНАЦИЯ

Ни одна кадровая перестановка не сопровождалась еще таким расшаркиванием, таким количеством комплиментов, расточаемых друг другу всеми действующими лицами: уволенным, назначенным и начальством.

Альфред Рейнгольдович Кох, вице-премьер и руководитель Госкомитета по имуществу, 13 августа уволен по собственному желанию. В своем заявлении, переданном в информационные агентства, он выразил надежду на то, что «друзья и коллеги по правительству не будут в претензии». В то́м же документе Кох отдельно поблагодарил премьер-министра Виктора Черномырдина за школу, которую «прошел под его руководством, и за ту поддержку, которую премьер неизменно оказывал».

Преемником Коха стал Максим Бойко, заместитель руководителя администрации президента, о котором Альфред Рейнгольдович отозвался как о высоком профессионале. Максим Владимирович в долгу не остался и спустя сутки после своего назначения выразил благодарность Борису Николаевичу Ельцину и Виктору Степановичу Черномырдину «за оказанное доверие». Давая оценку своему предшественнику, Бойко заявил: «Кох — это сильный профессионал, грамотный экономист, это целая эпоха в нашей приватизации».

Такое обилие реверансов настораживает: чиновничья вежливость — возможно, лишь отвлекающий маневр, попытка скрыть реальные причины произведенной рокировки.

Версии

Альфред Кох и раньше делал попытки уволиться. Но два года назад его не отпустили: «Тогда мне было сказано, что сначала надо запустить и отладить процесс денежной приватизации. Теперь я могу со спокойной совестью уйти в частный сектор».

Случись увольнение вице-премьера месяца полтора назад, возможно, никому бы и в голову не пришло усомниться в искренности этих слов. Однако сейчас, когда имя Коха прочно связалось с двумя скандальными аукционами — по «Связьинвесту» и «Норильскому никелю», — его уход в тень, в частный бизнес вряд ли можно объяснить одним лишь желанием работать на себя, а не на государство.

Как руководитель ГКИ Альфред Рейнгольдович отвечал за реализацию программы приватизации. Как вице-премьер — за доходную часть бюджета. Работа требовала почти круглосуточного присутствия на боевом посту. Кох такого напряжения не выдерживал и, как уверяли корреспондента «Итогов» источники в правительстве, со своими обязанностями справлялся с трудом.

Рассказывают, что в последнее время в частных беседах он не раз заводил речь о том, что надо бы «плюнуть на все и уйти». Но его по-прежнему, как и два года назад, не хотели отпускать.

Он был нужен Анатолию Чубайсу. Для первого вице-премьера Кох был не только гарантом неизменности курса приватизации, но и своим человеком в правительстве. У Чубайса должны были появиться очень веские причины, чтобы предложить своему соратнику написать заявление об отставке.

По утверждению наших правительственных источников, недоброжелатели собрали на Коха довольно увесистое досье, из которого якобы следует, что он не чист на руку. После двойной победы ОНЭКСИМбанка на аукционах по продаже пакетов акций «Связьинвеста» и «Норильского никеля» собранные материалы могли всплыть на поверхность.

Публикация компромата стала бы достойным продолжением поднявшейся в конце июля волны критики правительства. Обвинения в ангажированности «некоторых членов кабинета» били не только по Коху, но и по Чубайсу. Как-никак он идеолог всего процесса. Именно он отправился к президенту после торгов по «Связьинвесту» и убедил его в том, что все прошло по закону и государство получило максимальную прибыль. Да и конкурс по «Норильскому никелю» состоялся во многом благодаря настойчивости Анатолия Борисовича. И Чубайс начал действовать.

МАКСИМ БОЙКО: «АЛЬФРЕД КОХ — СИЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛ И ГРАМОТНЫЙ ЭКОНОМИСТ. КОХ — ЭТО ЦЕЛАЯ ЭПОХА В НАШЕЙ ПРИВАТИЗАЦИИ»

Он потребовал перевести счета Государственного таможенного комитета из ОНЭКСИМбанка в ЦБР. Владимир Потанин со товарищи как будто ничего не заметили: никакой реакции на демарш первого вице-премьера с их стороны не последовало. Создается впечатление, что расставание со счетами таможни банкиры восприняли как неизбежную плату за две предыдущие успешные операции.

Решение Чубайса, несомненно, снизило напряженность в правительстве и явилось наглядной демонстрацией того, что ужесточение позиции властей касается всех коммерческих банков. Однако одного такого шага было недостаточно для умиротворения проигравших. Нужна была жертва. И ею стал Альфред Кох. ►

Судя по всему, Анатолий Чубайс до последней минуты надеялся, что премьер вновь откажется отпускать Коха. Однако Виктор Степанович, активно отвоевывающий позиции, потерянные в марте после «великого кадротрясения», сумел так подать это дело президенту, что Борис Николаевич велел немедленно удовлетворить просьбу чиновника.

Кто остался в лавке?

«Приватизация должна быть честной, эффективной и открытой для общества. Она должна приносить реальный доход в бюджет и приводить к реальным инвестициям в производство. Предприятия должны в итоге работать лучше» — с такого заявления Максим Бойко начал свою деятельность в новом качестве. Комментируя назначение, один из правительственных чиновников заметил: «Бойко — жесткий администратор, прекрасно разбирающийся в приватизации. Тумаки будет раздавать налево и направо». Однако на прошлой неделе новый глава ведомства заверил журналистов в том, что не собирается заниматься чисткой: «У меня ощущение, что это очень хороший коллектив и никаких изменений в нем не требуется».

До последнего времени Бойко занимал пост заместителя руководителя администрации президента. Он отвечал за связи с партиями и общественными организациями, присматривал за Думой и заботился об имидже президента. В его непосредственные обязанности входила и организация еженедельных радиообращений президента.

Максим Владимирович считается самым близким и доверенным человеком Чубайса. И пока Анатолий Борисович руководил президентской администрацией, Бойко был ключевой фигурой в аппарате главы государства. Но после назначения Чубайса в Белый дом влияние Бойко несколько уменьшилось. Говоря аппаратным языком, его стали «оттирать от тела». Все ждали его переезда в правительство вслед за покровителем. И дождались.

Однако теперь и позиции Чубайса в окружении президента неизбежно ослабнут. В правительстве первому вице-премьеру удалось заменить одного своего верного соратника на другого. В президентском же аппарате подобная комбинация не удалась (ее, правда, никто особо и не разрабатывал). Преемник Бойко в Кремле, бывший президент агентства Интерфакс Михаил Комиссар — «человек» Валентина Юмашева, а не Анатолия Чубайса.

Комиссар, как и другие высокопоставленные чиновники в Кремле и на Старой площади, в лучшем случае готов сотрудничать с Чубайсом, но никак не играть роль его резидента в Кремле. Впрочем, пока повода для беспокойства у Анатолия Борисовича быть не должно — значение администрации в последнее время снизилось, и фигуры, подобной Александру Коржакову, там явно не просматривается. ■

Имам так имам

Надо ли было торопить очередную встречу Ельцина с Масхадовым?

Галина Ковальская

ДИПЛОМАТИЯ

Новые переговоры Ельцина с Масхадовым готовились в атмосфере беспрерывного блефа, обманных движений и пустой риторики. Незадолго до встречи Ельцин и Масхадов выступили прямо-таки с революционными декларациями. Масхадов сказал, что во время переговоров на высшем уровне будет настаивать на заключении двустороннего межгосударственного соглашения. Ельцин заявил, что на предстоящих переговорах должен быть подписан договор о разграничении полномочий по типу татарстанского. Впрочем, обе стороны еще до переговоров отступили, признав «преждевременность» своих требований.

Другой пример дипломатического блефа — выступление чеченского вице-президента Вахи Арсанова, вдруг пожелавшего, чтобы встреча состоялась «в какой-нибудь третьей стране».

Никто, кроме Александра Лукашенко, всерьез идею не воспринял, да и сам Ваха Арсанов быстро отыграл назад, наверняка ведь ни минуты не предполагал, что Москва согласится на «третью страну».

Потом Удугов сообщил о маневрах российской авиации над грозненским базаром. Надо хорошо представлять себе, что такое самолет в небе для простого чеченца. Если бы люди заметили самолет, да еще маневрирующий, паника прокатилась бы по всему городу. Судя по тому, что ничего подобного не произошло, самолет, если и был, так негромко прогудел где-то за облаками, не обратив на себя ничьего внимания, кроме удуговского. Но уж Мовлади поднял шум до небес. Тут и «переговоры под угрозой срыва», и «антиельцинская провокация».

Всякого рода игры, раздувание щек, театральные жесты — неизбежные спутники всякой дипломатии, а особенно такой насквозь «засимволизированной», как российско-чеченская. Можно было бы на это и внимания не обращать, но как-то во всей этой суете затерялся пункт, который по совести должен бы представлять главный интерес для российских властей в Чечне: заложники. Журналисты, иностранные предприниматели, бессчетное множество чеченцев — только официально разыскивается 150 человек, а ведь по большей части чеченские семьи к официальным структурам не обращаются. Приличны ли ритуальные танцы, пока в плену люди и каждый день могут последовать новые захваты? Вообще, может, стоило подождать с «саммитом» до их освобождения?

Как выдавливают деньги

Формально инициатива встречи принадлежит российской стороне: первым про переговоры на высшем уровне заговорил Совбез. Предложение о встрече двух президентов прозвучало успокаивающе после ряда неожиданно резких заявлений Масхадова. То есть президенты как будто должны утрясти возникшие недоразумения. При ближайшем рассмотрении оказывается, что и недоразумений-то не было. Вдруг, без каких-либо видимых причин, Масхадов заявил, что разрывает транспортное соглашение, поскольку оно противоречит чеченским государственным интересам. А оно сводилось в основном к тому, как в Грозном будут ходить троллейбусы. Потом чеченский президент провозгласил, что замораживает российско-чеченские переговоры, поскольку достигнутые соглашения не выполняются Москвой. Как раз в то время, когда, по словам председателя Нацбанка Чечни Абурашида Закаева, на счет наконец упали пенсионные 25 млрд. рублей.

Надо думать, для того и был устроен этот беспричинный накат, чтобы оправдать затею с «умиротворяющей» встречей президентов. А для чего чеченцам понадобился Ельцин, тоже нетрудно догадаться. Уж, конечно, не для двустороннего межгосударственного соглашения. На нынешнем этапе они хотят от Москвы только денег. Ельцин — единственный, кто может сейчас их дать, невзирая на прижимистость Чубайса. Рычаги давления на Россию у чеченской стороны отработаны. Во-первых, демонстративные поиски других партнеров. До недавнего времени эти поиски не имели успеха: как известно, из весенней поездки по арабским странам Масхадов вернулся практически ни с чем. Но сегодня чеченцы обратили взоры в сторону Грузии, и здесь их усилия уже могут и не пропасть втуне. Шеварднадзе тоже судорожно ищет хоть каких-то возможностей надавить на Москву, а у Чечни Грузия — единственный выход во внешний мир помимо России. На ближайшее будущее разговоры об автомагистрали из Чечни через территорию Грузии к морю не более чем разговоры. Ни у кого нет денег на подобную стройку века. Но уже то, что вопрос о такой дороге стоит в повестке дня, должно по идее заставить Россию занервничать.

СЪЕМОЧНАЯ ГРУППА НТВ (НА ФОТО) И ДРУГИЕ ЗАЛОЖНИКИ С НЕТЕРПЕНИЕМ ОЖИДАЮТ, КОГДА ВЛАСТИ ЗАКОНЧАТ УПРАЖНЕНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОЛИТЕСЕ

Во-вторых, излюбленный — и главное, самый эффективный — способ шантажировать московских партнеров, это объяснять им, что без больших денег Масхадов может и не удержать власть. Перед встречей по российским газетам поползло: из достоверных источников стало известно, что в Чечне готовится переворот, в результате которого Масхадов, номинально оставаясь президентом, вынужден будет большую часть власти передать духовному лицу — имаму. Некоторые журналисты тут же предположили, что этим имамом станет Басаев. «Источник» этих «достоверных» сведений без труда узнаваем по почерку: Мовлади Удугов когда еще стращал «исламскими фундаменталистами», которые якобы противостояли светскому дудаевскому государству.

Удуговский расчет прост: больше всего Россия боится в Чечне, во-первых, Басаева, во-вторых, «фундаментализма». И стало быть, постарается затянуть потуже пояс и изыскать денег под Масхадова.

Интересы и планы чеченцев более или менее очевидны. Какова же позиция российской стороны? Судя о всему, Совет безопасности продолжает придерживаться взятого курса: стараться помогать Масхадову, не обращать внимания на отдельные взбрыки, списывая их на внутренние трудности. В Совете безопасности с нескрываемым сочувствием относятся к чеченским финансовым требованиям и, по-видимому, без малейших колебаний вызвались организовать встречу на высшем уровне. Эта политическая линия вырабатывалась на вполне разумной и серьезной основе: Масхадов — прагматик, стало быть, быстрее, чем кто-либо другой, поймет, что от России никуда не деться. Он не одиозен в глазах россиян. Самое главное, он — легитимный чеченский президент, тот единственный, кто может навести там хоть какой-то порядок. Но, увы, за полгода масхадовского президентства порядка в Чечне пока не прибавилось.

Подзабытый вопросик

Группа Елены Масюк в плену больше трех месяцев. Ильяс Богатырев с товарищем больше двух. До них были другие. С первого дня первого похищения чеченский президент и другие официальные лица чуть не ежедневно обещают, что вот-вот... За это время происходили какие-то загадочные поисковые операции, о которых весь мир оповещали заранее, предъявлялись грозные ультиматумы, раза три издавались указы, сулящие похитителям то смертную казнь, то смертную казнь с выставлением трупов на всеобщее обозрение. Время от времени нам рассказывали о каких-то «группах», которые будто бы страшно испугались ультиматума и сдали оружие. Скорее всего, врали.

Судя по тому, что захваты заложников не идут на убыль, а, скорее, учащаются и уже выплеснулись за чеченские границы (неважно, кто похитители, прячут они заложников все равно в Чечне), все, кто вернулся, включая наших коллег, были выкуплены. Никто из похитителей не захвачен, не осужден, не наказан хотя бы для острастки. Угрожающий президентский рык ни на кого не производит впечатления. Новая отрасль народного хозяйства — заложниководство — уже вполне окрепла.

Конечно, Масхадову очень нелегко. Выяснить, кто террорист и где заложники, наверное, в маленькой и переплетенной родственно-свойственными связями Чечне — элементарная задача. Но возможности чеченского президента применять силу, в том числе и против бандитов, крайне ограничены. Его трудности понятны. Но российская-то сторона, что ж, так никогда и не заметит, что чеченская легитимная власть пока никакая не власть, а лишь цивилизованное прикрытие криминального беспредела? Будем встречаться, улыбаться, обещать денег и мягко обходить неприятный вопрос о заложниках или поминать о них между прочим, через запятую?

В свое время изо всех сил болея за Масхадова против Басаева, мы совсем не обратили внимания на басаевские обвинения в адрес Вахи Арсанова: Басаев сказал, что Арсанов тоже занимается продажей заложников. Это прозвучало тогда как бессильное злобствование проигравшего. Скорее всего, так и было. Хотя до сих пор Басаева не ловили на публичном вранье. Но интересно: пытались ли российские спецслужбы на всякий случай по своим каналам проверить эту информацию? К слову, в итоге, видимо, очень напряженной борьбы между Басаевым и Арсановым за влияние в Национальной гвардии, победителем оказался вице-президент: командующим Национальной гвардией стал арсановский человек Магомет Хамбиев, бандит и насильник, дважды сидевший по уголовным делам еще до всякой чеченской независимости.

Приходится констатировать, что пока линия на безоговорочную поддержку Масхадова себя не оправдывает. У России уж во всяком случае не меньше возможностей давления на Чечню, чем у Чечни на Россию. Может, попробовать их использовать, если не для обуздания чеченской преступности (это, видимо, и впрямь задача не на один год), то хотя бы для вызволения наших ребят? И не надо так уж пугаться удуговских пророчеств про Басаева и имамов. Имамы так имамы, лишь бы людей не воровали. ■

В РОССИИ

МВД усилили армейским генералом

Леонтий Шевцов обеспечил взаимодействие российских и натовских миротворческих сил в Боснии. Преобразование внутренних войск будет задачей потруднее

Александр Гольц

РЕФОРМА

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ **ГЕНЕРАЛА ШЕВЦОВА**, ПРОЯВИВШИЙСЯ В БОСНИИ, ПРИГОДИТСЯ ЕМУ В МОСКВЕ

Две темы в мгновение ока доводят до белого каления любого армейского офицера: многомесячные задержки жалования и внутренние войска. И в Кремле признали наконец, что у этого раздражения есть основания. Правительство недавно всерьез принялось выколачивать средства, чтобы рассчитаться с Вооруженными Силами. А на прошлой неделе власти приступили и ко второй проблеме: новым главнокомандующим внутренними войсками был назначен армейский генерал-полковник Леонтий Шевцов.

Совершенно очевидно, что нынешнее положение ВВ едва ли можно признать нормальным. Численность войск, предназначенных для обеспечения законности и порядка на территории России, достигла почти четверти миллиона человек — сила, сопоставимая с сухопутными войсками, задачей которых является отражение внешних угроз. Особенно бурный рост ВВ наблюдался после октября 1993-го, когда президент испытывал сомнения в готовности армии поддержать его в очередном внутриполитическом кризисе, в случае, если таковой разразится. Справедливости ради следует признать, что до поры до времени армейское руководство смотрело на это спокойно. Нахлебавшись досыта «миротворчества по Горбачеву» в Нагорном Карабахе, Вильнюсе и Баку, Вооруженные Силы надеялись освободиться наконец от «несвойственных им функций».

Однако вскоре выяснилось, что внутренние войска стали успешно конкурировать с армией лишь в потреблении скудеющих год от года бюджетных средств. Армейцам, которых по-прежнему бросали во все «горячие точки», оставалось только с завистью наблюдать, как растет зарплата у коллег из ВВ.

Потом началась чеченская война, в ходе которой обнаружилась полная неспособность внутренних войск действовать в условиях широкомасштабного конфликта. Ни командование, ни личный состав не были готовы вести боевые действия с использованием артиллерии и авиации. Никак не удавалось обеспечить взаимодействие ВВ с армейскими частями: воевавшие рядом подразделения получали из разных штабов приказы, зачастую противоречившие один другому.

Так что реформа внутренних войск назрела давно. Собственно, целью ее должно быть даже не столько сокращение ВВ, сколько интеграция их в общую систему с возможностью оперативного подчинения Генеральному штабу. Памятуя, что новый главком — не «вэвэшный» генерал, а армеец до мозга костей, естественно предположить, что теперь-то наконец армия «разберется» с конкурирующей силовой структурой. Однако выбор президента свидетельствует — Ельцину нужен был человек, способный не только рубить с плеча. Шевцов продемонстрировал способности решать куда более сложные задачи. За прошедшие два года этот военачальник, успевший до декабря 1994 года покомандовать танковой армией и побывать в кресле заместителя начальника главного оперативного управления Генштаба, получил опыт, уникальный для российского генерала.

Шевцов возглавлял штаб группировки федеральных сил в Чечне. Именно ему пришлось буквально за несколько дней спланировать крупную военную операцию, а потом жертвовать стратегией (то есть человеческими жизнями) ради выполнения указаний Москвы, которая то требовала наступать, не считаясь с потерями, то вдруг останавливала войска.

И надо было такому случиться, что тому же самому генералу через несколько месяцев после чеченского позора пришлось играть по совершенно иным правилам. В соответствии с договоренностью между Москвой и Вашингтоном Шевцов был назначен заместителем американского генерала Джоулвана, главнокомандующего войсками НАТО в Европе, на которого было возложено руководство миротворческой операцией в Боснии. Шевцов не скрывал своего восхищения тем, как тщательно готовилась операция — не «вообще», а в соответствии с четким мандатом, полученным от политиков. Тем, что процентов на 70 это планирование касалось тылового обеспечения войск, которые должны располагать всем необходимым на весь срок операции. «И нам пора перестать относиться к солдату как к одноразовому изделию», — говорил генерал журналистам после месяца работы в натовских штабах.

А после начала операции Шевцов имел возможность наблюдать действия своих новых товарищей по оружию в самых различных ситуациях. Надо сказать, что уроки пошли впрок. Признавая боснийскую операцию в целом успешной, Шевцов не устает повторять: есть проблемы, и их немало, которые не решить военной силой, даже если она прекрасно организована.

Накопленный генералом уникальный опыт может оказаться чрезвычайно полезным. Вопрос в том, удастся ли «чужаку» найти взаимопонимание со своими подчиненными. Обнадеживает, что Леонтий Шевцов не лишен дипломатического дара. Ему, например, удалось установить превосходные рабочие отношения с генералом Джоулвэном.

Кроме того, едва ли назначение Шевцова было неприятным сюрпризом для министра внутренних дел Куликова. Не только начальник Генштаба Анатолий Квашнин (которому скорее всего и принадлежит инициатива выдвижения Шевцова), но и руководители всех силовых ведомств вполне всерьез восприняли указание президента Генеральному штабу заниматься реформированием не только Вооруженных Сил, но и всех других войск. Тут опытнейший штабист Шевцов может оказаться в МВД чрезвычайно полезным.

Конечно, у ВВ есть своя специфика, и новому главкому предстоит ее освоить. Однако будем иметь в виду, что накануне операции в Боснии под его руководством была выполнена беспрецедентная работа, в успехе которой многие сомневались. Основные положения российского и американского полевых уставов были унифицированы, что и позволило войскам двух стран успешно взаимодействовать. Очевидно, что Шевцову предстоит решить сегодня более масштабную и сложную задачу. Но он подготовлен к ней более, чем кто-либо иной из высших генералов.

ИЗРАИЛЬСКИЙ ПРЕМЬЕР БИНЬЯМИН НЕТАНЬЯХУ И ЭМИССАР БЕЛОГО ДОМА ДЕННИС РОСС
ВСТРЕЧА ПОСЛЕ ВЗРЫВА.
НЕДАВНИЙ ТЕРАКТ В ИЕРУСАЛИМЕ УНЕС 14 ЖИЗНЕЙ

Мирный процесс требует жертв

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. А что произойдет, если Магомет и гора побегут в разные стороны? Именно так поступают сегодня израильтяне и палестинцы

Сергей Тамилин

ТЕРНИИ

Подводя итоги своей миротворческой поездки на Ближний Восток, эмиссар Белого дома Деннис Росс убеждал журналистов, что израильские власти и Организация освобождения Палестины сделали шаг к возобновлению диалога, прерванного после недавнего теракта в Западном Иерусалиме. Не выдавал ли Росс желаемое за действительное накануне поездки в регион госсекретаря США Мадлен Олбрайт, намеченной на конец августа? Во всяком случае, официальный представитель ООП Набил Абу Рдаинах высказался совершенно в ином ключе: «До настоящего момента нам не удалось достичь никакого соглашения», — заявил он.

Напомним, что после того, как на иерусалимском овощном рынке прогремели два мощных взрыва, повлекшие за собой многочисленные жертвы, и без того далеко не безоблачные отношения между Тель-Авивом и ООП стали стремительно ухудшаться.

Впервые за последние годы обе стороны, отбросив дипломатические приличия, столь явно перешли на язык угроз: израильский премьер Биньямин Нетаньяху обвинил в случившемся лидера ООП Ясира Арафата и в ультимативном тоне потребовал от него сурово разобраться с палестинскими экстремистскими организациями. Кроме того, Нетаньяху принял решение полностью изолировать Западный берег реки Иордан и сектор Газа, в результате чего эти территории Палестинской автономии (ПА) оказались в блокаде. Изоляция территорий больно ударила по десяткам тысяч жителей ПА, которые зарабатывают себе на существование работой в Израиле.

Однако израильская коса нашла на палестинский камень. Ясир Арафат не остался в долгу и призвал палестинцев готовиться к тому, чтобы отразить вторжение израильских войск на территорию автономии (решение о возможном вводе туда израильских подразделений для наведения порядка было принято кабинетом Нетаньяху).

Призыв Арафата готовиться к битве, которую палестинцам якобы навязывает Нетаньяху, вызвал в Палестинской автономии мощный всплеск антиизраильской истерии. Неудивительно, что, когда американский спецпредставитель Деннис Росс пытался играть роль пожарного, прилетевшего в регион по тревоге, палестинская молодежь с энтузиазмом принялась жечь чучела Нетаньяху, а заодно и Росса. Демонстранты требовали, чтобы американская администрация прекратила поддерживать Израиль и оказывать давление на палестинские власти. Тем самым они протестовали против позиции Белого дома по вопросу о блокаде палестинских территорий (Билл Клинтон поддержал решение Биньямина Нетаньяху, считая, что изоляция и вытекающие из нее суровые последствия наконец-то заставят Ясира Арафата перестать миндальничать с террористами).

Подобно Россу, роль пожарного на прошлой неделе безуспешно пытался сыграть и специальный посланник Европейского союза Мигель Моратинос, отчаянно метавшийся между Иерусалимом и Рамаллахом, где обосновался Арафат. Он даже предложил палестинскому руководителю прислать ему в помощь шведского эксперта для более эффективной борьбы с терроризмом. Казалось бы, весьма здравое предложение — гражданин нейтральной Швеции не должен вызывать у палестинцев аллергии, как, скажем, американец. Однако инициатива ЕС была сразу же отвергнута. «Нам незачем у кого-то учиться. Мы выполняем наши обязательства и следуем соглашениям. Это Израилю нужно выполнять взятые на себя обязательства», — услышал в ответ представитель ЕС не очень вежливое заявление одного из советников Арафата. В самом деле, у Арафата сегодня крайне ограниченные возможности для компромисса и узкое поле для маневра. Он оказался между молотом и наковальней: с одной стороны, на него давят израильтяне и международные посредники, обвиняя его в недостаточной жесткости к террористам, с другой — палестинские экстремисты. Представители группировки «Хамас» в Аммане на днях предупредили лидера ООП о недопустимости принятия никаких мер против их сторонников. Они уверены, что подобные действия лишь вызовут гнев палестинского населения.

За последние месяцы ближневосточный мирный процесс прошел через несколько кризисов и неоднократно был на грани срыва. За это время его болезнь усугублялась и постепенно перешла в хроническую стадию. Новый приступ, свидетелями которого мы стали сегодня, — пожалуй, самый острый. Если раньше мирный диалог прерывали резкие движения одной стороны (примером может служить решение Нетаньяху о строительстве еврейского квартала в Иерусалиме), то сейчас вразнос пошли обе стороны.

Казалось бы, к ошеломляющим зигзагам мирного процесса пора привыкнуть. Тем более что каждый раз, подходя к последней черте, стороны останавливаются. Не стал исключением и сегодняшний кризис — ведь в конце концов Нетаньяху пока не ввел войска на палестинские территории. Ближневосточным миротворцам в очередной раз предстоит пройти сквозь тернии. Не забудут ли они о звездах? ■

Глас вопиющего в джунглях

Камбоджа продолжает удивлять: «красные кхмеры» судят Пол Пота, а новый лидер Хун Сен ищет поддержки короля Сианука, сына которого называет преступником

Сергей Строкань

СХВАТКА

Вопрос о том, жив ли палач камбоджийского народа Пол Пот и состоится ли «азиатский Нюрнберг», на котором будут судить не только самого Пол Пота, но и его приспешников, держал мир в напряжении на протяжении последних месяцев. Свидетельством нарастающего ажиотажа вокруг этой темы стало то, что ведущие средства массовой информации, пытаясь обогнать друг друга, развернули настоящую охоту за новостями из густых камбоджийских джунглей.

Акела промахнулся!

Первым в святая святых «красных кхмеров» — расположенную на севере страны их последнюю базу Анлонг Венг — проник американский журналист, корреспондент журнала «Фар Истэрн Экономик Ревью» Нэйт Тэйер. Однако добытую им драгоценную видеозапись суда над Пол Потом перехватила телекомпания Эй-би-си, пообещав журналисту четыреста тысяч долларов (которые он так и не получил). В результате, пока владельцы журнала только обещали читателям сенсационный репортаж из джунглей, Эй-би-си уже показала поляну, на которой и состоялся камбоджийский «процесс века».

Скорый и скрытый от внешнего мира суд над Пол Потом не стал вторым Нюрнбергом, виновные в геноциде не были названы, так и не была подведена черта под кровавыми злодеяниями против камбоджийского народа. Проходивший в джунглях, этот суд и проводился по закону джунглей — наверное, именно так, с возгласами «Акела промахнулся!» волчья стая подальше от посторонних глаз судила своего престарелого вожака.

«Красные кхмеры» не перестали быть волками, однако для того, чтобы выжить, сегодня им нужен иной вожак — явно не престарелый Пол Пот, который, подобно киплинговскому Акеле, фатально промахнулся... Спасая свою шкуру, его приспешники решили свалить всю вину за гибель миллионов сограждан на дряхлого, пораженного тяжелым недугом 70-летнего старика. Тем самым они еще раз дали понять, что хотят поскорее забыть о прошлом и добиваются легализации.

Союз обреченных

У нынешних вожаков волчьей стаи, со всех сторон окруженной красными флажками в лесах на границе с Таиландом, совсем другие повадки, чем двадцать лет назад, во время геноцида 1975—1979 годов. Большая часть территории страны сегодня контролируется войсками, верными новому камбоджийскому

ХУН СЕН (ФОТО СПРАВА) **ИЩЕТ В ПЕКИНЕ ПОДДЕРЖКИ У КОРОЛЯ СИАНУКА** (ВВЕРХУ), **КОТОРЫЙ ВЗЫВАЕТ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИМИРЕНИЮ**

лидеру Хун Сену, и кхмерские волки совершают лишь эпизодические вылазки из своего логова. Они уже давно не призывают вырезать всех, кто не верит в торжество светлых коммунистических идеалов. После краха коммунизма во всемирном масштабе волки учатся говорить человечьим голосом. Они требуют «урегулирования политического кризиса мирными средствами». «Красные кхмеры» поддерживают первого премьера принца Нородома Ранарита, в начале июля свергнутого сегодняшним пномпеньским лидером, и выступают за посредничество стран АСЕАН.

Неудивительно, что политический лидер «красных кхмеров» Кхиеу Самфан на днях назвал июльские события в Пномпене переворотом, угрожающим безопасности и стабильности в Камбодже и в регионе. Насколько справедлива такая оценка действий второго премьера Хун Сена, пока неясно, однако то, что Хун Сен полностью взял бразды правления страной в свои руки, явно не сулит ничего хорошего открестившимся от Пол Пота его соратникам. Ведь Хун Сен настаивает на строгом соблюдении принятого несколько лет назад закона, запрещающего любые контакты с «красными кхмерами».

Таким образом, ставка «красных кхмеров» на Ранарита объясняется просто — в борьбе за выживание у них нет иного выбора. Ни Ранарит и его сторонники, ни «красные кхмеры» не хотят признать себя обреченными и добиваются места под солнцем в камбоджийской политике. Это их и объединяет, то и дело подталкивая к союзу друг с другом в борьбе против Хун Сена.

Немаловажным фактором стало и то, что свергнутый Ранарит до последнего времени пользовался определенной международной поддержкой — в нем продолжали видеть законного камбоджийского руководителя и США, и входящие в АСЕАН соседние страны Юго-Восточной Азии. Так, в Вашингтоне считают недемократичным, что взамен Ранарита первым

премьер-министром был назначен ставленник Хун Сена, бывший министр иностранных дел Унг Хуот. А сам Ранарит проявляет чудеса изворотливости, то грозя Камбодже новой гражданской войной, то заявляя о готовности во имя национального примирения пойти на переговоры со своим заклятым врагом Хун Сеном.

Минное поле камбоджийской политики

На границе с Таиландом воздвигли свою последнюю цитадель не только «красные кхмеры», но и верные Ранариту отряды роялистов. Они понимают, что отступать некуда, и готовы дать правительственным войскам Хун Сена последний бой. Дороги и тропы, ведущие к приграничному городу Осмач, где окопались сторонники Ранарита, заминированы, и это не позволяет частям Хун Сена, по численности намного превосходящим силы Ранарита, взять Осмач приступом. «Мины — наша главная проблема», — говорят командиры хунсеновской армии, периодически подвергая Осмач артиллерийским обстрелам.

Любопытно, что многие из мин, надежно спрятанных в густых зарослях или под красной дорожной пылью, — самоделки. В ход идут любые подручные средства — железные банки, кусочки дерева, привязанные к аккумулятору и взрывному устройству... Как и знаменитые бутылки с зажигательной смесью, получившие название «коктейль Молотова», эти устройства тоже носят имя политика. Местные саперы называют их «минами Пол Пота». Удивительны метаморфозы Камбоджи: сегодня ноу-хау полпотовцев в тех же полевых условиях используют солдаты роялистов. «Сопротивление будет продолжено. Политическое и военное сопротивление будет продолжено, — упорно повторяет Ранарит. — Мне остается лишь сожалеть, что правительства и другие государства не слишком обеспокоены судьбой Камбоджи».

Раздражение Ранарита, ощущающего острую нехватку международной поддержки, вполне понятно. Однако на самом деле вряд ли можно говорить о спаде международного интереса к Камбодже — ведь от ситуации в этой стране зависит и честь мундира международных миротворцев. Осторожность позиции иностранных государств, не спешащих поддерживать ту или иную сторону конфликта, объясняется тем, что сама камбоджийская политика сегодня напоминает минное поле, когда каждый неосторожный шаг может привести к взрыву.

БОЛЬШИНСТВО КАМБОДЖИЙЦЕВ НЕ ВИДЕЛИ ПОЛ ПОТА С 1979 ГОДА, КОГДА СВЕРГНУТЫЙ ДИКТАТОР БЕЖАЛ В ДЖУНГЛИ. НЕ УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО, КОГДА ПРЕДСТАВИТЕЛИ АМЕРИКАНСКОЙ ТЕЛЕКОМПАНИИ ЭЙ-БИ-СИ РЕШИЛИ ПОКАЗАТЬ ИМ ЖИВОГО ПОЛ ПОТА, КОТОРОГО В КОНЦЕ ИЮЛЯ СУДИЛИ «КРАСНЫЕ КХМЕРЫ», ЖЕЛАЮЩИХ ПОСМОТРЕТЬ НА ЭТО ЗРЕЛИЩЕ ОКАЗАЛОСЬ ПРЕДОСТАТОЧНО (ФОТО ВВЕРХУ)
УНИКАЛЬНЫЕ КАДРЫ ДОБЫЛИ НЕ ВЕЗДЕСУЩИЕ РЕПОРТЕРЫ ЭЙ-БИ-СИ, А АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ НЭЙТ ТЭЙЕР, КОРРЕСПОНДЕНТ «ФАР ИСТЭРН ЭКОНОМИК РЕВЬЮ».
ТЭЙЕР ОХОТИЛСЯ ЗА ПОЛ ПОТОМ МНОГИЕ ГОДЫ И ПРОШЕЛ ОГОНЬ, ВОДУ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ: ПЕРЕБОЛЕЛ ЦЕРЕБРАЛЬНОЙ МАЛЯРИЕЙ В ДЖУНГЛЯХ, ПОДОРВАЛСЯ НА МИНЕ, БЫЛ РАНЕН. ОДНАКО ДОБЫТУЮ ИМ ПЛЕНКУ ПЕРЕХВАТИЛА ЭЙ-БИ-СИ, ПОСУЛИВ ТЭЙЕРУ СОЛИДНЫЙ ГОНОРАР, КОТОРЫЙ ОН ТАК И НЕ ПОЛУЧИЛ (ФОТО СПРАВА)

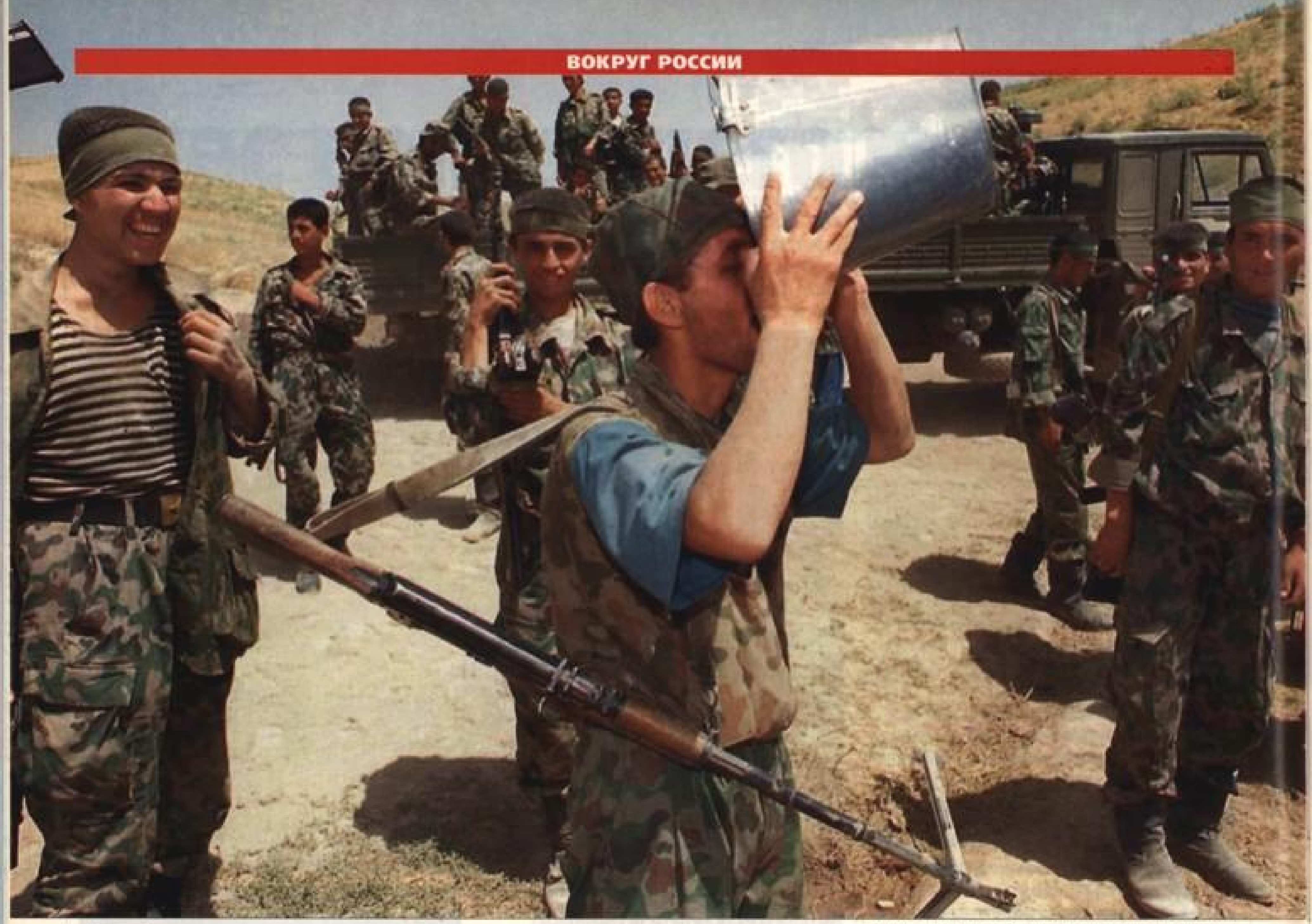
Примером такого подхода стала позиция Москвы. Как сказал министр иностранных дел Евгений Примаков, кризис «должен быть урегулирован мирным путем на основе действующей конституции самими камбоджийскими сторонами без вмешательства извне».

Что могут короли?

Единственным политиком, способным развязать до предела запутанный камбоджийский узел, казался находящийся в Пекине камбоджийский король Сианук. Словно желая напомнить о своей значимости, пользующийся большим авторитетом в стране Сианук на днях пригрозил, что может отречься от престола. Принц Ранарит расценил это заявление как еще одну попытку короля, ранее не жаловавшего Хун Сена, выразить решительное несогласие с его действиями. А аналитики в Пномпене увидели в этом прямой вызов Хун Сену — ведь, отказавшись от трона, Сианук мог пожертвовать прежней церемониальной ролью и, бросив перчатку новому пномпеньскому лидеру, включиться в реальную политическую борьбу. Между тем через несколько часов после заявления Сианука о его возможном отречении Хун Сен в сопровождении нового премьера Унг Хуота и других высокопоставленных лиц срочно вылетел в Пекин на аудиенцию с королем.

Состоявшаяся на прошлой неделе и затянувшаяся на пять часов, эта встреча могла стать исторической и определить будущее Камбоджи. Хун Сен рассчитывал добиться признания королем «новых политических реалий» в стране. Однако если бы Сианук благословил нового пномпеньского лидера, тем самым он подписал бы приговор собственному сыну и добровольно отказался от рычагов влияния на ситуацию в стране. Среди всех камбоджийских сенсаций последнего времени эта была бы самой громкой.

Однако она не произошла. Вместо благословения король призвал Хун Сена следовать принципу ненасилия и добиваться национального примирения. Между тем в Камбодже уже подписан ордер на арест Ранарита. Так что заявление короля останется гласом вопиющего в пустыне. Ситуация в стране вновь возвращается на круги своя.

Драка за власть

Перестав воевать с оппозицией, президент Таджикистана предпочитает мирить своих сторонников силой

Умед Бабаханов

ЗИГЗАГИ

Военные действия с применением танков, авиации, артиллерии на прошлой неделе напомнили о кровавых схватках времен гражданской войны в Таджикистане. Правда, на этот раз официальный Душанбе разбирался не со своими традиционными оппонентами из исламской оппозиции, а с собственными полевыми командирами, которые еще вчера ходили в национальных героях.

Все началось с криминальной разборки в Душанбе — в городе, который контролируют полтора десятка вооруженных группировок, такое не редкость — между шефом республиканского Таможенного комитета генералом Якубом Салимовым и командиром бригады быстрого реагирования МВД республики полковником Сухробом Касымовым.

Искрой, из которой вспыхнул нынешний пожар, стало убийство неизвестными родного дяди Сухроба Касымова. Где-то, может быть, в таких случаях принято обращаться в милицию. В современном Таджикистане правила игры другие: если есть кому за тебя постоять, поднимай на бой! Если нет — глотай обиды молча. У Сухроба была бригада... Посчитав, что в убийстве замешан один из близких соратников Якуба банкир Амиджон, полковник поднял на бой своих спецназовцев. Салимов в ответ выставил триста своих бойцов из отряда быстрого реагирования, созданного им при таможне буквально месяц назад.

Два дня на северных окраинах Душанбе, где живет Якуб, шли бои с применением вертолетов, бронетехники, гранатометов. Население города в очередной раз почувствовало себя беспомощными баранами, которых привели на заклание. В городе начался беспредел, грабежи. Какие-то боевики с зелеными повязками на головах грабили магазины, колхозные рынки. Средь бела дня вооруженные люди останавливали частные машины и, вытряхнув из них хозяев, уносились в неизвестность: все для фронта, все для победы! Правительство молчало и с чувством собственного достоинства ожидало, чем кончится поединок.

В конце концов генерал Салимов был повергнут. Оставив на разграбление противнику свой роскошный дом, он с остатками отрядов бежал на юг страны. По некоторым данным, он укрылся в Курган-Тюбе, у командира бригады быстрого реагирования Махмуда Худойбердыева. Только тогда в недрах президентского аппарата родилось маловразумительное заявление, в котором туманно говорилось о неких деструктивных силах, связанных с наркомафией и выступающих против становления мира в республике. Стало ясно, что под предлогом наведения порядка в стране президент решил наконец «разобраться» с полковником Худойбердыевым, уже давно ставшим неудобным для центрального правительства.

Махмуд Худойбердыев не раз нарушал приказы верховного главнокомандующего. В феврале 96-го он подвел свою бригаду вплотную к Душанбе и заставил уйти в отставку ряд влиятельных лиц. В начале этого года самовольно взял под контроль городок Турсунзаде и находящийся здесь стратегически важный для республики алюминиевый завод. Наконец после подписания в июне 1997-го в Москве итоговых мирных соглашений по Душанбе, предусматривающих, в частности, интеграцию моджахедов в силовые структуры РТ, он выступил против введения в Курган-Тюбе и Гиссарскую долину отрядов оппозиции. В противном случае, пригрозил он, в этой зоне будет создан автономный от центра Совет обороны...

Уже прозванный некоторыми журналистами за своенравие «таджикским Дустумом», мятежный полковник, тем не менее, не уставал повторять, что поддерживает нынешнего президента страны и проводимую им политику. Лидер страны, считает Худойбердыев, — человек честный и глубоко порядочный. Вся проблема, по его словам, в насквозь коррумпированном и криминальном окружении Эмомали Рахмонова. Еще четыре месяца назад в интервью агентству «Азия-Плюс» полковник заявил, что, по его мнению, прежде чем мириться с оппозицией и впустить ее отряды на территорию республики, властям необходимо навести порядок в собственном лагере, убрав из властных структур откровенных мафиози.

Впрочем, прав Худойбердыев или нет, но до тех пор, пока он стоял во главе самой боеспособной части таджикской армии, он президенту мешал. Поэтому все силы, верные верховному главнокомандующему, были брошены против его бригады. Накануне возвращения оппозиции Душанбе стремится взять под контроль ситуацию в регионах республики, для чего и старается убрать из политической колоды несколько «тузов», ставших лишними и малоуправляемыми. Как бы ни закончилось противостояние с Худойбердыевым, ясно, что на этом «разборки» в правительственном лагере вряд ли закончатся. Кто станет ненужным завтра? Победитель в нынешнем противостоянии Сухроб Касымов? Или командующий президентской гвардией Гафур Мирзоев по кличке Седой?

В пользу этой версии говорит и исторический опыт: в 1993 году кто-то очень искусно столкнул лбами двух чрезвычайно влиятельных «героев гражданской войны» — Сангака Сафарова и Файзали Саидова. Они погибли при довольно странных обстоятельствах, одновременно разрядив друг в друга обоймы своих автоматов... Вполне возможно, что, не имея возможности убрать «лишних» полевых командиров собственными силами, власти и на этот раз повторят испытанный сценарий, предоставив полевым командирам молотить друг друга. Однако весь вопрос в том, кто с кем и против кого в этой борьбе пойдет. Например, сегодня по Душанбе идут упорные слухи, что в боевых действиях против Худойбердыева на стороне президентской гвардии сражались моджахеды Резвона Содирова, печально известного захватом заложников весной этого года, когда в плену у него находились и сотрудники ООН, и группа российских журналистов — ИТАР-ТАСС, Интерфакса, НТВ.

Похоже, подписанное 27 июня в Кремле Общее соглашение о мире между таджиками не поставило точку в длящемся уже пятый год кровавом беспределе. Накануне возвращения оппозиции начинается новый этап борьбы — за передел сфер влияния. В экономике, политике, в криминальном мире. ■

Агентство «Азия-Плюс» — специально для «Итогов»
Душанбе

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Авторитеты гражданской войны

В 1992 году Якуб Салимов (фото внизу) и Сухроб Касымов (вверху), полевые командиры Народного фронта, немало сделали для разгрома оппозиции и прихода к власти президента Эмомали Рахмонова. Став из лидеров боевиков «героями гражданской войны», оба они были щедро вознаграждены новым правительством и сделались весьма влиятельными фигурами в Таджикистане.

Салимов за последние пять лет дослужился до генерала. До 1995 года он возглавлял самое мощное министерство — МВД. Затем был направлен послом в Турцию, а месяц назад пересел в кресло начальника республиканской таможенной службы. Этому предшествовал определивший многое в его отношениях с Рахмоновым эпизод: во время покушения на президента страны в Ходженте Якуб был едва ли не единственным, кто не растерялся и затащил раненного Рахмонова в безопасное место.

Касымов за это же время из малоизвестного предводителя группы боевиков стал командиром спецназа МВД в чине полковника. Его бригада, численность которой недавно была доведена до двух с половиной тысяч штыков, контролирует большую часть таджикской столицы. Рейтинг Касымова тоже ощутимо вырос за последнее время: поговаривают, что вскоре именно этот «боевой полковник» (он, кстати, как и сам президент, выходец из Куляба) получит портфель министра внутренних дел.

Политическая родословная третьей фигуры, оказавшейся в центре внимания — Махмуда Худойбердыева (в центре), — существенно отличается от биографий Салимова и Касымова. В отличие от большинства полевых командиров Таджикистана он не имеет криминального прошлого. Кадровый офицер, он окончил Алма-Атинское высшее военное училище, воевал в Афганистане и в Нагорном Карабахе. К лику национальных героев Худойбердыев был причислен летом 1992 года, когда он, угнав из расположения российского полка в Курган-Тюбе танк, открыто перешел на сторону Народного фронта. Это существенно повлияло на исход борьбы с оппозицией на юге республики.

До начала военных действий, в ходе которых Худойбердыев был разжалован из героев во враги народа, мятежный полковник возглавлял самую боеспособную и дисциплинированную часть в Таджикистане — бригаду быстрого реагирования, дислоцированную в Курган-Тюбе. В этом городе он расправился со всеми конкурентами, установил железный порядок и стал по существу полновластным хозяином региона. Худойбердыев любил подчеркнуть, что по Курган-Тюбе даже ночью можно гулять спокойно, в то время как в Душанбе, поделенном между полутора десятками вооруженных группировок, порядка нет и днем. Он не раз предлагал президенту Рахмонову свои услуги, чтобы навести порядок в столице, что, конечно, мало устраивало «действующих авторитетов».

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

Испытание перемирием

Недавняя вспышка военных действий в республике стала проверкой на прочность политики национального примирения

Постоянно меняющаяся ситуация в Таджикистане все чаще заставляет вспоминать соседний Афганистан. Центральная власть, контролирующая лишь часть территории своего государства, амбиции региональных лидеров, противоречия внутри правящего режима, чехарда временных политических союзов.

Вооруженный демарш полковника Худойбердыева завершился его отставкой с поста командующего Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Однако говорить о финале рано — пока неясно, как воспримет бригада отставку Худойбердыева и назначенного из центра нового командира. Неясно и то, надолго ли установилось спокойствие в Душанбе, где противоречия между различными группировками то и дело оборачиваются стрельбой на улицах.

Став президентом, Рахмонов был вынужден раздать своим сторонникам должности, передать под контроль территории или доходные предприятия — своего рода средневековые бенефиции, которые сюзерен раздавал вассалам. Однако в отличие от Эдуарда Шеварднадзе Эмомали Рахмонов не смог после прихода к власти избавиться от сторонников с сомнительной славой и криминальным прошлым. Распадающийся на субэтнические зоны Таджикистан жестче диктует правила политической борьбы, основанные на регионально-клановой принадлежности. Кроме того, у таджикского президента не было ни шеварднадзевского искусства, ни международной репутации.

После того как в республике началась поэтапная реализация мирных договоренностей, заключенных режимом Рахмонова и лидерами Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), ситуация не могла не обостриться. Эти соглашения, предусматривающие передачу трети правительственных постов представителям ОТО, определили совершенно новую расстановку сил в Таджикистане и заставили каждого лидера задуматься над прочностью своих позиций — оказаться за бортом соглашений опасаются многие влиятельные силы в стране.

Опасаясь бурной реакции тех, кто должен был уступить свой «бенефиций», окружение Рахмонова пока не объявляет, какие должности должны занять оппозиционеры. В итоге режим получил мину замедленного действия, поскольку каждый из его авторитетных сторонников готовится подкрепить свое влияние силой.

Много вопросов вызвало и соглашение о включении частей ОТО в вооруженные силы правительства Таджикистана. В этом соглашении некоторые региональные лидеры увидели новый военный союз. Мятежный полковник Худойбердыев, например, сразу заявил, что не допустит появления представителей ОТО на своей территории.

Обиженной могла себя почувствовать и политическая элита из северного региона, традиционно, еще в советские времена, игравшая в Таджикистане важную роль, но сегодня отодвинутая в сторону. После апрельского неудачного покушения на Рахмонова, совершенного в Ходженте, в этом городе проведены массовые аресты. Некоторые в Таджикистане полагают, что за последовавшими после покушения «чрезвычайными мерами» стоит желание центральных властей «поставить на место» влиятельного ходжентского лидера Абдумалика Абдулоджанова.

Очевидно, что в Таджикистане еще найдутся желающие проверить на прочность процесс национального примирения.

Евгений Гольянов

Крестики на ноликах

Тысяча и один аспект деноминации

Алексей Герасимов,
Михаил Плотников

ДЕНЬГИ

— Представляете, вчера в авиакатастрофе семь человек погибло.
— Какой ужас! Ведь по старому стилю это семьдесят!
(Анекдот начала 60-х)

Борис Ельцин улыбался, призывая журналистов после встречи с Сергеем Дубининым в «Волжском утесе» подождать несколько дней до объявления некоего важного решения. Если бы не эта улыбка, можно было бы подумать, что президент готовится объявить об отставке председателя Центробанка. Ведь, по мнению многих наблюдателей, г-н Дубинин поехал к отдыхающему президенту, чтобы услышать оргвыводы в связи с инициированным Центробанком в начале июля неудачным скандалом (ЦБ обвинял коммерческие банки и Андрея Вавилова в коррупции). Однако премьер-министр Виктор Черномырдин, также побывавший на берегах великой российской реки, успел, очевидно, подстелить соломку для своего выдвиженца. В результате, по слухам, на самом высоком уровне было решено «не трогать» г-на Дубинина.

Вместе с тем необходим был некий публичный жест президента в сторону главного банкира. Сохранение неопределенности повредило бы репутации как главы государства (перестал быть арбитром в важнейших спорах), так и председателя ЦБ (находится в подвешенном состоянии). Деноминация — удачный повод для позитивного диалога между Ельциным и Дубининым.

Это не означает, конечно, что деноминация была придумана специально и исключительно как повод для их двухчасовой беседы, но выбор момента для ее анонсирования многие комментаторы связали именно с необходимостью переключить внимание общественности на конструктивную деятельность Центробанка.

Другие причины для того, чтобы спешить с этим объявлением, не просматриваются. Весть о деноминации и через два месяца вызвала бы такое же импульсивное и непродолжительное повышение спроса на валюту, как и сейчас. За это время финансовые власти могли бы разве что получше подготовиться к изложению своих планов.

Впрочем, надо отдать должное организаторам информационной поддержки деноминации: минимально необходимый набор разъяснений был дан почти сразу. После двух выступлений президента в дополнительном освещении нуждался, пожалуй, только вопрос о влиянии деноминации на объем наличной денежной массы. И такой комментарий из Центробанка довольно быстро последовал: не повлияет.

НОВАЯ КУПЮРА ПОСЛУЖИЛА **СЕРГЕЮ ДУБИНИНУ** ЩИТОМ

После этого в умах граждан и на страницах печати остались скорее курьезные страхи по поводу предстоящей денежной реформы. Едва ли не самым живучим из них стало предположение, что после деноминации вследствие округления цен произойдет некоторое удорожание товаров. Жадный коммерсант, мол, под шумок заменит ценник «19 тысяч 975 рублей» на «19 рублей 98 копеек».

Такое, конечно, возможно. Но не менее вероятным представляется округление в сторону понижения. Ведь в рыночных условиях жадность коммерсанта, как известно, иногда может быть скорее удовлетворена благодаря именно снижению цены. Это только в анекдоте уличный торговец пытается продать старые калоши за миллион, потому что «деньги очень нужны».

Вообще деноминация рубля, занимавшая газетные страницы в течение двух недель, оказалась для журналистов на редкость сложной темой. С одной стороны — важное для всей страны событие, касающееся денежных интересов, самых кровных интересов граждан. Благодатная тема. С другой — сказать о нем (при условии не извращать фактов, воздерживаться от голословных утверждений и не отклоняться от темы) почти что и нечего. Ну зачеркнут три нуля. Ну завершат обмен старых денег на новые в 2002 году. Вот и все. Стремясь к особой глубине проникновения в материал, можно еще добавить, что ограничений при обмене не будет, стоить эта операция государству будет столько же, сколько постоянно идущая замена ветхих купюр новенькими, цены скорее всего не вырастут, потому что определяются платежеспособным спросом, а не масштабом денежной единицы (тем более что, руководствуясь польской схемой, постановили: первое время всюду будет указываться и старая цена, и новая, так что маневры с ее повышением под прикрытием реформы не составит труда разоблачить). И завершить углубленный анализ можно мыслью, что доллар не будет совершать резких скачков, так как в случае чего Центробанк удержит курс с помощью валютных интервенций, и указать на польский, украинский, прибалтийский и прочие деноминационные опыты.

А как же откровения и разоблачения антинародной политики правительства? К сожалению, нельзя просто так взять и написать, что власти опять хотят обмануть бедных граждан и заработать: от тебя потребуют доказательств, а они отсутствуют. И в этой ситуации многие издания сделали остроумный ход: журналист ничего не объясняет и не анализирует, он как бы самоустраняется и поручает дело разоблачения своим читателям — публикует подборку читательских писем. И если от самого журналиста можно было бы требовать минимальной логики, то в читательских письмах она необязательна.

«Я накопила себе на похороны 3 млн. А сын говорит — опять у тебя там рубль будет лежать. Недавно на 60 тыс. купила лекарство от давления. Разве мы живем?» (Нина Кулемина, медсестра)

«У нас две старухи бросились с крыши, оставив записки, в которых написали, что несогласны с этой жизнью. Хочется поскорее умереть. Но живой-то не ляжешь в гроб». (Маргарита Андреевна Зайцева)

«Считаю, что это сволочи, бесконечно далекие от народа», — делится с «МК» некий москвич.

«Пусть сначала нам дадут нормальную пенсию».

Содержание писем весьма показательно: они демонстрируют отчаяние и связанную с ним озлобленность самых бедных слоев населения, понимающих только одно — что им плохо. Однако к деноминации эти письма имеют не больше отношения, чем к инфляции, жилищно-коммунальной реформе и новым выборам. И использовать их в разоблачительных целях не очень добросовестно. Так же как и печатать письма с явными ошибками в ходе рассуждений.

«Сейчас десяток яиц стоит 5 тыс. Ведь они же не будут стоить 50 коп.!» Зачеркнули четыре нуля вместо трех, но никто этого вроде бы и не замечает. «Я получаю 300 тысяч. Ни разу мой рубль не сделали одной тысячей, а теперь хотят все отнять». Автор-пенсионер, очевидно, не заметил, как в период инфляции рубли его пенсии как раз и превратились в тысячи и десятки тысяч.

Хочется надеяться, что пресса не стремится поиздеваться над своими читателями. Но поскольку отбор ведется по одному лишь принципу «чтоб стало страшно», в деноминационные рубрики газет слишком часто попадают письма, на самом деле интересные лишь в качестве курьеза.

«Деноминация необходима, — пишет московский инженер, — но не на три знака, а на четыре. А три знака — скрытая форма обмана населения. 3600 руб. превратятся не в 3 руб. 60 коп., а в 4 руб. А если бы их превратили в 36 коп., все было бы нормально».

А на самом-то деле суть в том, делится конфиденциальной информацией продавщица из Нижнего Новгорода (а центральная пресса, не дрогнув, предоставляет место для ее информации), что среди нынешних денег попадаются радиоактивные купюры, и деноминация — способ, избежав скандала, тихо вывести их из оборота.

Героическую, хоть и не слишком удачную попытку разоблачить реформу собственным, а не чужим пером предприняла, кажется, только «Правда-пять».

Она решила пресечь зло в самом зародыше, доказав, что уже ельцинское заявление об обмене денег — ложь с первого до последнего слова. Сегодня принято решение о деноминации, сказал президент. Надо ли говорить, тонко замечает газета, что на самом-то деле оно было принято далеко не сегодня! Короче, реформа «начиналась... с большого государственного вранья». Нельзя также не вспомнить, не совсем кстати вставляет «Правда-пять», и царские реформы. В старой России всегда «рубль серебром стоил в несколько раз меньше, чем рубль ассигнациями». Это неожиданное откровение (верное, как говорится, с точностью до наоборот) завершает дело.

РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ ПРИВЫКЛИ БЫСТРО РЕАГИРОВАТЬ **НА СООБЩЕНИЯ О ДЕНЕЖНЫХ РЕФОРМАХ**

Целый ряд комментаторов избрал в сложившейся ситуации другую, более гибкую тактику. Ведь тему деноминации можно связать практически с любым вопросом экономического плана: под тем предлогом, что и там, и там фигурируют деньги. А по ходу сопоставления заодно попытаться что-нибудь разоблачить. Лучше всего эта позиция выражается словами: «Не верю, что это просто так. Что-то за этим да стоит».

Так что же? Каждый придумывает, насколько хватает фантазии. «Все это хорошо, мера правильная, логичная, своевременная — но как будут пересчитываться в новых деньгах обесценившиеся вклады населения?» — задаются вопросом «Известия». Очевидный ответ, что так же, как и цены, зарплаты и вообще все, автору материала почему-то в голову не приходит.

«Московская правда» пророчит, что деноминация приведет к дальнейшему расслоению населения: «Реальные доходы госслужащих упадут в результате деноминации процентов на 30, в то время как для служащих коммерческих структур это как-то компенсируют. В результате деноминация пагубно скажется на здравоохранении».

Примеров можно привести множество. Самое неприятное состоит в том, что обнародование всех этих мнений, открытий и откровений нельзя назвать совершенно безобидным. На самом деле единственное, что может грозить спокойному протеканию деноминации, — психологический фактор, паника населения, в результате которой и цены могут вырасти, и рубль упасть. А высказывание остроумных и оригинальных суждений о скрытом смысле реформы и подлинных ее целях, хоть и способствует увеличению популярности издания, заодно повышает и вероятность такой паники. ■

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Хроника денежной реформы

Реформа 1947 года носила откровенно конфискационный характер. Особенно в отношении вкладов населения в банки. В соотношении 10:1 менялись только 3 тыс. руб., остальные — по менее выгодному курсу. При «утяжелении» денег в 10 раз цены стали «легче» всего в 3 раза. Зато потом у государства появилась возможность время от времени их снижать. Официальное обоснование реформы гласило, что во время войны появилось очень много фальшивых денег, избавиться от которых можно было только таким образом. Обмену подлежали только бумажные деньги, вся мелочь осталась в обращении.

Никите Хрущеву очень хотелось, чтобы рубль стал дороже доллара. Говорят, в этом и была основная причина реформы 1961 года. Цели своей он в принципе добился. Стоивший примерно 4 рубля доллар «подешевел» до 40—50 копеек. Впрочем, это не значило, что его стало можно покупать. В целом в 1961 году все проходило гораздо спокойнее. Старые деньги исчезли из оборота в течение нескольких месяцев, недостатка в новых деньгах не ощущалось. Монеты в 1, 2 и 3 копейки в 1961 году остались старые, поэтому те, кто скопил много медяков, могли в те годы даже заработать. Однако определенное повышение цен все-таки произошло — цены на некоторые товары округлили в сторону их увеличения, а дешевые товары типа спичек и газированной воды, и до этого стоившие копейки, остались неизменными, хотя теоретически должны были понизиться.

Самая большая паника была вызвана обменом пятидесяти- и сторублевых купюр в 1991 году при министре финансов СССР Валентине Павлове. Незадолго до этого председатель Госбанка СССР Виктор Геращенко дал свою руку на отсечение, что денежной реформы не будет. Впрочем, оправдание скрытности было найдено без труда: повышенная секретность была необходима для предотвращения империалистического заговора. Западные банки, дескать, накопили в своих хранилищах уйму пятидесятирублевок и готовили финансовую диверсию против страны Советов.

Тогда обмен купюр проводился строго по месту работы из расчета среднемесячной зарплаты. Авторы той реформы считали, что именно таким способом можно уничтожить подпольных миллионеров, хранивших свои деньги «в чулке». На миллионерах, естественно, эта реформа не отразилась, а простые граждане искали среди своих знакомых тех, у кого не было на руках крупных купюр, чтобы они могли совершить обмен. Но особенно пострадали люди, находившиеся в тот момент в командировках и отпусках: обменять купюры им было негде.

Последняя реформа случилась в 1993 году — из обращения изымали купюры старого образца. Было объявлено, что обменять деньги можно только в отделении Сбербанка, только в течение трех дней и только один раз (в паспорта граждан даже ставилась специальная отметка о совершении обмена). Огромные очереди в сберкассах вызвали не менее огромную панику, и президент Ельцин своими полномочиями продлил срок обмена до бесконечности.

Марина Сергеева

КАК ЭТО БЫЛО

1 АПРЕЛЯ 1976 — СТИВ ДЖОБС И СТИВ ВОЗНЯК СОЗДАЮТ ФИРМУ APPLE COMPUTER.
1977 — АМЕРИКАНСКИЙ МИЛЛИОНЕР МАРКУЛЛА ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К КОМПАНИИ КАК ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ, ВЛОЖИВ В НЕЕ 25 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ, И APPLE ПРЕДСТАВЛЯЕТ КОМПЬЮТЕР APPLE II.
1983 — БЛАГОДАРЯ БУМУ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ КОМПЬЮТЕРЫ APPLE ВХОДИТ В СПИСОК FORTUNE 500 И ПРИГЛАШАЕТ В КАЧЕСТВЕ ПРЕЗИДЕНТА И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ ГЛАВУ КОРПОРАЦИИ PEPSI ДЖОНА СКАЛЛИ.
1984 — APPLE ПРЕДСТАВЛЯЕТ КОМПЬЮТЕР ПОД МАРКОЙ MACINTOSH.
1985 — КОНФЛИКТ С ДЖОНОМ СКАЛЛИ ФАКТИЧЕСКИ СТАНОВИТСЯ ПРИЧИНОЙ УХОДА ИЗ КОРПОРАЦИИ ДЖОБСА. APPLE НАЧИНАЕТ ТЕРПЕТЬ ФИНАНСОВЫЕ НЕУДАЧИ И УВОЛЬНЯЕТ 1200 СЛУЖАЩИХ.

Гейтс яблоко не съел. Только надкусил

А Стив Джобс, легендарный основатель корпорации Apple, ему это позволил. Для спасения родного детища все средства хороши

О ТОМ, ЧТО **БИЛЛ ГЕЙТС СТАЛ АКЦИОНЕРОМ APPLE,** БЫЛО ОБЪЯВЛЕНО НА ВЫСТАВКЕ MACWORLD EXPO **ПОД СВИСТ И УЛЮЛЮКАНЬЯ** ПРИСУТСТВУЮЩИХ

Андрей Солдатов,
Егор Быковский

ВОСКРЕШЕНИЕ

События июля—августа 1997 года вновь привлекли внимание к легендарной, многократно похороненной аналитиками и все же существующей уже более двадцати лет корпорации Apple Computer. Между тем то, что произошло 6 августа и так взбудоражило мировую компьютерную общественность и деловые круги, выглядит на первый взгляд в общем-то не слишком значительным: инвестировать в Apple решила корпорация Microsoft. Microsoft выплачивает 150 миллионов долларов, получая взамен 7% неголосующих акций Apple, которые через три года будут превращены в обыкновенные. Кроме того, Microsoft берет на себя обязательство производить и другие денежные вливания, размер которых не разглашается. Microsoft, правда, на этой сделке далеко не разорилась — у компании рыночной стоимостью примерно в 150 миллиардов долларов в фонде наличности не менее 10 миллиардов, и только в этом году она потратила на приобретение третьих фирм почти 2 миллиарда. Мало того, за три дня после объявления о сделке акции Apple повысились с 16,50 до 23,81 доллара за акцию. В результате Microsoft «потолстела» на 90 миллионов.

Соглашение также включает технологические аспекты: согласно условиям договора, Microsoft разработает для компьютеров Macintosh версии большинства своих популярных программных продуктов, включая пакет Microsoft Office и программу навигации в глобальной сети Internet Explorer. Впрочем, в этом нет ничего сенсационного: подобного рода практика существует достаточно давно, и «обновление» договора лишь послужило для миллионов пользователей сигналом того, что Apple вполне жизнеспособен (ведь даже самый лучший в мире компьютер без прикладных программ «скорее мертв, чем жив»).

Однако, узнав об этой сделке, всполошились буквально все. Не стоит забывать, что сегодня для всего мира Apple — прежде всего несомненный лидер по производству компьютеров для издательского бизнеса (для обработки изображений, верстки). А в США у Apple сильные позиции на рынке персональных компьютеров: Пентагон и система образовательных учреждений предпочитают именно Mac'и.

Однако то, почему Apple подписала соглашение со стратегическим конкурентом и, мало того, в немалой степени утратила свою независимость из-за незначительной для такой большой компании суммы в 150 миллионов, достойно отдельного внимания.

Эпоха Амелио

Есть компании «бурно растущие», и есть «успешно преодолевающие трудности». Причем разница заключается не в технологиях (если мы говорим о компьютерном рынке), количестве инвестиций и т.п., а лишь в стиле менеджмента.

За последние пару лет Apple, безусловно относящаяся ко второй категории, вновь подтвердила свой раз и навсегда выбранный имидж. В первые же 100 дней своего правления (пришедшиеся на начало 1996 года) новый глава компании Гильберт Амелио объявил о глобальной перестройке, согласно которой Apple была разделена на семь финансово самостоятельных дивизионов. В это же время Apple, известная закрытостью технологий, наконец позволила третьим фирмам производить совместимые с архитектурой Apple компьютеры. Компания также подписала соглашение с Sun Microsystems Inc., что должно было создать альтернативу доминирующему сегодня в компьютерной индустрии альянсу Microsoft и Intel (крупнейший производитель процессоров). Чуть позднее Apple купила за 400 миллионов долларов фирму — разработчика программного обеспечения NeXT Software, возглавляемую Стивеном Джобсом (основавшим в свое время Apple). На этот раз это должно было помочь разработке «супероперационной» системы Rhapsody. Недавно Гильберт Амелио даже решился выделить в отдельную структуру одно из последних еще прибыльных подразделений — фирму по производству мини-компьютеров Newton (карманные компьютеры со «взрослыми» возможностями. Ввод информации допускается как с клавиатуры, так и специальным пером по сенсорному экрану).

Однако все эти действия не способствовали выходу корпорации из кризиса. За весь 1996 год потери Apple составили 816 миллионов долларов, или 6,59 доллара на акцию, в то время как в 1995-м компания получила прибыль в 424 миллиона, или 3,45 доллара на акцию. Первое полугодие 1997-го также не порадовало акционеров Apple приятными финансовыми неожиданностями. А Амелио ни до, ни после своих первых «ста дней» так и не выдал на-гора обещанный стратегический план возрождения Apple.

Ситуация еще больше осложнилась, когда известный миллиардер Ларри Эллисон, глава корпорации Oracle (производитель программных продуктов), изъявил желание приобрести продолжающую терпеть убытки Apple.

Весной этого года в газетном интервью г-н Эллисон заявил, что уже сформировал инвестиционную группу для приобретения на 1

ГИЛЬБЕРТ АМЕЛИО (СЛЕВА) **ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ. ЕГО МЕСТО** ВО ГЛАВЕ КОМПАНИИ APPLE **ЗАНЯЛ СТИВ ДЖОБС,** КОТОРЫЙ И ОСНОВАЛ ЕЕ 20 ЛЕТ НАЗАД

1987 — APPLE ПРЕДСТАВЛЯЕТ MAC II.
1991 — APPLE УВОЛЬНЯЕТ ОКОЛО 10% СЛУЖАЩИХ (ОБЩЕЕ ЧИСЛО КОТОРЫХ СОСТАВЛЯЛО ТОГДА ОКОЛО 16 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК) И НАЧИНАЕТ ПРОГРАММУ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ КОМПАНИИ.
1993 — APPLE ПРЕДСТАВЛЯЕТ МИНИ-КОМПЬЮТЕР NEWTON, А СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ КОМПАНИИ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ СМЕНИТЬ ДЖОНА СКАЛЛИ НА МАЙКЛА СПИНДЛЕРА. КОМПАНИЯ УВОЛЬНЯЕТ 2,5 ТЫСЯЧИ СЛУЖАЩИХ, ИЛИ 15% ПЕРСОНАЛА.
1994 — APPLE ПРЕДСТАВЛЯЕТ КОМПЬЮТЕР СЛЕДУЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ POWER MACINTOSH И ОТКЛОНЯЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОКУПКЕ КОМПАНИИ «ГОЛУБЫМ ГИГАНТОМ» — КОРПОРАЦИЕЙ IBM (ПО 40 ДОЛЛАРОВ ЗА АКЦИЮ).
ЯНВАРЬ 1996 — ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ О КВАРТАЛЬНЫХ ПОТЕРЯХ В 69 МЛН. ДОЛЛ. APPLE СНОВА ИДЕТ НА СОКРАЩЕНИЕ ШТАТОВ — НА ЭТОТ РАЗ

1300 СЛУЖАЩИХ. МАЙКЛ СПИНДЛЕР УХОДИТ В ОТСТАВКУ, И НОВЫМ ГЛАВОЙ APPLE СТАНОВИТСЯ ГИЛЬБЕРТ АМЕЛИО. В APPLE ОБСУЖДАЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ ПОКУПКИ КОМПАНИЕЙ SUN MICROSYSTEMS, НО ПЕРЕГОВОРЫ ОБРЫВАЮТСЯ.

ДЕКАБРЬ 1996 — APPLE ПОКУПАЕТ ВОЗГЛАВЛЯЕМУЮ СТИВОМ ДЖОБСОМ КОМПАНИЮ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ NEXT SOFTWARE ЗА 400 МЛН. ДОЛЛ.

ЯНВАРЬ 1997 — ПЕРЕД ЛИЦОМ ОЧЕРЕДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ПОТЕРЬ ГИЛЬБЕРТ АМЕЛИО ОБЪЯВЛЯЕТ ОБ ОЧЕРЕДНОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ.

МАРТ 1997 — ЛАРРИ ЭЛЛИСОН, ГЛАВА КОРПОРАЦИИ ORACLE, ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО СОБИРАЕТСЯ КУПИТЬ APPLE. APPLE НАНИМАЕТ АДВОКАТСКУЮ ФИРМУ GOLDMAN SACHS, ЧТОБЫ ПАРИРОВАТЬ ДОМОГАТЕЛЬСТВА ЭЛЛИСОНА.

ИЮЛЬ 1997 — АМЕЛИО УВОЛЬНЯЕТСЯ, И APPLE НАЧИНАЕТ ПОИСКИ НОВОГО ГЛАВЫ КОМПАНИИ. СТИВ ДЖОБС, ОФИЦИАЛЬНО НАХОДЯСЬ В РАНГЕ КОНСУЛЬТАНТА, НАЧИНАЕТ ИГРАТЬ ВЕДУЩУЮ РОЛЬ В КОРПОРАЦИИ.

6 АВГУСТА 1997 — НА БОСТОНСКОЙ ВЫСТАВКЕ MACWORLD EXPO СТИВ ДЖОБС И БИЛЛ ГЕЙТС ОБЪЯВЛЯЮТ О ПОДПИСАНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ, СОГЛАСНО КОТОРОМУ MICROSOFT CORP. ИНВЕСТИРУЕТ В APPLE 150 МЛН. ДОЛЛ. ТАМ ЖЕ ОГЛАШАЕТСЯ НОВЫЙ СОСТАВ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ. ДНЕМ РАНЬШЕ КОМПАНИЮ ПОКИДАЕТ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ И ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ APPLE ЛОУРЕНС ТЕСЛЕР, ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ТЕХНИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ КОМПАНИИ И ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ В НЕЙ ВСЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ. ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ: «ЧТОБЫ ОСНОВАТЬ СОБСТВЕННУЮ ФИРМУ ПО РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ».

«ЛЮДИ-ЛЕГЕНДЫ» СТИВ ВОЗНЯК И СТИВ ДЖОБС В 1977 ГОДУ **ПРЕДСТАВЛЯЮТ ПУБЛИКЕ ПЕРВЫЙ APPLE1.** ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ **«ЦАРЕМ ГОРЫ»** СТАЛ БИЛЛ ГЕЙТС

млрд. долларов пакета акций Apple. Чуть позже в разговоре с корреспондентом «Итогов» его заместитель Рэй Лэйн заявил, что «Ларри способен заплатить и полтора миллиарда, даже если не найдет партнеров — так ему хочется». По словам г-на Эллисона, предпринимаемые действия никак не связаны с Oracle и стали его личной инициативой, единственная цель которой — помешать растущему монополизму Microsoft. Однако Гильберт Амелио воспринял идею Эллисона в штыки. Впрочем, Эллисон в долгу не остался. Первое, что он собирался сделать, получив контроль над Apple, — уволить все руководящее звено компании, и в первую очередь г-на Амелио.

И был скорее всего прав. Многие сотрудники Apple, привыкшие в определенным корпоративным традициям, были вовсе не в восторге от Амелио, неустанно заботившегося о расширении личного офиса и оплате счетов за содержание собственного самолета. Кроме того, он настаивал на том, чтобы к нему обращались не «Джил», а не иначе как «доктор Амелио» — и это в компании, где докторов наук не меньше, чем мест на автостоянке возле главного корпуса.

Однако, едва возникнув, скандальная ситуация по странному стечению обстоятельств почти тут же и разрешилась. В июле этого года Гильберт Амелио сам подал заявление об уходе. Главную роль в компании стал играть Стив Джобс — легендарная личность для компьютерного мира, в 80-х годах и вовсе «компьютерный человек №1», а кроме того, близкий друг Ларри Эллисона. Забавно, что в апреле этого года Эллисон сообщил одному из авторов этих строк, что «Джобс ни за что не вернется в компьютерный бизнес». Кстати, двоих друзей объединяет не только интерес к Apple. Кроме прочего, и Стив Джобс, и Ларри Эллисон обладают незаурядными актерскими данными, оба являются несомненными харизматическими лидерами.

Уже одно возвращение Стива Джобса подняло курс акций Apple почти вдвое. Лавры от первых летних успехов компании достались именно ему. По воле случая Стиву Джобсу пришлось объявлять о более чем удачных результатах продаж разработанной еще при Амелио свежей версии операционной системы Macintosh — MacOS 8 (уже продано около 1,2 миллиона копий программы), выведенной на рынок 26 июля. С легкой руки Стива Джобса Apple наконец вспомнила о «промоушн» — компания подтвердила, что она вновь начинает работать с рекламным агентством TBWA Chiat/Day, тем самым агентством, которое организовало в 1984 году триумфальное представление первого компьютера Macintosh.

А 6 августа на выставке MacWorld Expo Стив Джобс, кроме объявления о подписании контракта с Microsoft, назвал новый состав совета директоров Apple. Наблюдатели не очень удивились, услышав о том, что теперь в него вошли такие лица, как сам Стив Джобс и ... кто бы вы думали — Ларри Эллисон. Джобс, правда, недвусмысленно дал понять, что ни на какой исполнительный пост в компании он не согласится (в настоящий момент он формально числится консультантом).

Трое над телом Apple

Настоящее восхищение вызывает то, как Стив Джобс умудрился, с одной стороны, ясно обозначить сближение позиций Apple и Microsoft (еще и деньги не забыв взять у последней), а с другой —усилить влияние Ларри Эллисона в руководстве компании. Впрочем, и Биллу Гейтсу, и Ларри Эллисону, по большому счету, сегодня от проблемы Apple никуда не деться.

Для Эллисона это новая большая возможность продвижения столь полюбившейся идеи «сетевого компьютера» (так называемый интеллектуальный терминал для работы в Интернете, см. «Итоги» №9, 1997). Он и сейчас в качестве решения проблем Apple предлагает сосредоточить усилия корпорации на выпуске дешевых персоналок, а также превратить ее в производителя сетевых компьютеров под торговой маркой Macintosh. У Microsoft причин интересоваться Apple едва ли не больше. Не стоит забывать, что Microsoft ежегодно продает программное обеспечение, адаптированное к системам Macintosh, минимум на 300 миллионов долларов. Кроме того, умри Apple, и Microsoft нечем будет прикрыться от исков антимонопольного ведомства США. Пока у компании Билла Гейтса есть хотя бы один полновесный конкурент, пусть всего с 4 процентами рынка, она спокойно может давить всех остальных. Что и произошло — переходом Apple на сторону «дьявольского Билла» нанесен мощнейший удар по позициям двух других серьезных конкурентов Microsoft — Sun и Netscape.

А потом остается еще Rhapsody. Напомним, что операционная система следующего поколения Rhapsody (главным достоинством которой станет ее независимость от платформы компьютера — будь то PC, Apple, Sun и пр.) остается последним «тузом в рукаве» Apple, способным вывести ее из кризиса. Возможно, пока Rhapsody — лишь удачно «раскрученный» недюжинным рекламным талантом Стива Джобса незаконченный продукт, который может никогда не попасть к покупателям. Однако не стоит забывать, что такой способ выбираться из патовых ситуаций — вполне в стиле Apple. В не менее драматичном 1993 году компания вышла из кризиса, представив мини-компьютеры Newton, мгновенно завоевавшие мировой рынок. Вероятность повторения успеха с Rhapsody достаточно велика. А мировым китам компьютерной индустрии приходится подстраховываться — ведь сюрпризы для конкурентов остаются любимой тактикой Apple. ■

Сделайте нам красиво!

Если стиль менеджмента в Apple на протяжении всей ее истории можно с полным основанием охарактеризовать как «беспорядочно-импульсивный», то дизайнеры компании еще с 70-х годов неизменно отличались хорошим вкусом и нестандартными решениями. Apple всегда гордилась умением влить передовые технологии в привлекательную оболочку, то совершая экскурсы в постмодерн (справа) или футуризм (в центре), то возвращаясь к своему традиционному мягко-округлому, «домашнему» стилю. «Макинтош 20» (в центре) поступил в продажу в конце весны и представляет собой мощный компьютер шириной в несколько сантиметров, с 14-дюймовым дисплеем, «доведенный» до уровня домашнего развлекательного центра (со встроенным вертикальным CD-приводом, ТВ-приемником, AM-FM тюнером и 40-ваттным стереоусилителем; низкочастотный динамик виден справа). У его литиевых батарей «запас хода» до 2006 года, и с такими продуктами, как компьютер для школьника eMate (слева), который не побоится взять в руки даже запуганный до смерти уроками Бэйсика ученик, или горячо любимый «вечными командировочными» Newton (на том же снимке), у компании есть все шансы прожить еще много лет.

Падшая госсобственность

Крупные казенные предприятия пошли по рукам, но вопреки надеждам идеологов реформы так и не обрели заботливых покровителей

Ирина Ясина

ФИНАНСОВЫЕ ХРОНИКИ

Одна из любимых и наиболее часто сбывающихся поговорок гласит: «Стрелочник виноват». Где же тот стрелочник, который виноват в череде скандалов, потрясающих российский истеблишмент все последнее время? И означают ли эти события что-то, кроме сотрясения воздуха, для всех тех, кто не участвует в них непосредственно или косвенно?

Когда в декабре 1995 года в России состоялись первые залоговые аукционы, наблюдатели были поражены тем, как куски государственной собственности отдавались почти задаром в руки коммерсантов, выигравших конкурсы у самих себя или у своих же дочерних фирм. Так, если вспомнить, крупнейшая нефтяная компания «Юкос» была приобретена АО «Лагуна», зарегистрированным за две недели до аукциона в городе Талдом Московской области. У акционерного общества не было ни капитала, ни кредитной истории. «Юкос» обошелся «Лагуне», за которой стоял «Менатеп», в сумму, не поражающую воображение. При этом стараниями хитроумных банкиров схема оплаты была построена так, что практически вся выручка осталась в банке-победителе и вряд ли сможет быть когда-нибудь использована. Однако в ответ на недоуменные вопросы «Зачем отдавать так дешево? И так спешно?» люди из Белого дома вздыхали и ссылались на непомерные трудности с бюджетом. Денег, как всегда, не было. К тому же на страну надвигалась пора президентских выборов, а потому дыры в бюджете нужно было латать любой ценой.

Так или иначе, но хотя бы на бумаге триллионы от приватизации поступили в бюджет и на непродолжительное время сбили температуру. При этом, однако, серьезно повредили общему здоровью организма: правительство, «поступившееся принципами» ради видимости решения проблемы, превратилось в наркомана, который должен опять и опять принимать вожделенное зелье. С бюджетом-то лучше не стало.

В последующие годы мало что изменилось. В бюджетную топку летели западные кредиты, налоговые недоимки Газпрома и деньги от приватизации. В связи с этим стоит вспомнить, что идеологи экономической реформы не раз обращали внимание на то, что главная задача приватизации — создание эффективного собственника предприятия, который в отличие от государственного чиновника развивал бы его в своих кровных стратегических интересах. Пополнение бюджета при этом — лишь приятный побочный эффект. Такие сладкие кусочки, как «Норильский никель», продаются только один раз. Для бюджета куда важнее упорядочить текущие поступления, собираемость налогов и прочие рутинные процедуры.

Идеологи реформы говорят также, что неважно, кто первым возьмет бывшую государственную собственность. Главное — чтобы она пошла по рукам, и рано или поздно настоящий владелец купит ее за настоящие деньги и будет любить, холить и лелеять. Так и случилось со множеством булочных, бензозаправок, ателье и парикмахерских. Сегодня большинством объектов массовой приватизации владеют уже не те, кому удалось ухватить их поначалу, а те, кто умеет эффективно управлять ими и извлекать прибыль.

Однако с крупными, штучными объектами дело обстоит несколько иначе. В процессе смены хозяина бобик может сдохнуть. Как, собственно, и случилось уже с Усть-Илимским целлюлозно-бумажным комбинатом, с череповецким «Азотом», ведомым ОНЭКСИМом-Интеррос, и рядом других объектов. Оно и понятно. Одна и та же группа не может быть эффективным собственником и горно-металлургических комбинатов, и пароходств, и предприятий по производству удобрений, и заводов авиационных двигателей. К сожалению, практика показывает, что при распродаже крупных стратегических объектов на спекулянта полагаться нельзя. Выкачивая из приобретения текущую выручку, чтобы хоть как-то окупить свои вложения в ожидании возможности «по-настоящему» продать собственность, спекулянт губит производство.

Существует ли альтернатива подобному развитию событий? Да. При приватизации крупных промышленных объектов в Великобритании, Восточной Европе, Латинской Америке государства старались как можно полнее моделировать рыночные условия продажи. Конкурсы были открытые для всех инвесторов, доступ к ним никак не ограничивался, подробнейшая информация о распродаваемом имуществе распространялась заранее и широко. Если бы эти условия соблюдались и у нас, наверное, Дойче-банку не пришлось бы прибегать к услугам российского посредника для получения доступа к конкурсу по «Связьинвесту», а потом краснеть и за партнера, и за всю процедуру торгов.

Отчего же власть не принимает во внимание очевидные, ежу понятные истины? Недальновидность руководителей? Корыстность чиновников? Неумение противостоять давлению новоявленных набобов? Возможно и то, и другое, и третье. Все эти беды новой российской власти не столь уж новы в российской истории. Читайте Салтыкова-Щедрина. Казалось бы, на этой философской ноте и можно закончить. Однако от последних приватизационных мероприятий остается горький привкус. Хочется требовать конкретных мер, потому что в конечном итоге тот самый экономический рост, о котором так долго говорили и большевики, и меньшевики, откладывается в результате подобных «происшествий». Что не просто обидно, а еще и накладно для экономики в целом и для каждого жителя страны в отдельности.

Борьба за «Мир» до последнего рубля

Россия будет делать все возможное, чтобы сохранить старую орбитальную станцию до вступления в строй новой, международной

Валерий Бабердин

ЭПОПЕЯ

Накануне старта «спасательной команды» Анатолия Соловьева и Павла Виноградова на «Мире» случилась новая неприятность — в очередной раз отказала система «Электрон», обеспечивающая станцию кислородом. С технической точки зрения эта авария по сравнению с предыдущими сущий пустяк. Беда только, что многих она укрепила во мнении — станция свое отлетала. Ведь в этот раз никаких ошибочных действий космонавты уж точно не совершали. В целях экономии энергии они решили отключить систему «Электрон» и для пополнения кислорода в атмосфере станции использовать запас, имеющийся в пристыкованном к «Миру» «Прогрессе». Когда же космонавты попытались вновь запустить «Электрон», тот не заработал. Такое уже бывало не раз. Система очень капризная, предыдущие экипажи с ней тоже мучились. «Не волнуйтесь, — успокаивал во время сеанса связи командир корабля Землю, — мы его капризы знаем не хуже, чем капризы наших собственных жен».

За время работы последней экспедиции это уже второй случай выхода из строя «Электрона». В марте сломались обе имеющиеся на станции установки. Одну удалось восстановить, а вторую заменили на новую, которую доставил на орбиту очередной грузовик. Подключать ее в целях экономии энергии тогда не стали.

«Электрон» — это обычный электролизатор, разлагающий воду на водород и кислород. Вот только вода поступает в него необычным образом. На станции две системы регенерации. Главная регенерирует воду из мочи. Размещена она соответственно под туалетом модуля «Квант». Это сложнейший агрегат, по сути химический мини-завод ступенчатой очистки, в котором использованы самые современные, в том числе мембранные, технологии. Врачи утверждают, что получаемую с его помощью воду можно даже пить. Этого, конечно, никто не делает. На станции ее используют для технических нужд, в частности, в «Электроне».

Как раз эта система очистки и не запустилась. Космонавты неисправность нашли — в одном из трубопроводов образовалась щелочная пробка. Скорее всего его удастся промыть.

Центр управления полетами к последней аварии отнесся с полным спокойствием. Сейчас на «Мире» недостатка в кислороде нет. Космонавты периодически жгут кислородные шашки (регенеративные патроны наподобие тех, что применяются в подводных лодках), запаса которых хватит на 2,5 месяца. Землю гораздо больше волновало, как пройдет посадка. На экипаж Циблиева столько всего свалилось, что больше сбоев нельзя было допустить. И когда 14 августа в 16 часов 17 минут на табло в ЦУПе вспыхнул транспарант «Есть посадка», мужчины в галстуках на несколько минут утратили всю свою солидность.

Инспекции

Все понимают: не будет станции — не будет и нашей пилотируемой космонавтики. Не случайно на главные российские космические объекты зачастили высокие гости. 22 июля министр обороны Игорь Сергеев и секретарь Совета обороны Юрий Батурин посетили подмосковный Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина. Провели они там целый рабочий день, детально ознакомились с процессом подготовки космонавтов, осмотрели учебно-тренировочный и научно-технический комплексы. На служебном совещании Сергеев, в частности, попросил инструкторов и методистов Центра дать оценку действиям экипажа во время аварии, приведшей к разгерметизации модуля «Спектр». Общее мнение выступавших: ни о какой вине космонавтов говорить не приходится, ошибки же их в значительной мере обусловлены ошибками и недоработками наземных служб.

Интересно, что с того же вопроса — кто виноват в аварии на «Мире»? — начал свое посещение Государственного научно-производственного центра имени Хруничева и президент. Как отвечали на него создатели космической техники, понятно, и немудрено, что в конце визита Борис Николаевич заявил: «Во всех авариях на «Мире» техника ни при чем, здесь проявился человеческий фактор». Многие восприняли эту фразу как прямое обвинение в адрес экипажа, хотя у корреспондента «Итогов», присутствовавшего на встрече, создалось впечатление, что президент имел в виду не конкретно космонавтов, а всех, кто так или иначе причастен к полету.

На космодром Байконур проводить космическую экспедицию Анатолия Соловьева и Павла Виноградова также вылетела весьма представительная команда: вице-премьер Яков Уринсон, генеральный директор Ракетно-космического агентства (РКА) Юрий Коптев, секретарь Совета обороны Юрий Батурин, министр обороны Игорь Сергеев, главком РВСН Владимир Яковлев, помощник президента Евгений Шапошников. Впрочем, чиновников интересовал не столько сам запуск, сколько состояние Байконура. Визит во многом связан с предстоящим включением Военно-космических сил, в чьем ведении находится космодром, в состав Ракетных войск стратегического назначения. Дело это уже решенное, но у многих, в том числе у Юрия Батурина, целесообразность такого шага вызывает большие сомнения. Переход космодрома под юрисдикцию РВСН неизбежно породит массу проблем — и организационных, и даже политических. Например, американские фирмы за коммерческие запуски будут платит теперь Ракетным войскам стратегического назначения. Нетрудно представить себе, как к этому отнесутся западные политики. Можно, конечно, передать стартовые комплексы чисто гражданскому ведомству, РКА, специалисты которого обеспечивают сейчас техническое сопровождение запусков, но такая передача — сложный и длительный процесс: инфраструктура, вся процедура подготовки космических стартов, идеология управления складывались десятилетиями. Рушить все это вряд ли целесообразно.

БОРИС ЕЛЬЦИН ПРИВЕЗ В ЦЕНТР ИМЕНИ ХРУНИЧЕВА **ДЕНЬГИ, ПОКА В ВИДЕ ПРИКАЗА**

Смена

Что говорить, «Мир» по техническим меркам имеет весьма почтенный возраст. Одиннадцать лет эксплуатации вместо планировавшихся пяти. Десятки экспедиций, сотни стыковок: с восьмитонниками, грузовиками «Прогресс», двадцатитонными модулями, стотонными «Шаттлами». Все эти годы станция демонстрировала фантастическую ремонтопригодность. Неоднократно на ней ремонтировались самые разные системы: жизнеобеспечения, управления движением, энергопитания, экранно-вакуумной изоляции. Заменялось программное

обеспечение автоматов и компьютерных сетей. И сейчас специалисты уверены: станцию реанимировать не только можно, но и необходимо. Сколько стран, сколько людей завязано на нее.

Прибывших только что на «Мир» «Родников» (позывные Анатолия Соловьева и Павла Виноградова) ждет тяжелейшая и ответственнейшая работа. Прежде всего им предстоит подключить к сети солнечные батареи, размещенные на модуле «Спектр» (операция запланирована на 20 августа). Напомним, таких батарей четыре (всего на «Мире» их десять), но дают они 60 процентов электроэнергии орбитального комплекса. Так что без их восстановления ни о какой активной деятельности на станции не может быть и речи, просто потому, что большая часть научной аппаратуры так и останется без питания. Сложность восстановительных работ в том, что действовать космонавтам придется в тесном пространстве модуля в тяжелых и громоздких скафандрах, предназначенных для выхода в открытый космос. Испытания в гидробассейне на натурных макетах станции, а также в условиях кратковременной невесомости, создаваемых в самолетах-лабораториях Ил-76 МДК, показали: батарею подключить можно. Соловьев и Виноградов привезли с собой весь необходимый инструмент, специальный люк с уникальными вакуумными разъемами.

АНАТОЛИЙ СОЛОВЬЕВ (НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ) **И ПАВЕЛ ВИНОГРАДОВ** ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА КОСМИЧЕСКУЮ КАТОРГУ

Ориентировочно 3 сентября состоится выход Соловьева в открытый космос для наружного осмотра корпуса модуля. Специалисты определили наиболее вероятные места, где могли возникнуть трещины в металле, — три точки у основания приваренных к корпусу кронштейнов, на которых крепится солнечная батарея, принявшая на себя удар грузовика. Если космонавты найдут трещину, то поставят временную «заплатку», также тщательно проверенную на Земле в условиях глубокого вакуума. Кстати, НАСА предложила Российскому космическому агентству в случае необходимости подключить к этим работам астронавта Дэвида Вульфа, поскольку такой опыт может очень пригодиться при реализации проекта Международной космической станции.

Перед отлетом на Байконур очередного космического экипажа корреспонденту «Итогов» удалось встретиться в Звездном городке с Анатолием Соловьевым (на его плечи ляжет большая часть работ в открытом космосе). Поразили спокойствие и уверенность, с которыми космонавт говорил о будущей экспедиции. И это не бравада, а реальная оценка уровня своей подготовки. В отряд космонавтов Анатолий пришел в 1976 году. В 1988-м выполнил первый космический полет в качестве командира советско-болгарского экипажа. Это была экспедиция посещения, краткосрочная, десятисуточная. Потом участвовал в четырех длительных космических экспедициях. Последняя интересна тем, что Соловьев прибыл на «Мир» вместе с экипажем «Атлантиса». За плечами Анатолия 9 выходов в открытый космос с рекордным суммарным временем пребывания за пределами станции: 41 час 38 минут. В отряде космонавтов за ним укрепилась репутация надежного, универсального специалиста, человека, предельно уравновешенного, хладнокровного.

Прошлый год для Анатолия Соловьева начался особенно удачно — его утвердили командиром первой экспедиции на Международную космическую станцию. Начались тренировки, и вдруг решение Американского национального космического агентства: руководить экспедицией будет американский астронавт. И это при том что лететь предстоит на нашем корабле, а значит, за безопасность полета в полной мере будет отвечать командир экипажа (Анатолий Соловьев), да и работать экспедиция будет на нашем модуле. РКА пришлось согласиться с таким решением, не согласился только Анатолий. Сославшись на то, что сроки старта могут сдвинуться, а ему и так уже под пятьдесят — пора увольняться из ВВС, — он от участия в экспедиции отказался.

Для Павла Виноградова это первый космический старт. Но в корпорации «Энергия», где он работает с 1983 года, его считают способным инженером и опытным испытателем.

То, что «Родникам» предстоит сделать в сентябре, — это только начало восстановления станции. В случае успеха на конец нынешнего — начало будущего года намечен следующий, более сложный с технической точки зрения и более дорогой этап восстановительных работ. Он потребует дополнительного рейса к станции грузового корабля, который, кроме всего прочего, должен будет доставить на нее солидный объем кислорода. Беспокойство у специалистов вызывает то обстоятельство, что научные приборы «Спектра» (а он ими буквально напичкан) будут находиться в вакууме в общей сложности более полугода. Как это отразится на их работоспособности, предсказать трудно.

В общем, проблем достаточно. И все же эксперты, инженеры и конструкторы наших ведущих космических фирм убеждены — реанимировать станцию удастся. Это потребует около 120 млрд. рублей, но зато «Мир» сможет давать научную информацию еще два-три года, пока не будут собраны на орбите первые модули Международной космической станции (раньше она называлась «Альфа») и не начнется ее эксплуатация в пилотируемом режиме. Тогда уже можно будет спокойно заняться спуском «Мира» с орбиты.

Технически это задача не простая, ведь вес станции ни много ни мало — 136 тонн. В атмосфере она явно не сгорит. Придется эту махину расчленить на шесть частей, к каждой присоединить транспортный корабль серии «Прогресс» и с помощью его двигательных установок в автоматическом режиме топить секции одну за другой в океане.

Идеи и деньги

Как ни странно, неурядицы с «Миром» сыграли и положительную роль. Президент озаботился, наконец, проблемами российской пилотируемой космонавтики, будущее которой теперь целиком зависит от успеха программы Международной космической станции. Во время посещения фирмы Хруничева он активно интересовался тем, как обстоят дела с нашим участием в ее строительстве. Если оглянуться назад, то много лет разрабатывавшийся в США проект «Альфа» сдвинулся с мертвой точки только потому, что нам удалось доказать американцам преимущество модульного принципа построения станции. Американские конструкторы, несмотря на мощное финансирование так и не сумевшие продвинуться дальше эскизного проекта, с радостью ухватились за российское предложение вначале вывести на орбиту так называемый Энергетический блок. Затем присоединить к нему американский сегмент NODE-1 и российский служебный модуль, оборудованный системой жизнеобеспечения и всем необходимым для работы космонавтов. А дальше уже обитаемую станцию наращивать до планируемой конфигурации.

Энергетический блок хруничевцы создавали на деньги корпорации «Боинг». Здесь проблем не было. Четко по графику он был собран и прошел электрические испытания (сейчас находится на Байконуре). Со вторым российским модулем, Служебным, все гораздо сложнее. Деньги на него государство если и выделяет, то мизерными порциями и крайне нерегулярно. В начале нынешнего года, когда РКА подписало с Международным Московским банком кредитное соглашение на солидную сумму 35 миллионов долларов, у создателей модуля появилась какая-то надежда, но скоро она угасла. Большая часть кредита пошла на реализацию коммерческих проектов — вывод на орбиту с помощью ракеты-носителя «Протон», снискавшей славу самой надежной космической «тягловой лошадки», серии спутников, а также ввод в эксплуатацию наземного сегмента для системы глобальной спутниковой связи «Иридиум».

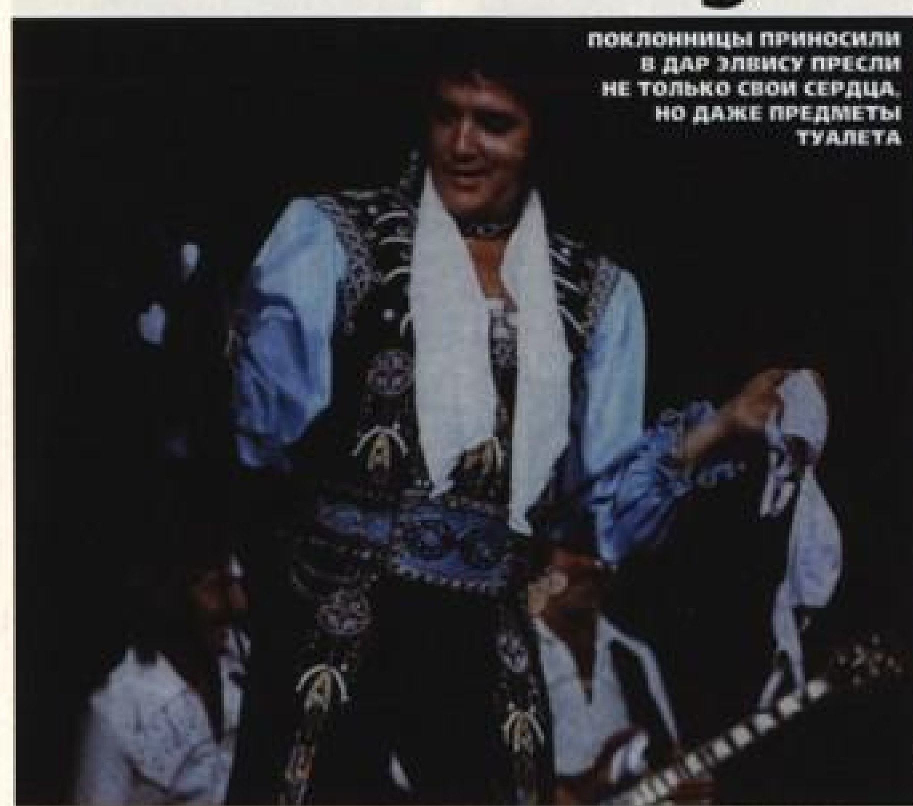
Дошло до того, что весной этого года работавшая на фирме Хруничева экспертная комиссия НАСА выразила большие сомнения в способности российской стороны выполнить свои партнерские обязательства. Возникла реальная опасность из партнера превратиться в обычного поставщика оборудования: генеральный подрядчик НАСА по строительству МКС, корпорация «Боинг», просто оплатит работы по сооружению Служебного модуля, и Россия потеряет все права на эксплуатацию станции. Скандал удалось потушить. Международный консорциум пошел на утверждение нового графика сооружения станции. Надежду, что он будет выполнен, дает указ президента, о котором Борис Николаевич сообщил прямо в цехе космического центра. Для обеспечения разработки и строительства российского сегмента МКС Минфину велено привлечь под гарантии правительства кредиты иностранных банков в размере почти 100 млн. долларов. ■

ВАСИЛИЙ ЦИБЛИЕВ (СПРАВА) **И АЛЕКСАНДР ЛАЗУТКИН** (В ЦЕНТРЕ) **УЖЕ НА ЗЕМЛЕ, АМЕРИКАНЦА МАЙКЛА ФОЭЛА «АТЛАНТИС» ЗАБЕРЕТ В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ**

Валерий Бабердин, космонавт-исследователь

20 лет исступленной любви

ПОКЛОННИЦЫ ПРИНОСИЛИ В ДАР ЭЛВИСУ ПРЕСЛИ НЕ ТОЛЬКО СВОИ СЕРДЦА, НО ДАЖЕ ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

«ХОЧЕШЬ СТАТЬ ЭЛВИСОМ — НА ПОЛДОРОГЕ НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ» — СЧИТАЕТ ДЖИММИ ЛЕБЕФ, ЕГО ПРЕДАННЫЙ ПОДРАЖАТЕЛЬ

Никто не понимал Элвиса лучше, никто не любил его больше, чем женщины, приходившие на его концерты в Лас-Вегасе

Карен Шомер

(Newsweek)

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

«ЗНАЛ БЫ КТО, КАКАЯ ЭТО МОРОКА И чего это стоит — быть похожим на Элвиса» — с этими словами Джимми ЛеБёф, одетый и причесанный в точности, как его кумир, тормозит перед светофором свой зеленый «Линкольн таун-кар» 1979 года выпуска и смотрит на себя в зеркало заднего вида. Что-то не то. Волосы! «Стоит ветерку подуть — и все старания насмарку», — поправляя набриолиненный, угольно-черный кок, бурчит он недовольно, ибо в его автомобиле нет кондиционера и приходится держать окна открытыми. Субботний вечер только начинается, Джимми еще не начал работать, но уже взмок. Его дородное тело туго вбито в черный — только что из химчистки, — расшитый золотом и украшенный на груди вычурным изображением орла комбинезон с большим воротником. Джимми известен как один из лучших городских «Элвисов»: он не признает дешевки — никаких париков, нарисованных бакенбардов, очков-консервов. Он подходит к делу со всей ответственностью. «Хочешь стать Элвисом — на полдороге не останавливайся, — объясняет он. — Да разве бы так я выглядел, если бы не работал над собой? Я бы коротко стригся, не носил бы баков и весил фунтов пятьсот, потому что люблю поесть. И жил бы как человек».

Из окошка поравнявшейся с нами машины, набитой юными туристами, хорошенькая девушка нацеливает на него фотоаппарат. «Как жизнь?» — приветливо произносит Джимми. «Элвис!» — визжат две шикарного вида блондинки, высунувшись через люк в крыше, и Джимми делает им ручкой не хуже любой кинозвезды. Нет, не напрасны принесенные им жертвы: *телки все еще в отпаде от Элвиса*. Он увеличивает громкость, и когда из нашей машины начинают торжествующе греметь ритмы альбома, «вживую» записанного в 1972 году на концерте в Мэдисон сквер-гарден, подпевает сильным приятным голосом. Грохот «тарелок», сияние неона, рев моторов, зной пустыни, все слито воедино и достойно быть запечатленным — чуть-чуть не в фокусе — на пленке «Technicolor».

Никогда и нигде за всю его артистическую карьеру не любили его столь самозабвенно и неистово, как в Лас-Вегасе, где любовь к нему не умирает и по сей день. В 1969–1970 годах Элвис дал в общей сложности 837 концертов, прошедших с аншлагами в отеле «Лас-Вегас Хилтон», — по два в день, по семь дней в неделю, по три-четыре недели кряду. «Его рекорд на нашей «площадке» пока не побит, — утверждает тогдашний директор рекламной службы «Хилтона» Брюс Бэнк. — В зал, рассчитанный на полторы тысячи мест, каждый раз набивалось по 2200 человек. Когда Элвис приезжал в Лас-Вегас, бизнес расцветал. «Элвис выступал в «Хилтоне», а еще пять отелей были переполнены его поклонниками, — вспоминает Джо Герсио, музыкальный директор Пресли в 70-х годах. — Так что для города он был сущий клад».

В 1969 году, после того как он почти десять лет снимался в кино, Элвис вернулся к «живым» концертам. Он сделал то, что еще никому до него сделать не удавалось, — создал немыслимый синтез «доподлиннейшего» рок-н-ролла, эстрады, лиричных мелодий кантри и глубины госпела (негритянская музыка, сочетающая элементы спиричуэлс, блюза и джаза. — **«Итоги»**).

Нет сомнений, что Элвиса 1975 года, когда он утратил былую стройность, совершенство пропорций и все с большим трудом — из-за губительного пристрастия к наркотикам — «собирался» во время выступлений, любить гораздо труднее, чем того незапятнанного херувима, каким он был в 50-е. Но женщинам до этого и дела не было. Постепенно выработался задушевный ритуал его выступлений, о чем свидетельствует документальный фильм 1970 года «Элвис — вот как это происходит»: сначала бьющий на жалость монолог, затем — «Люби меня нежней» с поцелуями пары зрительниц в первом ряду, вслед за этим он пересекает сцену, все обильней раздавая поцелуи и успевая пропеть едва ли половину текста. К концу этого номера «блицы» фотоаппаратов ежесекундно вспыхивают в грохочущем зале, а у рампы в пять шеренг выстроились женщины, и Элвис, греясь в волнах исходящей от них любви, говорит: «К тем, что на балконе, я тоже приду, потерпите».

Но если женская аудитория в буквальном смысле не знала удержу в изъявлении своих чувств, то и Элвис, даже в периоды мучительного упадка сил, старался платить ей той же монетой. Пианист Тони Браун, работавший с Пресли в 1976–1977 годах, вспоминает, как на одном из концертов, относящихся к последнему этапу жизни Элвиса, какая-то женщина привлекла его внимание, и он спросил: «Что ты хочешь? Что ты хочешь?», и та ответила: «Вот этот перстень», а перстень был с крупным бриллиантом. И он снял его и отдал. Можете себе представить? Ну тут, конечно, вылезли его телохранители и перстень отобрали».

Для тех, кто работал в «Хилтоне» или имел к нему какое-то отношение, смерть Элвиса в 1977 году была настоящим ударом. «В то время у нас еще стояли старые телетайпы, — говорит Бэнк. — Когда должна была передаваться какая-нибудь сенсация, раздавались удары колокола — бам-бам-бам! В день его смерти раздались четыре удара, и я сказал себе: «Может, началась все-таки третья мировая». Лас-Вегасу никогда уж таким не бывать. Только Элвис мог быть притягательней игры. Это он сумел превратить «город игроков» в место, куда приезжают семьями в отпуск и на каникулы, где проводят семейный досуг, — и оттеснить азарт на второй план.

И в наши дни эта любовь не угасла. А истинный хранитель духа Элвиса — быть может, наш знакомый Джимми ЛеБёф. В субботу вечером он втискивает свой огромный «Линкольн» на маленькую автостоянку, притаившуюся под сенью монументального «Хилтона», ставит специально записанное музыкальное сопровождение песен Элвиса и в течение четырех часов без передышки поет в свое удовольствие. «Здесь многие делают из себя двойников Элвиса, — шепотом говорит Ванда, регулярно приходящая послушать ЛеБёфа. — Но Джимми вжился в Элвиса, вчувствовался в него». Во время исполнения «Люби меня нежно» Джимми, замотав вокруг шеи желтый шарф — вместе с плюшевыми мишками он приносит его из дому — и пританцовывая, приближается к слушателям, а дойдя до слов «Потому что, милая, я люблю тебя», утерев со лба пот, набрасывает шарф на шею одной из девушек и наделяет ее легким поцелуем. Не всем это приходится по душе. Иная подумает: «Вот попала — слюнявый поцелуй и вонючий шарф». Но многим нравится. Нет, им не кажется, что в тени «Хилтона» им явился Элвис Пресли во плоти и крови, — просто, если закрыть глаза, можно ощутить дуновение его любви. ■

ХРОНИКА

1977, 16 августа Элвис был обнаружен мертвым в ванной комнате своего поместья Грэйсленд, расположенного в городе Мемфис штата Теннесси. Следователь заявил, что смерть была вызвана естественными причинами, хотя позднее врачи обнаружили в его теле кодеин, валиум и другие наркотические вещества.

1978, 18 августа он был похоронен на семейном кладбище; 80 000 его поклонников съехались в Мемфис в надежде хотя бы взглянуть на его гроб.

1981 С личного врача Элвиса Джорджа Никопулоса полностью сняты все обвинения в том, что он в преступных целях выписывал своему пациенту слишком много наркотических препаратов. В течение следующих 15 лет эти обвинения будут возникать вновь.

1982 Грэйсленд был открыт для посетителей **7 июня** и сразу же стал местом паломничества.
Ныне ежегодно его посещают 750 000 человек; экскурсии следуют одна за другой с интервалом в пять минут и проводятся семь дней в неделю.

1985 Жена Пресли Присцилла выпускает книгу «Элвис и я», которая становится бестселлером. Снятый по ней телевизионный мини-сериал пользуется огромным успехом.

1988 Сообщения о том, что Элвиса видели в закусочной «Бургер кинг» в Мичигане появляется не только в таблоидах, но и в респектабельных газетах. Даже «Нью-Йорк таймс» сообщает о появлении Элвиса у кассы №2 супермаркета в городе Виксбург, штат Мичиган. Присцилла Пресли снимается в фильме «Голый пистолет» вместе с Лесли Нильсеном и О. Джей Симпсоном.

1992 Почтовая служба США проводит опрос американцев, чтобы выяснить, каким они хотят его видеть на марке, выпускаемой в его память, — худым или толстым. 851 000 голосов подано за Элвиса худого. Марка была отпечатана тиражом 500 миллионов и принесла самую крупную прибыль за всю историю почтовых марок.
3 июня уверенный в победе на президентских выборах саксофонист Билл Клинтон исполняет «Отель, где разбиваются сердца».

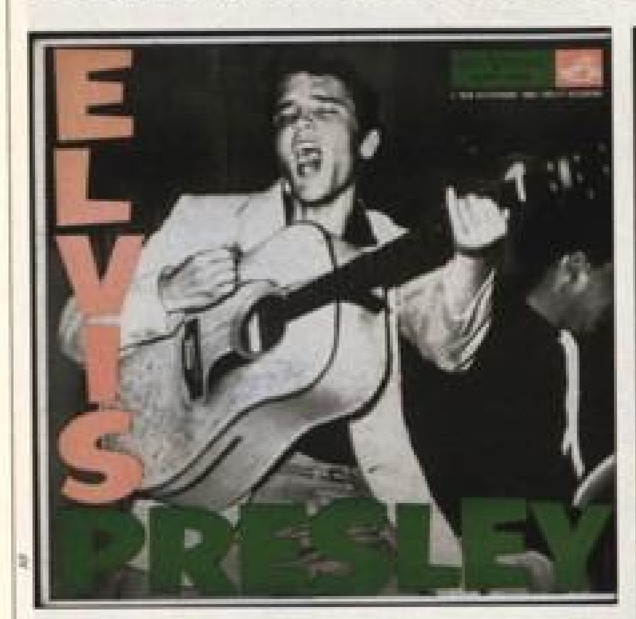
1994, 26 мая дочь Элвиса Лайза-Мари выходит замуж за поп-звезду Майкла Джексона. Бракосочетание состоялось в Доминиканской Республике. «Я очень люблю Майкла и хочу посвятить ему всю свою жизнь», — говорит Лайза-Мари. Спустя 20 месяцев она подает иск о разводе.
Компания «Баттерфилд & Баттерфилд» проводит аукцион личных вещей Элвиса Пресли. Общая стоимость лотов превышает 2,3 миллиона долларов. Темно-синий «мерседес» певца продан за 321 500 долларов.

1997, с 9 по 17 августа в Мемфисе проходит «Неделя Элвиса», приуроченная к 20-летней годовщине его смерти. Программой предусмотрены концерт, пятикилометровый кросс, Международный бал Элвиса Пресли и пресс-конференция, на которой его друзья, близкие и коллеги расскажут о нем поклонникам творчества «короля рок-н-ролла».

Кэйт Кэмбор

Только творчество

Российские поклонники Пресли о его частной жизни не задумываются

ОСНОВАТЕЛЬ И ВДОХНОВИТЕЛЬ КЛУБА ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРЕСЛИ **НАДЕЖДА СЕВНИЦКАЯ С ПОПУГАЕМ ПРОШЕЙ**

Борис Старцев

ФАНАТЫ

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ ГРИША ШЕЛ ПО улице и вдруг услышал песню, доносящуюся из ларька звукозаписи. Песня понравилась. Оказалось, что крутили Элвиса Пресли. В тот же день помог соседу во дворе затащить мебель в дом. В квартире на стене висел портрет Элвиса Пресли, а сосед оказался членом российского Клуба любителей Пресли, куда он вскоре привел Гришу. С тех пор прошло семь лет, и, как считают члены клуба, Гришина коллекция записей Элвиса Пресли — самая большая в России.

У председателя клуба Надежды Севницкой история не менее трогательная. Выпускница журфака МГУ, она в первый раз тоже «запала» на Пресли, не зная его имени, — услышала песни на пленках у подруги. Лет через десять знакомые привезли несколько пластинок из Индии, и голос был опознан. Позже появились еще записи. Каждая пленка или пластинка была на вес золота. «Американцы говорят: easy come, easy go, — рассказывает Севницкая. — А у нас надо бы говорить: что тяжело достается, то в сердце и остается. Дорого то, что сам нарыл, как бульдозер».

К 1981 году она «нарыла» столько всего, что начала читать лекции об американской поп-музыке в Музее музыкальной культуры имени Глинки. В 1990 году создала Клуб любителей Элвиса Пресли (зарегистрировала его год спустя). На открытие пригласили Муслима Магомаева, который был очень удивлен, что такая организация появилась в России. «Стоим с друзьями на лестнице музея, — вспоминает Севницкая, — открывается дверь и бочком входит Магомаев. Он просто рот раскрыл: не верил — думал, что его разыгрывают».

Члены клуба ежегодно отмечают день рождения Элвиса 8 января, собираются на лекциях в музее, смотрят фильмы, диапозитивы и просто слушают музыку. Клуб объединяет людей «от 12 до 70 лет», большинство его членов — женщины. («Любое серьезное искусство делают мужчины и предназначают его женской аудитории», — считает Севницкая.) На определения «тусовка», «фанаты» члены клуба не обижаются, хотя претендуют на академичность, выясняют на лекциях, когда вышел первый диск того или иного исполнителя и чем отличается музыка кантри от блюза 20-х годов. В 80-е годы, когда информация об Элвисе еще была не столь доступной, лекционный зал музея на 160 мест был переполнен. Теперь желающих стало поменьше, и лекции не столь популярны (Севницкая готова читать «хоть для одного человека»). Регистрация членства в клубе не практикуется, и назвать точное количество поклонников председатель не берется.

Главным в Элвисе Пресли члены клуба считают «не имидж, а творчество». «Все ополчились на него за имидж и стали говорить, что он наркоман и обжора, — говорит Севницкая. — При чем тут это? Разве через двадцать лет после смерти будут помнить наркомана и обжору? Тем более в Америке, которая легко забывает своих кумиров!»

Литературу об Элвисе в клубе оценивают критически, однако считают, что даже самые «ругательные» книги несут положительный заряд: «Автор обливает его помоями и потом вдруг говорит, что другого такого гения все равно нет. И все помои выливаются на него самого».

Старый рок-н-ролл члены клуба противопоставляют современной музыке с ностальгией ветеранов Бородинской битвы: мол, «богатыри — не вы!» «Было много певцов этого направления, — считает Севницкая. — Они пели одно и то же, но по-разному. А сейчас все поют разное, но одинаково, и прослушать подряд больше трех песен просто невозможно».

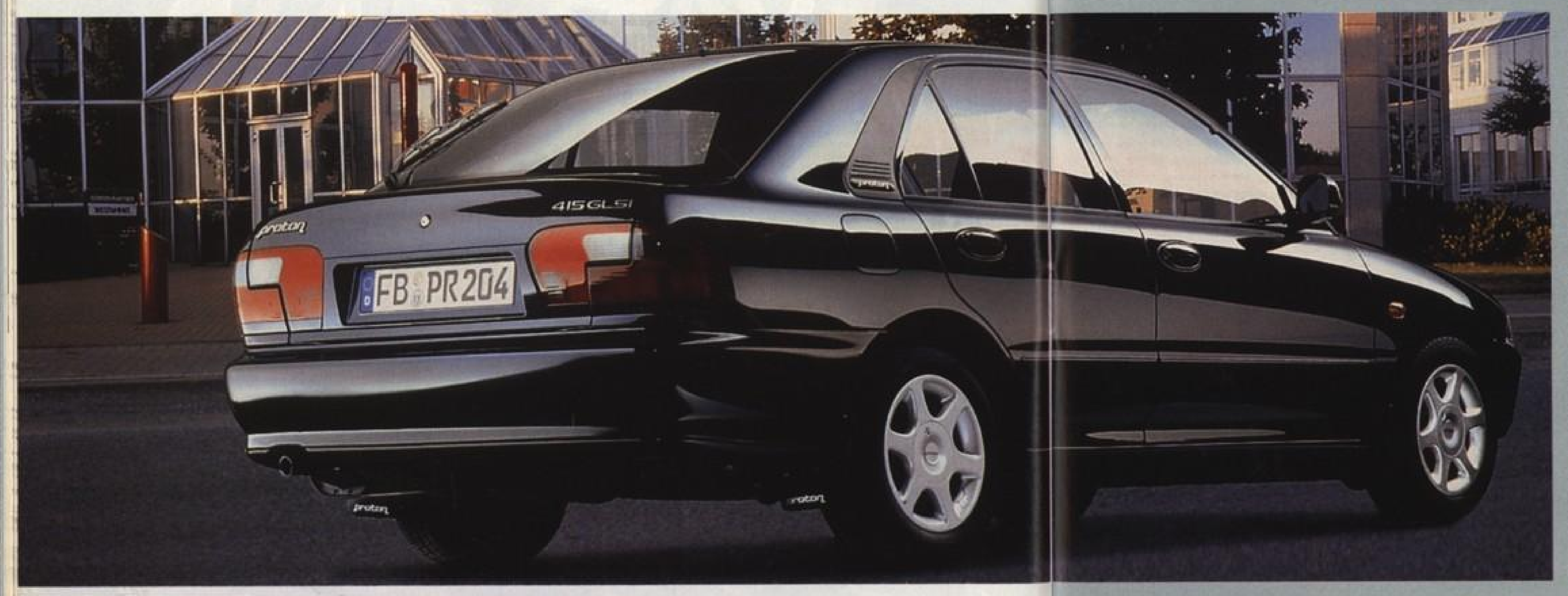
За материалами о рок-н-ролле сама Севницкая в США не ездила, поскольку была невыездной (не вступила в КПСС), не ездит и сейчас: «Нет ничего такого в творчестве Элвиса, чего бы я не знала или не понимала. Я сама могу поучить американцев смотреть на него по-другому. Надо слушать, как Элвис поет, а не то, что о нем говорят». Исследованиями Севницкой интересуются иные иностранцы. В 80-е годы на ее лекции в музей ходил второй атташе по культуре посольства США — «оставлял машину за углом и приползал сюда, как бедный студент».

День памяти Элвиса члены клуба отмечают, однако с каждым годом собираться все труднее и труднее — кто на заработках, кто в отпусках, и будут ли отмечать в этом году коллективно, Севницкая не знает. Но уверена, что если собраться не удастся, каждый отметит самостоятельно.

Малайзия, Малайзия... наморщив лоб, ищете вы на карте. И ваш указательный палец уезжает по глянцу бумаги в самый дальний, юго-восточный угол Азии – туда, где в океан простираются многочисленные полуострова и острова. Взгляд, словно магниты, притягивают романтические названия: полуостров Малакка, Джохорский пролив, моря Южно-Китайское, Сулавеси и Сулу, остров Борнео... вспоминается нечто из Вертинского: «А может быть, с малайцем вы ушли...», а воображение тем временем рисует дымящие пароходы-утюги, стайки рикш на причалах, колонизаторов с тросточками и в пробковых шлемах, опахала из перьев и прочие восточные пустяки, не имеющие ничего общего с современной реальностью.

XXI?.. Нет XX II век!

Я сажусь в небольшой и очень симпатичный четырехдверный седан – на фальшрадиаторной решетке у него эмблема в виде звезды. Несмотря на то, что в передние двери встроены противоударные стойки, открываются они легко: кажется, будто они совсем не имеют веса! Внутри в салоне все такое округлое, плотно пригнанное и производит впечатление качественного изделия. Водительское сиденье очень удобное, с ярко выраженной боковой поддержкой и комфортным обхватом поясницы. У него регулируются не только расстояние от торпеды и наклон спинки, но и высота подушки от пола. Щиток приборов – выше всяких похвал. Это словно встроенный в окружность баранки ровный полукруг с крупными спидометром и даже тахометром, которые легко «читаются». Угол падения на дорогу лучей фар регулируется специальной рукояткой. В салоне масса удобных карманов и бардачков: в разделяющей передние сиденья центральной консоли, в торпеде и даже справа внизу, около рулевой колонки – для документов. В переднем пассажирском солнцезащитном козырьке – зеркальце под липучкой, в задних дверях – скрытые «детские» блокировки замков. В общем, удобно, скромно, эргономично и функционально. Странно, но у этого автомобиля еще и автоматическая коробка передач – бесценное приобретение в московских пробках, – которая срабатывает на переключениях с едва ощутимыми подергиваниями где-то в глубине, под полом салона. Разгон при этом достигается весьма эффектный. Ведь при объеме двигателя 1,5 литра весит этот ладно скроенный автомобильчик чуть больше тонны. По шоссе он запросто идет со скоростью 165 км/ч, а его полностью независимая подвеска – спереди McPherson, сзади многорычажная Multilink – исправно держит дорогу в поворотах и заодно глотает все попадающиеся на асфальте трещины и ухабы. Рулевое же управление с гидроусилителем позволяет легко маневрировать в узком, заставленном машинами московском дворе.

ИТОГИ • АВГУСТ • 1997

Самое удивительное, что автомобиль этот изготовлен в Малайзии. Называется он Протон «Вира» (Proton Wira), а в зависимости от рынка – «Серия 400» (400 Series) или «Персона» (Persona). Но обо всем по порядку.

Когда 31 августа 1957 года обрела независимость Малайзия, экономика молодой страны с почти 15-миллионным населением целиком зависела лишь от оловянных рудников, плантаций гевеи и чая. К тому же общенациональные производительные силы были неравнозначно разделены между разными этническими группами.

Но в 1981 году к власти в Малайзии пришел премьер-министр г-н Дато Сери Махатхир Мохамад. Коренной малайзиец, «бумипутра» по происхождению, он до сих пор возглавляет коалицию Национальный фронт (National Front), выражающую интересы молодой малайзийской буржуазии. Новый премьер сразу заразил малайзийцев своей энергичностью, прагматизмом и проявил себя как сильный политик, в конце концов сумевший найти баланс сил в таком многонациональном государстве. Он слишком хорошо понимал, что стране в первую очередь нужны деньги, новейшие технологии и хорошо владеющие ими кадры.

И потому первенцем Махатхира стала идея создания передовой малайзийской автомобильной индустрии, что в далеком 1982 году казалось делом совершенно нереальным.

Однако уже 7 мая 1983 года правительство Малайзии в лице государственной компании ХАЙКОМ (HICOM – Heavy Industry of Malaysia) заключило соглашение с японским концерном Мицубиси Мотор Корпорейшн (MMC – Mitsubishi Motor Corporation) о создании совместного предприятия по производству автомобилей. Долевое участие сторон было определено 50% на 50%, и предприятие получило название «Перусахаан Отомобил Насионал Берхад» («Perusahaan Otomobil Nasional Berhad») – отсюда и происходит аббревиатура «Протон», а слово «Берхад» означает «Лтд».

И пока целых два года в г. Шах-Алам (Shah Alam) штата Селангор, в 20 милях от столицы Куала-Лумпур, постепенно рос огромный завод, в отдельном цеху, целиком из японских комплектующих и методом отверточной сборки малайзийские рабочие собирали первые 160 тыс. машин Протон «Сага» (Proton Saga). Причем полный контроль за соблюдением технологии и уровнем качества осуществляли японцы, специалисты из Мицубиси. И это неудивительно, потому что автомобиль этот представлял собой не что иное, как Мицубиси «Лансер» (Mitsubishi Lancer), или, по-нашему, Мицубиси «Улан» первого поколения.

Шах-Аламский завод торжественно открывал 9 июля 1985 года сам премьер Махатхир. К этому событию был приурочен и выпуск первого «конвейерного» Протона. Причем уже в этот год количество комплектующих на машину, произведенных 17 малайзийскими предприятиями, достигло 228. На следующий год их стало 325, еще через год – 398. Машина понемногу становилась все больше малайзийской, отнюдь не теряя при этом в качестве исполнения.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что поначалу, в 1985 году, на малайзийском рынке легковых автомобилей удалось продать всего 8,6 тыс. Протонов «Сага». Но уже через год – 24,9 тыс.! В 1987 году этот автомобиль захватил больше 60% процентов малайзийского рынка легковых автомобилей, и с этого же момента начался его пробный экспорт – правда, сперва только в Бангладеш, куда ушло сразу 22 тыс. автомобилей. К концу 1988 года «Сага» попал и в Великобританию – уличное движение в Малайзии левостороннее, и машину поначалу старались экспортировать в страны с левосторонним движением, чтобы не возникало необходимости сложных переделок на «левый» руль. Итак, на рубеже 1988–1989 годов в Англию ушло 15 тыс. Протонов, и эта довольно вместительная четырехдверная машинка с двигателями объемом 1,3 и 1,5 литра, отдаленно напоминающая внешними очертаниями нашу «девятку», настолько пришлась по вкусу практичным англичанам, что три последующих года даже получала престижные призы на Британских международных мотор-шоу!

Тем временем, в 1989 году в Шах-Аламе началась сборка двигателей. До этого времени «Протон» импортировал их из Японии. Но переломным стал 1991 год, когда совместное малайзийско-японское предприятие «Протон» было преобразовано в Народную компанию «Паблик Лимитед компани» (PLC – Public Limited Company) и её акции были распределены следующим образом: Public – 47%, HICOM – 37%, при этом доля компании Mitsubishi сократилась до 17,4%. Соответственно с завода в Шах-Аламе японцы ушли и на их места были назначены подготовленные на Мицубиси малайзийские специалисты. Одновременно были сняты всякие ограничения на экспорт Протонов «Сага», и они наконец получили беспрепятственный доступ на традиционные автомобильные рынки Мицубиси: в Сингапур, Австралию, Новую Зеландию, Бруней и Филиппины. С этого момента экспорт машин «Сага» стал неуклонно расти, и в Шах-Аламе даже начали делать специально рассчитанную под английский вкус модификацию Протон «Исвара». В этом же году был пущен завод двигателей и коробок передач, начавший производить малайзийские комплектующие к двигателям: маховики, впускные и выпускные коллекторы, редукторы задних мостов.

Все пошло на редкость хорошо: объем производства увеличился до 120 тыс. машин

в год, и автомобиль из года в год становился все более «национальным». Число малайзийских комплектующих в нем достигло уже 1316 позиций. В 1992 году с конвейера сошло 98,9 тыс. этих машин, из них на экспорт отправилось 18,7 тыс. В следующем году было изготовлено 118,1 тыс., и за рубеж уже направилось 21,8 тыс. Наконец, 9 июля 1993 года был выпущен полумиллионный автомобиль!

Однако к этому времени машина уже перестала соответствовать замыслам Махатхира о проекте национальной гордости – автомобильной индустрии XXI века: только высочайшее, мировое качество и новейшие технологии!

Согласно этим принципам компания в 1993 году пошла на рискованный, но тщательно продуманный и просчитанный шаг – приобрела у Мицубиси лицензию на производство «Лансера» второго поколения, так называемого New Lancer. Вот как раз с этого, появившегося в 1993 году на свет автомобиля под названием Протон «Вира», по-малайски «Герой», и началось развернутое малайзийское наступление на мировой автомобильный рынок.

Из сошедших в 1993 году с конвейера 118 тыс. Протонов первые 16 тыс. «Вира» отправились в Англию. К тому времени наша с вами отечественная автопромышленность заснула в глубоком кризисе, а популярность дешевых «Лад» и «Самар» в Великобритании упала. Естественно, тамошние дилеры «АвтоВАЗа» сильно приуныли. И тут вдруг на рынке появился автомобиль вполне современного вида, имеющий в основе конструкции Мицубиси Лансер, с двумя вариантами экономичных бензиновых моторов объемом 1,5 и 1,6 литра и по цене от 7000 фунтов стерлингов! Таким образом, чуть ли не за один год продаж Протон «Вира» перехватил в Англии готовую дилерскую сеть «АвтоВАЗа»! Забавно, но в настоящий момент из 233 дилеров «Протона» в Великобритании 131 начинал свое дело с продажи «Жигулей». Да что там «Жигули»! Ведь малайзийский рабочий пока способен довольствоваться жалованьем в пять раз меньшим, чем его современный японский коллега, качество же автомобиля одинаковое. И на второй год продаж «Вира» начисто вытеснил с английского рынка сам Мицубиси «Лансер» – японцы просто перестали его туда завозить. Такой бурной премьеры на рынке не было, пожалуй, еще ни у одного автомобиля.

В 1995 году один из богатейших и влиятельных людей Малайзии Тан Шри Дато Сери Яхья Ахмед (Tan Sri Dato Seri Yahay Ahmed), владевший крупнейшей компанией «Диверсифайд Ресорсез Берхад» (Diversified Resources Berhad – DRB), приобрел 37% акций у государственной компании HICOM. В результате «Протон» превратился полностью в частную компанию и стал принадлежать группе компаний под общим названием DRB-HICOM GROUP.

А сейчас «Протон» уже холдинг: его основные и дочерние компании, а также многочисленные предприятия-партнеры заняты производством и реализацией автомобилей, автомобильных аксессуаров, запасных частей и сопутствующих товаров.

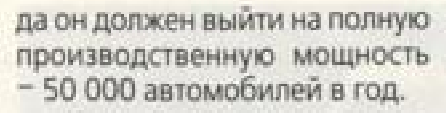
В настоящий момент основной автомобильный завод в г. Шах-Алам занимает огромную территорию площадью 942 000 кв. км.

Начинается производство со штамповки стальных деталей, которые затем поступают на роботизированную линию сварки кузовов. После чего кузова погружаются в гальваническую ванну, где на них наносится двустороннее гальваническое покрытие. Автоматизированная покрасочная линия – гордость завода, так как такой же системой Micro-Micro Bell Electrostatic Auto Spray System укомплектованы сейчас все заводы Мицубиси в Японии. Особая статья – самостоятельное производство двигателей и трансмиссий, которое несомненно отражает высочайший уровень технологий на «Протоне». Так, еще в 1994 году при основном заводе был открыт цех шлихтерного литья, с которого началась малайзийская отливка блоков цилиндров двигателей, тормозных барабанов и дисков, но самое главное, деталей, требующих наивысшего класса точности изготовления – распределительных и коленчатых валов. Эти комплектующие в свою очередь поступают дальше на завод двигателей и коробок передач. То есть производственные процессы в Шах-Аламе уже начали «замыкаться».

Контроль за качеством продукции осуществляется на каждом этапе производственного цикла. Для этого на заводе была задействована специальная программа Quality Control Circles.

Ни одна деталь не «проходит» в дальнейший производственный цикл без проверки. Например, прежде чем попасть в главный сборочный цех, каждый двигатель и трансмиссия проходят 100-процентный контроль. В частности, двигатель в течение 8,5 часа подвергается испытаниям на компьютерном стенде, где на разных режимах непрерывной работы с него снимаются показания по мощности и моменту. В конце концов каждый сошедший с конвейера автомобиль подвергается целой серии тестов на безопасность, динамические качества, управляемость и уровень выхлопа. Проверяется даже гидроизоляция салона, в ходе которой за пять минут на автомобиль обрушивают пятнадцать тонн воды! В итоге каждый Протон получает индивидуальный сертификат, гарантирующий будущему владельцу полное соответствие автомобиля стандартам качества и соответствующим данной модели динамическим характеристикам.

Завод располагает и собственным Центром исследования и развития. В его состав входят дизайн-студия, лаборатории для исследования токсичности, шумности, аэродинамики и пассивной безопасности автомобилей, а также испытательный полигон средних скоростей.

В настоящее время основной завод в Шах-Аламе снабжает комплектующими 151 предприятие. Большинство из них расположено на расстоянии 50 км от него, в Пенинсуларе. Количество производимых на этих предприятиях наименований запчастей и комплектующих уже достигло 4054 позиций, а их доля в Протонах уже возросла до 80%.

Работая в две смены, основной завод в Шах-Аламе выпускает сейчас 39,3 машины в час, или 180 000 в год.

А в июле нынешнего года рядом с ним запущен завод вспомогательный. К концу года он должен выйти на полную производственную мощность – 50 000 автомобилей в год.

Кроме того, с прицелом на XXI век уже начал строиться новый завод в Таньюнг Малим (Tanjung Malim). Это настоящий автомобилестроительный колосс, нечто вроде малайзийского Детройта, и называется он Протон-Сити. Будет там и «зеленый город с горным рельефом», и «современные средства связи, включая космические», и «туристические объекты». Ориентировочная мощность завода на 2000 год (1-й этап) – 150 000 автомобилей, а на 2003 год (2-й этап) – уже 250 000! Причем предполагается его дальнейшее модульное расширение, при котором каждое новое подразделение завода будет выпускать по 250000 автомобилей в год. Цель Протон-Сити – ежегодно спускать с конвейера один миллион машин.

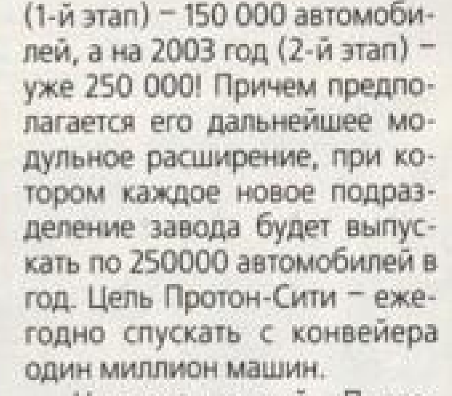
Но пока первый «Протоновский миллионер» был изготовлен 18 декабря 1996 года, зато второй «миллионер» ожидается уже через пять лет.

Сверхзадачей «Протона» являются полная конкурентная неуязвимость продукции и обладание самыми передовыми технологиями. Поэтому в рамках программы VDP (Vendor Development Programme) компания постоянно ищет новых партнеров как в азиатском регионе, так и за океаном. Например, с Японией она имеет 16 совместных предприятий, с Германией – 3, с Тайванем – 5, а всего их у компании 36. Таким путем она определяет мировых лидеров в области производства материалов, компонентов и технологий, а получая их сразу из нескольких источников, способствует здоровой конкуренции и повышает конкурентоспособность собственной продукции, ассортимент которой уже сейчас стал необычайно широк.

Помимо Протонов «Сага», «Исвара» и «Вира» на базе трехдверного хетчбэка Мицубиси «Кольт» (Mitsubishi Colt) производится Протон «Сатрия» (Proton Satria). Он уже продается в Англии под названием «Компакт» (Compact), а в континентальной Европе – как 300 Series. На базе Мицубиси «Этерна» (Mitsubishi Eterna) начался выпуск большого престижного седана с двухлитровым двигателем. Построены опытные образцы модели «Вира Купе» (Wira Coupe). Но это, повторяю, вовсе не означает, что компания окончательно «замкнулась» на Мицубиси.

Наоборот, недавно DRB-HICOM GROUP заключила договор с Пежо-Ситроеном, и полгода тому назад на шасси Sitroen AX стала выпускать Ситроен «Тиара» (Citroen Tiara), предназначенный исключительно для внутреннего рынка. В планах на будущее, на базе платформы Ситроен, уже заняли место модели Soxo и PVR (массовый автомобиль типа Форд Эскорт). Причем на европейском рынке первый будет называться 100 Series, второй – 200 Series. Ну и, наконец, на базе платформы New Lancer в 1998 году ожидается появление Wira CCR или 500 Series – автомобиля типа EX-Vectra с двумя вариантами бензиновых 1,5 и 2,0 л и одного 2-литрового дизельного двигателей.

Но самое большое удивление у европейцев вызвала покупка DRB-HICOM GROUP в 1996 году знаменитой англий-

ской компании «Лотус» (Lotus). Однако при этом преследовались совершенно конкретные практические цели. Во-первых, получить открытый доступ к последним европейским технологиям и через engineering вывести продукцию «Протона» на качественно новый уровень. Во-вторых, расширить продажи по всему миру – в течение года «Лотус» производит 2500 престижных спортивных машин. В-третьих, участвовать в гонках Формулы-1 и, в-четвертых, обеспечить продукции малайзийской компании громкую рекламу: владельцам Протонов, автомобилей для широкого круга потребителей, приятно увидеть в шоуруме рядом со своей машиной умопомрачительный «Лотус». Согласитесь, что от малайзийской автомобильной фирмы такого размаха никто не ожидал.

А пока Протоны «Вира» победоносно бегают по дорогам уже более сорока стран мира, в том числе Великобритании, Сингапура, Германии, Бельгии, Австралии, Франции, Чили... Причем объем экспорта уже достиг величин, позволяющих компании временами не думать о выгоде, а просто делать друзьям идеологические подарки. Так, поставку в этом году 500 автомобилей «Протон» в Хорватию сами представители компании объясняют ничем иным, как «просто помощью мусульманам».

Только за окончившийся 31 марта предыдущий финансовый год компанией было продано 186 000 автомобилей.

Председатель правления DRB-HICOM GROUP г-н Датук Мохд Салех Сулонг заявил в июне, что в течение года автомобильный сектор компании повысил чистую прибыль на 82,13%. При этом прибыль Перусахаан Отомобил Насионал Бхд., полагающаяся к выплате акционерам, увеличилась более чем в два раза и составила 741,47 млн ринггит. «К 31 марта 1998 года ожидается продажа 220000 автомобилей, и 25% от этого количества будет экспортировано», – добавил он.

20 июня 1997 года Перусахаан Отомобил Насьонал Бхд. и российской фирмой «Вентус Лтд» было подписано соглашение об экспорте Протонов в Россию.

На церемонии подписания присутствовали Посол Российской Федерации в Малайзии г-н В. Воробьев и Председатель правления DRB – HICOM GROUP г-н Салех Сулонг, пятое лицо в государственной иерархии Малайзии. Таким образом, обеими сторонами было подчеркнуто, что проект этот имеет общегосударственное значение.

Выбор «Вентус Лтд.» официальным дистрибьютором Протонов в России был не случаен. Фирма успешно работает на российском автомобильном рынке уже около трех лет и располагает сетью из 35 дилеров в Москве, Московской области и других регионах России, имеет три специализированных автосалона и станцию технического обслуживания, а также пользуется услугами высококвалифицированных технических специалистов, опытных коммерсантов и финансистов.

И в первую очередь российским покупателям будет предложен как раз Протон «Вира» под названием «Персона» и Протон «Сатрия» под названием «Компакт». Эти автомобили впервые будут представлены на Московском международном автосалоне, который будет проходить с 25 по 31 августа в выставочном комплексе на Красной Пресне. «Сатрия» должна занять достойное место в ряду сити-автомобилей благодаря исключительной маневренности, хорошему дизайну и небольшим размерам. Поставляемая на российский рынок «Персона» будет оборудоваться трехступенчатой автоматической или пятиступенчатой ручной коробками передач, а также двумя вариантами бензиновых двигателей: объемом 1,5 и 1,8 л, мощностью, соответственно, 90 и 116 л. с. Цена «Персоны» базовой комплектации будет приблизительно 16 000 – 18 000 USD, при том что в нее включены: гидроусилитель рулевого управления, регулируемая по высоте рулевая колонка, надувная подушка безопасности для водителя, электрические стеклоподъемники, электрические наружные зеркала, кондиционер, автомагнитола Blaupunkt и раздельная спинка заднего сиденья – обе ее складывающиеся секции разной ширины дадут возможность перевозить в багажнике длинномерные предметы. В комплект также войдут «настоящая», полноразмерная запаска с домкратом и набором инструментов, а колеса «Персоны» будут «обуты» в шоссейную малайзийскую резину GoodYear Eagle GA размерности 175/70 R 13.

Предполагается, что потенциальные покупатели

ИТОГИ • АВГУСТ • 1997

«Персоны» уже сейчас составляют 25% от общего 190-миллионного населения России. В течение первого года «Вентус Лтд.» планирует продать 3000 автомобилей. Причем на «Персону» уже известна гарантия: 3 года на автомобиль или 100 тыс. км пробега и 6 лет на кузов.

«Мы намеренно входим сначала на российский рынок, – заявил Генеральный директор «Протона» г-н Абдул Рашид Абдул Рахим, – это станет нашим трамплином для проникновения в другие страны СНГ». Итак, Россия стала 45-м рынком экспорта «Протона» в мире и девятым в Европе. Вот с каким размахом воплощаются в жизнь планы Махатхира Мохамада!

А их у премьера Малайзии масса. Например, ключевым для страны стал 1986 год, когда по его инициативе правительство приняло решение о пересмотре законодательства по иностранным инвестициям и устранении бюрократических преград (Strip Away Government Red Tape). В результате в экономику Малайзии хлынули доллары – в период 1986–1994 гг. их было инвестировано иностранцами аж 34 миллиарда: начиная от нефтяной и деревообрабатывающей промышленности до производства современных компьютеров и электронных приборов.

Пятилетний план по развертыванию собственного производства вэйферов (многослойных кремниевых пластин), базовых компонентов электронной продукции, – тоже идея Махатхира. В результате малайзийская электроника стала на 30% дешевле сингапурской, и в Малайзию уже переместилась сборка известнейших японских и корейских марок аудио-, видео-, фотоаппаратуры, а также производство диск-драйвов и электронных материнских плат. В связи с этим появилось множество оригинальных малайзийских разработок в области компьютеров и коммуникаций, которые стали с успехом экспортироваться в Японию и США. А публикуемые в центральных малайзийских газетах «Нью стрейтс таймс» (New Straits Times) и «Стар» (Star) вкладыши по компьютерным и электронным технологиям достигли толщины кирпича. Наконец, в январе и ноябре 1996 года состоялся запуск первых двух малайзийских спутников MEASAT.

А теперь у премьера новая идея – построить под Куала-Лумпуром грандиозный промышленно-исследовательский компьютерный город «суперкоридор мультимедиа» размерами 15 х 50 км, этакую «кремниевую долину» с привлечением могущественных отцов «Майкрософт», «Хьюлетт-Паккард», «Сони», «Сан Майкросистемс», «Интел» и прочих гигантов виртуальных пространств, включая, естественно, «Телеком Малайзия» и «Малайзийский институт микроэлектронных систем». Весь проект, по предварительным оценкам специалистов, обойдется в 20 млрд долларов. И не случайно ли г-н Билл Гейтс недавно открыл в Куала-Лумпуре головной региональный офис своего «Майкрософт»?

Если в 1970 году экспорт промышленной продукции Малайзии составлял менее 12% валового национального продукта, то в 1992 году – уже 70%! Это своего рода феномен.

А сам годовой прирост валового национального продукта Малайзии сейчас оценивается специалистами в 8,5% – это самый высокий показатель в Юго-Восточной Азии. При этом средний годовой доход гражданина Малайзии еще в 1995 году исчислялся суммой в 10 072 ринггит (USD 4030).

В настоящий момент в стране действует система разделения инвестиционных рисков между правительственным и частным секторами. Поощряется создание малайзийскими компаниями товариществ и стратегических альянсов в целях получения доступа к новым технологиям и рынкам сбыта. Работает хорошо продуманная система налоговых льгот. Наконец, на острове Лабуан (Labuan) в 9 км к северу от Брунея располагается Малайзийский интернациональный финансовый оффшорный центр.

Время идет. Каждые пять лет в резиденции «Истана» (Istana) в Куала-Лумпуре меняются короли, исправно назначая губернаторов в безмонархические штаты Пинанг, Малакка, Саравак и Саба. И по-прежнему правит страной 71-летний премьер Махатхир Мохамад, изо дня в день с помощью двух компьютеров на рабочем столе неутомимо путешествующий по Интернету. Махатхира теперь часто называют малайзийским Кемалем Ататюрком!

Время идет, и зубчатая сверкающая стена небоскребов Куала-Лумпура повергает залетного российского путешественника в шок. Прямо в городском саду резвятся под сеткой на солнце огромные

малайские бабочки и жуки. И тут же залитыми в стекло и в коробочках их подносят вам на раскрытых ладошках и предлагают купить. Малайзийцы улыбаются, малайзийцы шутят, малайзийцы работают и, подобно улетающим в небо игольчатым башням небоскреба «Петронас», никогда уже не вернутся в XX век. Этот небоскреб – самый высокий в мире. Шутка ли, ни много ни мало 451,9 метра! И это ли не чудо, когда с начала экономического подъема минуло немногим более пятнадцати лет?

Алексей ЩЕРБАКОВ

Наш институт борется за звание научно-исследовательского

Из всех лидирующих позиций в мировой науке Россия удержит разве что рекордное число научных сотрудников на миллион населения

Борис Жуков

КАМПАНИЯ

В ПРИСНОПАМЯТНЫЕ ВРЕМЕНА ХОДИЛ АНЕКдот про плакат в магазине: «Наш магазин борется за звание продовольственного!» Экономическая реформа сделала его неактуальным, но в России всегда найдется за что побороться. И одной из самых борцовских профессий в последние годы становится наука.

В конце апреля — начале мая ученое сословие (в лице руководства Миннауки и РАН) добилось успеха там, где потерпели сокрушительное поражение мощные административные кланы, — отстояло налоговые льготы для научных учреждений. Единственное, чем утешилось правительство, — это будущий переучет таковых, имеющий целью выяснить, какие из них в самом деле занимаются наукой, а какие только льготами пользуются. В ближайшее время каждое учреждение, считающее себя научным, должно получить государственную аккредитацию (подтверждение того, что государство признает его научным) и аттестацию (указание категории научных учреждений, к которому оно относится).

Как пояснил координатор этой кампании, начальник отдела экономических механизмов научно-технической деятельности Миннауки РФ Юрий Ширяев, аттестация пойдет тремя потоками. Учреждения, входящие в систему РАН, будет оценивать сама академия, оборонную науку — Министерство обороны и другие заинтересованные ведомства. Наконец, решения по заявкам ведомственных, а также негосударственных научных учреждений после рассмотрения в профильных министерствах будут окончательно принимать в Миннауки. Таким образом, в двух случаях Миннауки вообще не будет иметь касательства к аккредитации, в третьем же ограничится работой с представленными документами.

Правда, по словам г-на Ширяева, на его ведомство ложится методическое руководство всей затеей — разработка критериев, по которым профильные ведомства будут оценивать свои очаги знания. Миннауки рекомендует им обращать внимание на такие показатели, как доля кандидатов и докторов среди научных сотрудников, участие в госпрограммах, наличие аспирантуры или иной системы подготовки кадров, наличие экспериментальной базы, оснащенность оборудованием и его возраст, участие в выставках и полученные на них награды... (В ответ на прямой вопрос, будет ли учитываться индекс цитируемости, г-н Ширяев добавил к списку критериев число публикаций, патентов и ноу-хау.) Но при этом разработчики методики приняли принципиальное решение: никаких баллов и вообще формальных подсчетов. Все перечисленные показатели — это только «пункты анкеты», позиции, по которым институты должны представить свои данные. А дальше по каждому конкретному институту будет приниматься индивидуальное решение на основе сложившегося у членов комиссии впечатления. На нем не скажется даже необходимость выбрать достойнейших из достойных — каждое ведомство имеет право аккредитовать столько учреждений, сколько сочтет нужным...

Наверное, можно не продолжать. С такой системой оценки научной работы знаком каждый, кому довелось поработать в советской или российской науке. Раз в несколько лет каждый научный сотрудник должен пройти аттестацию на занимаемую им должность. Если у него нормальные отношения со своим непосредственным начальством, этот акт представляет собой чистую формальность, требующую, однако, нескольких дней суеты. Если же администрация им недовольна, аттестация дает ей возможность избавиться от него, обойдя требования КЗоТа. К интенсивности и качеству его реальной работы результат такой аттестации никакого отношения не имеет.

Вот негосударственные научные учреждения, буде таковые объявятся, могут и впрямь нарваться на въедливую и нелицеприятную проверку. Но даже если им всем будет отказано в государственной аккредитации, бюджету от этого вряд ли станет легче. Из всех «лидирующих позиций в мировой науке», о которых так любят поговорить научные начальники, Россия удержит разве что рекордное число научных сотрудников на миллион населения. Казенные деньги — и прямые ассигнования, и налоговые льготы — будут все так же размазываться ровным слоем по бесчисленным научным конторам «мирового уровня». А то, что при этом их не будет хватать никому и ни на что, только усилит власть и влияние инстанций, которые будут их распределять.

Тем временем вопреки всякой логике и бесчисленным заявлениям научных начальников об усилении доли конкурсного финансирования, в правительственном проекте секвестра расходы на науку решено сокращать в основном за счет научных фондов, работа которых только-только начала приносить ощутимые плоды. (Зампред думского Комитета по образованию и науке Михаил Глубоковский назвал это решение «структурной контрреволюцией» в науке.) А чтобы у отечественных Платонов и Невтонов совсем не осталось возможностей получить какие-либо деньги в обход начальства, из непроглядных аппаратных глубин всплыл проект постановления правительства об упорядочении деятельности зарубежных благотворительных фондов на территории Российской Федерации. (Уроженцам нашей страны можно не объяснять, что означает слово «упорядочение» на бюрократическом языке.) Правда, этот проект, едва показавшись, тут же канул обратно в бездну, не дойдя даже до обсуждения на правительстве. Но показательно само желание помешать иностранным благотворителям поддержать российскую науку — под неумолчный плач о ее скорой гибели из-за отсутствия денег. Можно не сомневаться, что это не последняя попытка ограничить доступ российских ученых к независимым источникам финансирования. ■

Mir i druzhba форевер

Американские участники Фестиваля молодежи и студентов вспоминают Красную площадь, советский расизм и банки

Маша Гессен

ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Бородатый Нэпи ван Дерек, бывший моряк, ныне владелец ресторана в курортном городке Провинстауне в штате Массачусетс, давно ждал, чтобы кто-нибудь наконец спросил его о потрясающем событии сорокалетней давности. «Не знаю, поняли люди это наконец или нет, но я уверен, что этот фестиваль все бесповоротно изменил, — говорит он. — После него уже невозможно было так же плотно закрыть советское общество». Сам ван Дерек, правда, с 1957 года ни разу не возвращался в Советский Союз или в Россию, но, судя по всему, чувствует, что причастность к столь значимому событию дает ему право рассуждать в мировых масштабах: он столь же охотно и решительно высказывается относительно, например, ситуации на Ближнем Востоке.

Однако во время фестиваля двадцатипятилетний студент ван Дерек (которого, впрочем, тогда звали Антон Хаунстрап) ощущал себя не столько гражданином Вселенной, сколько одним из немногочисленных представителей своей страны. Сегодня ван Дерек вспоминает, что на фестиваль приехало «около 35» американцев, хотя в действительности их было около 160. Корреспондент New York Times Magazine описал настроение ван Дерека следующим образом: «В один из дней усталый Антон Хаунстрап ретировался в свой гостиничный номер. «Будь все проклято, — сказал он. — Пусть сюда приезжают Эйзенхауэр и Даллес (госсекретарь США. — «**Итоги**») и сами свою страну и представляют. А то мне приходится защищать то, что я ни за что не стал бы защищать на родине. Меня спрашивают, не лишат ли меня работы или паспорта за то, что я сюда приехал, и как еще меня будут преследовать! Это меня поразило. Я никогда всерьез и не задумывался о подобных вещах. Нам всегда говорят, что этот народ изолирован от остального мира, но понять насколько, можно только столкнувшись с этим лично. Нам надо было прислать сюда 3000 человек».

Как теперь вспоминает Нэпи ван Дерек, он понял, что приехал не просто поглазеть, а представлять свою страну в первый же свой день в Москве. Американских делегатов собрал молодой маоист из Нью-Йорка по имени Джейк Розен, чтобы оповестить всех о том, как следует себя вести «американской делегации» и какой она понесет транспарант во время церемонии открытия фестиваля. В действительности никакой «американской делегации» не было: были две небольшие группы — одна, организованная коммунистами из Нью-Йорка, и вторая, чикагская, для некоммунистической молодежи. Но большинство американских участников приехали «дикарями». Авторитарные замашки Розена взбесили эту разношерстную публику, и, по воспоминаниям ван Дерека, буря началась с его выкрика: «А кто тебя выбирал?» В результате американцы разрезали уже сшитый транспарант с лозунгом «Делегация США приветствует VI Всемирный фестиваль» и создали новый: «Участники из США приветствуют молодежь мира».

«При этом присутствовало несколько русских, — вспоминает Нэпи ван Дерек, — и они просто не могли поверить своим глазам и ушам. Они явно никогда не сталкивались с подобным поведением. И вот тогда я понял, что мы здесь все что-то представляем — не столько даже Америку, сколько вообще свободный мир. Мы вели себя так, как ведут себя свободные люди. То же самое было и с приехавшими из Западной Европы, французами или датчанами, — они все ехали от имени своих коммунистических молодежных организаций, но вели себя как свободные люди».

Все участники вспоминают, что дискуссии между москвичами и иностранцами завязывались постоянно и повсюду: на улице, во время каких-то официальных мероприятий, у входа в гостиницу. Правда, Дэниэль Шор, тогда молодой корреспондент телерадиокомпании Си-би-эс, а ныне известнейший американский радиокомментатор, вносит одну поправку: «Американцы, французы, итальянцы неизменно привлекали к себе внимание. А советская пресса явно старалась освещать все делегации равномерно. Но на улице прохожие практически игнорировали участников из африканских стран и других чернокожих. Я всегда переживал по поводу расизма в моей стране, но тот расизм, с которым я столкнулся в Советском Союзе, — это было действительно нечто». (Схожее впечатление сложилось у чикагца Лероя Уолинза, который до сих пор помнит, как во время визита на факультет географии МГУ он упомянул, что дама его сердца — негритянка: «Они попросту отказывались в это верить».)

Однако одним из основных обвинений, которое советские участники не уставали предъявлять своим американским гостям, было как раз обвинение в расизме. Авторы статей в журналах New York Times Magazine и The New Republic отмечали, что советская аудитория была ошеломлена, когда девятнадцатилетняя американская студентка, отвечая на вопрос, почему в институты не принимают негров, сказала, слегка смешавшись: «Но моя соседка по комнате в общежитии в Нью-Йоркском университете — негритянка».

СТУДЕНТЫ, КОМСОМОЛЬЦЫ, СПОРТСМЕНЫ И, НАКОНЕЦ, ПРОСТО **КРАСАВЦЫ**

ОЧЕВИДЦЫ

Юрий Викторов, пенсионер:

— В Воронежской области я закончил Суворовское училище по классу гобоя, в Москву попал в 1949 году и стал служить в оркестре Артиллерийской академии имени Дзержинского. Летом 1957 года всем военным оркестрам дали разнарядку обслуживать фестиваль. Наш оркестр играл на разных площадках, иногда просто на улицах. Один раз участвовали в цирковой кавалькаде (мы ее называли «кувыркадой»), когда полторы сотни автомобилей с отброшенными бортами ехали от парка Горького по Садовому кольцу и по улице Горького до стадиона «Динамо».

Интересные мероприятия проходили в парке Горького. Там был грандиозный фейерверк, для которого четыре груженные песком баржи вывели на середину Москвы-реки; в песке стояли артиллерийские стволы, которые стреляли вверх. Красотища немыслимая. Именно в парке Горького мы впервые увидели выставку абстрактного искусства: на набережной в нескольких летних павильончиках выставили сотни полторы картин. Здесь же поставили несколько магазинчиков, где продавали сувениры. Открыли чешский пивной ресторан «Плъзень». Конечно, ресторан — это громко сказано, но там продавали хорошее пиво, а рядом — чешские вафельки, сосульки, леденцы. Хотя эти леденцы на вкус были омерзительны — напоминали валерьянку с карболкой, — все их брали.

Секса у нас, как известно, не было, но девицы легкого поведения существовали и тогда, хотя, конечно, их было мало и они жестоко преследовались. А поскольку во время фестиваля в СССР впервые появились негры, индусы, арабы — эдакая экзотика — наши девицы им проходу не давали. В парке «Сокольники» я наблюдал великолепную картину. Идут несколько человек в штатском с фонарями и что-то ищут в зарослях. Вдруг из-под куста выскакивает негр, рядом голая девица пытается прикрыться. А негр ничего по-русски не понимает и, как флагом, размахивает женскими трусиками: «Дружба, мир! Дружба, мир!» Говорили, что девиц легкого поведения вылавливали, стригли наголо и отправляли на 101-й км. Остались дети фестиваля — так называемые ромашки.

Практически каждый участник фестиваля находился «под колпаком». После праздника девушек в парке Горького ко мне подошел человек лет сорока пяти и стал говорить по-русски практически без акцента. Оказалось, что он из ЮАР, тоже музыкант, и его родители выехали из Риги. Он меня спросил, не могу ли я ему продать коекакие ноты, правда, у него сейчас нет русских денег. Я ответил, что в гостинице «Украина» есть обменный пункт, деньги там можно поменять, а ноты можно купить в магазине. На этом наш разговор закончился, а на следующий день меня вызывают в особый отдел. «У вас была такая-то беседа?» Я говорю, была. «Что он вам говорил?» Я отвечаю: то-то и то-то. Потом спрашиваю: минуточку, откуда вы об этом знаете? Нелепый вопрос. Ясно, что за нами наблюдали.

Когда стали появляться первые гости фестиваля, москвичи удивлялись, как они все плохо одеты. Особенно плохо были одеты французы. У нас люди одевались хоть не всегда со вкусом, но в добротные ткани. И с едой у нас было хорошо — гостей прекрасно кормили, и их это очень удивляло.

Не могу сказать, что фестиваль оставил какой-то значительный след. Мы просто увидели людей из других стран, убедились, что они ничуть не лучше нас. Для нас — военных музыкантов — фестиваль был обычной работой. Я думаю, если сейчас найдутся мои коллеги по оркестру, то они удивятся, что я вообще что-то помню.

НАРОДЫ МИРА В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Часто следующим пунктом было обвинение американских властей, не позволивших певцу Полю Робсону приехать на московский фестиваль: госдепартамент лишил его паспорта за год или два до этого. (Спустя несколько месяцев, отчасти в связи с московским фестивалем, Верховный суд США вынес решение, запрещающее впредь лишать граждан паспортов по политическим причинам.) Нэпи ван Дерек до сих пор гордится своим ответом на вопрос о Робсоне: «Я сказал: «Я считаю, что в этом случае власти моей страны ведут себя по-идиотски, и я заявляю об этом открыто. А вы можете сделать подобное заявление, когда ваши власти совершают какую-то глупость?» Впрочем, в остальном, как считает Нэпи ван Дерек, он, дитя нью-йоркской артистической богемы, был совершенно не подготовлен вести политические дебаты. То ли дело другой американец. «Он привез с собой 10 тысяч экземпляров доклада ООН о подавлении венгерской революции и раздавал их прямо на Красной площади», — с восхищением вспоминает ван Дерек.

Агитпроп

На время фестиваля советские власти отпустили населению, а в особенности гостям, небывалую порцию свободы. Были донельзя ослаблены правила получения советской визы: визой служила карточка участника фестиваля, а купить ее в советском консульстве можно было, не предъявляя паспорта (более того, Советский Союз брался довезти любого участника от «красной границы» — то есть границы любой из стран соцлагеря — до Москвы за пять долларов). В Москве поступили в открытую продажу газеты New York Times и International Herald Tribune (Нэпи ван Дерек, правда, заметил, что у киосков стояли люди в штатском, наблюдавшие за продажей капиталистической прессы, и что советские граждане покупать ее не осмеливались.)

Главлит на время фестиваля ослабил цензуру. Дэниэль Шор воспользовался этим «окном», чтобы транслировать репортажи об идеологических разногласиях между СССР и Китаем и о советских гражданах, протестовавших против подавления венгерской революции; через непродолжительное время Шор был выдворен из страны. Однако даже при таких уступках трудно представить, чтобы кто-то мог провезти в Советский Союз 10 тысяч экземпляров доклада ООН. На самом деле акция имела куда более скромные размеры.

Ричард Медали и Джордж Эйбрамс, ныне преуспевающие адвокаты в Вашингтоне и Бостоне соответственно, а тогда аспиранты юридического факультета Гарвардского университета, решили приехать в Москву «дикарями». «В колледже я изучал Россию и Восточную Европу, свободно говорил по-русски и по-сербски, — рассказывает Медали. — Я знал, что госдепартамент США не одобряет участие американцев в фестивале, но я считал, что те, кто знает, что к чему, должны поехать». Медали захватил газетную вырезку о докладе ООН о венгерских событиях.

Прибыв за день или два до официального открытия фестиваля, Медали и Эйбрамс вместе с какой-то американской девушкой решили прогуляться к Красной площади и ГУМу. «Мы даже не успели что-нибудь посмотреть, как нас окружили советские граждане, — вспоминает Ричард Медали. — Мы начали с ними разговаривать, и чем больше мы разговаривали, тем больше народу к нам присоединялось. Сформировалось три огромных круга людей: вокруг каждого из нас собралась отдельная толпа. Это продолжалось несколько часов. В семь часов мы с этой американской девушкой решили, что пора возвращаться в гостиницу. Мы окликнули Джорджа, но он ответил: «Нет, ребята, я тут как раз рассказываю о том, что произошло в Венгрии, и прерваться никак не могу. Вы идите, я вас догоню». Мы вернулись в гостиницу. Прошло несколько часов, а Джорджа все не было, и мы не на шутку забеспокоились. Наконец около 11 часов вечера ввалился Джордж с огромной толпой народа. Выяснилось, что после нашего ухода «наши» толпы примкнули к его толпе и он стал вещать для всех. Он был так взволнован этим, что, придя в гостиницу, сказал: «Нам надо собрать группу людей, которые готовы выходить и разговаривать с людьми». Мы собрали человек пять и со следующего дня стали ходить на Красную площадь. А собственно в мероприятиях фестиваля мы так и не участвовали».

ПЕРВОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИНОСТРАНЦАМ

«Из тех, кто проводит «семинары» на Красной площади, только Джордж Эйбрамс и Ричард Медали обзавелись собственными аудиториями, — сообщал корреспондент New York Times Magazine. — Иногда одновременно с ними работают по четыре-пять переводчиков. С собой у студентов газетная вырезка о докладе ООН по Венгрии. Часто они приводят приятеля из индийской делегации, и тот пересказывает слова Неру по поводу Венгрии. Обычно, когда они заканчивают выступать, воцаряется тишина. Потом какие-то слушате-

ОЧЕВИДЦЫ

Владимир Павловский, пенсионер:

— Говорят, что фестиваль 1957 года был для России первыми воротами в западный мир. Это не совсем так, потому что чуть-чуть эти ворота приоткрылись во время предыдущих фестивалей. Например, четвертый фестиваль молодежи и студентов в Бухаресте, который проходил в 1953 году. Мне, правда, не пришлось в нем участвовать, я тогда был секретарем комитета комсомола МПС и сопровождал двухтысячную финскую делегацию, которую мы везли туда и обратно через Россию. Во время поездки по три дня показывали им Москву, Ленинград и Киев.

Пока их везли, одновременно удивлялись и они, и мы. Утром, после выезда из Ленинграда, просыпаюсь и вижу: мои финны таращатся в окна вагонов и оживленно жестикулируют. Я позвал переводчика, и он мне объяснил, что удивлялись они тому, какие просторы в СССР, сколько нераспаханных полей и «зачем же им воевать». Когда в Москве мы водили финнов на кондитерскую фабрику, они тоже были потрясены, и один из них выкрикнул: «Приедем — и мы у себя революцию сделаем». И все финны его поддержали. Конечно, глядя на них, мы удивлялись, и я тогда поразился тому, что значит общение людей из разных стран.

Чтобы сопровождать эту делегацию, я несколько недель ходил на семинар, где читали лекции по истории и географии Финляндии, давали наставления от ЦК ВЛКСМ, КГБ. А на московский фестиваль 1957 года попал без всякой подготовки. Я тогда работал в управлении кадров МПС — меня вызвали в ЦК ВЛКСМ и сказали, что на время фестиваля я назначаюсь уполномоченным Советского подготовительного комитета (СПК) по гостинице «Ярославская», которая находится недалеко от ВДНХ. К фестивалю построили массу новых гостиниц с длинными коридорами и четырехместными номерами. В «Ярославской» было введено семь корпусов, восьмой достраивали и так и не успели ввести. Во всех корпусах поселили 3200 человек — из африканских стран и из Румынии.

Мне не повезло с руководителем — это был сотрудник ЦК ВЛКСМ, мерзопакостный мужик. Он умудрился так сделать, что мой товарищ и я — два дурака — работали через сутки, хотя должны были работать через двое. Он вообще не дежурил — приходил днем, давал руководящие указания и уходил. Иногда требовал принести комплекты белья, чтобы «показать их в ЦК комсомола». Правда, оттуда они потом не возвращались. Вообще на фестивале комсомольские лидеры погрели руки. Например, СПК подготовил для участников оригинально стилизованные талончики на медицинское обслуживание, бритье, ремонт часов, обуви. С такими талончиками можно было зайти в любую часовую мастерскую, парикмахерскую и так далее. В основном ими пользовались не участники, а работники ЦК комсомола. Наверное, в их семьях не осталось ни одной пары обуви, не отремонтированной за счет фестиваля.

Как уполномоченный по гостинице я должен был следить за порядком, распределять приглашения и тому подобное. Допустим, привозят билеты на 3200 человек. Один должен попасть на спортивные соревнования, другой поет в хоре, третий участвует в таком-то на концерте, и каждому надо было дать билет. Три-четыре огромных мешка с билетами привозил фельдъегерь, а ночью вместе с уполномоченными по корпусам (там тоже были «тройки») мы их сортировали.

С женщинами на фестивале постоянно случались недоразумения. Разрешалось общаться только до одиннадцати часов. Но иностранцы, в основном негры, не давали успокоиться нашим девчонкам, которые на них кинулись как черт знает на что. И все время ошивались вокруг гостиницы. Шла молва, что приезжают дружинники и стригут наголо тех, кто до часу ночи с неграми гуляет. Кто-то утверждал, что такую команду дала Фурцева — она тогда была первым секретарем московского горкома КПСС. Кто-то говорил, что Фурцева, наоборот, это запретила.

Лично я ни одной обстриженной не видел, но точно знаю другое: за несколько дней до окончания фестиваля количество девчонок вокруг гостиницы резко уменьшилось. Потом я узнал, что, оказывается, около часа ночи подъезжали машины и люди в штатском грузили в них гуляющих девчонок и увозили их за 20—25 километров от Москвы. Там высаживали: дескать, подумайте о своем поведении. И у них была возможность подумать: ночь, до города не доедешь, а они в легких платьицах. В отличие от милицейских кордонов и акций дружинников это действовало хорошо: молва об этом мгновенно разнеслась, и ночью гулять мало кто отваживался.

Недалеко от гостиницы была церквушка — она, наверное, и сейчас там стоит. Приходит оттуда батюшка и говорит: «Пойдемте со мной». Привел меня за ограду — там было маленькое кладбище — и показал кучу мусора, откуда выглядывали презервативы, а также трусики и разные другие детали туалета. Когда служители там убирались, они все это выгребли с могилок.

Один раз в гостиницу зашел пьяный мужчина, и его никак не могли угомонить. Я позвал его к себе в кабинет и говорю: «Чего ты орешь?» А он кричит: «Я ее, стерву, засужу». Оказывается, он кормил-поил какую-то француженку, и она после этого от него сбежала. А ему кто-то сказал, что у французов так принято: если один раз покормил, можно рассчитывать и на более интересное занятие. Я ему объяснил, что французов в этой гостинице нет и что они живут в «Золотом колосе». И говорю: «Даже если ты ее найдешь, ничего с ней не сделаешь». Он снова начал кричать, и я его припугнул милицией. Смотрю: хмель у него проходит, задору убавилось, и он в конце концов удалился.

За день до фестиваля в гостиницу приехал помощник президента Египта Гамаля Абделя Насера по молодежи и спорту. Его страшно боялись даже работники нашего ЦК комсомола. Он вылез из машины, обошел второй корпус, где египтян предполагалось разместить, столовую и так далее. И когда все уже решили, что он уедет, он ко мне подходит и говорит, что есть две просьбы. Первая: можно ли повесить в гостинице портрет Насера? Я говорю: вешайте ради бога. Через полчаса после его отъезда зашел в корпус и не увидел ни одного коридора, где на мало-мальски выступающей поверхности не было бы портрета.

Вторая просьба касалась украшений. Говорит, что, мы, мол, сейчас в очень плохих отношения с Израилем и что людям было бы неприятно видеть израильские флаги в своей гостинице, — нельзя ли их снять? Я говорю: снимайте на здоровье, только где они здесь? Он тут же указал на два столба рядом с корпусом. Сняли. Он говорит: и в столовой, пожалуйста, снимите. Столовая на все корпуса была одна, и там висели длинные гирлянды флажков стран-участниц. Израильский флажок должен был быть примерно каждым сотым. Но когда мы их стали обдирать, израильским оказался каждый пятый. Кто, когда и зачем их столько повесил, осталось тайной.

Около 700 румын жили в одном корпусе. Их представитель меня спрашивает: нельзя ли наружу выставить динамик и транслировать национальную музыку? Я разрешил, но потом об этом жалел, потому что динамик орал с огромной силой. Мелодии, правда, были хорошие. Особенно запомнился танец «вереница». Во время этого танца парень ходит по кругу, находит девушку, с которой хочет танцевать, расстилает носовой платок, становится на него коленом и приглашает ее. После танца она с ним прощается, приглашает кавалера на свой выбор и так далее. Эта «вереница» у меня сидела в печенках. Чем больше ее играли, тем больше собиралось народа. Уже забыли про платочки, перестали целовать руки, и из толпы танцующих вытаскивали полуживых наших девчонок — очень уж сильно их там тискали.

Меня румыны спрашивают: куда можно поставить вино, которое они с собой привезли? Я им говорю: в тумбочки, в холодильники. А наша сотрудница из «румынского» корпуса мне шепчет: у них очень много вина — может, лучше в бомбоубежище? Я опешил: как можно о бомбоубежище говорить при иностранцах? Она поправляется: в подвал. Если бы видели, сколько они привезли вина на грузовиках. Все это они выпили — обратно увозить ничего не пришлось. Правда, пьяных я почти не видел.

Мне многие тогда говорили, почему я не иду на то или другое мероприятие. А куда я мог пойти, когда я сутки работал, потом добирался домой, должен был выспаться и снова идти работать. Жалко, конечно, что весь фестиваль я просидел в гостинице, он для меня был всего лишь работой. Мне за нее ничего не доплачивали, только сохраняли оклад работника МПС. С другой стороны, было приятно чувствовать себя одним из организаторов.

Я видел, что наши гости очень довольны Москвой и вообще тем, что происходит. Не помню случая, чтобы кто-нибудь сказал, что было неинтересно или зачем туда-то повезли. Было радостно за свою страну, в какой-то мере за комсомол.

Вообще это было грандиозное событие, и сейчас о нем очень приятно вспоминать.

ПОКА ОНИ ЕЩЕ **ВМЕСТЕ**

ли передают записки с просьбой продолжить разговор наедине».

Газета «Красная звезда» в статье под названием «Зеленый человек на Красной площади» изображала выступления Медали и компании несколько иначе и утверждала, что именно эти люди баламутили венгерский народ годом раньше и толкали его на контрреволюционный мятеж. (Почему его назвали «зеленым человеком», Медали так и не понял: то ли это был намек на цвет денег, которыми американцы оплатили участие в фестивале, то ли имелись в виду зеленые синтетические костюмы, популярные тогда среди американской молодежи.)

Попало от советской прессы и Дэниэлю Шору. «Комсомольская правда» среди прочих обвинений назвала его «бескультурным»: снимая американцев для телевидения, он взобрался на стул. Правда, среди американских участников советская пресса нашла себе одного настоящего героя — Лероя Уолинза.

Человек без паспорта

Лерой Уолинз, двадцативосьмилетний председатель Чикагского комитета американо-советской дружбы (подобные комитеты появились во многих американских городах во время второй мировой войны, и не все их лидеры были коммунистами), решил во что бы то ни стало попасть на фестиваль. Задача была не из легких, так как годом раньше госдепартамент лишил Уолинза паспорта. Однако когда Уолинз прослышал, что карточка участника фестиваля заменяет советскую визу, у него родился план: заручившись карточкой, выехать в Канаду, на границе с которой американские граждане не обязаны показывать паспорт, а там сесть на корабль, отправлявшийся в Ленинград. О том, как вернуться, Уолинз не особо беспокоился: по американскому закону, любому гражданину, желающему вернуться на родину, должен быть выдан паспорт.

Уолинз на собственном автомобиле добрался до Монреаля, но тут его постигла неудача: единственный корабль в порту, держащий курс на Ленинград, должен был сперва пришвартоваться в Нью-Йорке. Один моряк посоветовал Уолинзу обратиться к знакомому сотруднику турагентства. Тот действительно взялся устроить Уолинза, несмотря на отсутствие паспорта, на рейс до Праги. Надо было лишь получить чешскую транзитную визу. «Тут я впервые понял, насколько безотказно действовало это распоряжение: любой, кто хочет приехать на фестиваль, должен доехать, — вспоминает Уолинз. — Обратись я с подобной просьбой к чешскому консулу годом раньше, это был бы смертельный номер. Но на этот раз вся процедура заняла 10 минут».

Со следующим препятствием Лерой Уолинз столкнулся в Чопе: за неимением паспорта его, разумеется, сняли с поезда. «Меня поместили в такой огромный барак, — вспоминает Уолинз. — Там было человек 40, а может, и все 100. Все тяжелые случаи: испанцы, алжирцы и я». Спустя пару дней в этот накопитель пришел представитель советской стороны — Уолинза удивило, что он был одет всего лишь в железнодорожную форму. «Он посмотрел все наши документы и распорядился всех впустить. Никому не было отказано. Советский Союз готов был сделать все, чтобы получить максимальное количество участников».

Свободно говоривший по-русски, Уолинз провел следующие две с половиной недели с толком: он перезнакомился с кучей знаменитостей (его неприятно удивило то, что вся семья Петра Капицы, включая домработницу, ютилась в одной комнате), побывал на заводе имени Орджоникидзе (технологический уровень завода поразил его воображение) и в советской больнице, которая осталась в памяти многих подхвативших грипп американских участников одним из самых ярких воспоминаний. И 40 лет спустя бывший участник удивляется: «В конце 50-х годов эти примитивные люди ставили нам банки — я об этом читал только в книгах, принадлежавших моим родителям». Когда Уолинзу пришло время возвращаться, выяснилось, что все не так просто. Только благодаря вмешательству кого-то влиятельного, Уолинзу удалось попасть на самолет до Праги, а там он уже получил паспорт.

Когда Лерой Уолинз добрался до Монреаля, где он оставил свой «форд» у турагента, тот поведал, почему с такой готовностью помог Лирою в его авантюре. Оказалось, что агент — венгр, влюбившийся в канадскую девушку во время фестиваля молодежи и студентов в Будапеште в 1949 году. Венгерские власти отказали ему в разрешении на выезд, но каким-то образом ему удалось бежать и добраться до Канады, где он женился на своей девушке. «Так что, хотя этот человек очень не любил коммунистов, — объясняет Уолинз, — он очень любил фестивали молодежи и студентов». ■

Провинстаун — Бостон — Вашингтон
Фото ИТАР-ТАСС и из архива «Итогов»

В списках не значится

Михаил Степанов

Дума хочет восстановить историко-культурную справедливость в отношении Красной площади

Петр Журавлев

ПО ЗАСЛУГАМ

КОМУ-ТО ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУса Красной площади может показаться искусственной. Мол, что за дело, числится она в каких-то там списках-перечнях «особо ценных объектов» или нет? Ведь вне зависимости от этого на Красную площадь приходили и будут приходить гулять, поедая гумовское мороженое, слушать бой курантов, смотреть салюты, отмечать выпускные вечера, фотографироваться в дни свадеб, объяснять детям на конкретном примере, что такое брусчатка, и вспоминать, морща лоб: Минин — это который сидит или стоит? «Главная площадь страны» всегда была и будет обязательным номером программы любой туристической экскурсии («Обратите внимание, ladies and gentlemen, на особенность богатого русского языка: слово «красная» в данном случае означает не цвет...») А парады? А концерты? Как-то до сих пор без этого непонятного «статуса» обходились, и ничего: ни общенародная любовь не ослабла, ни всемирная известность не поблекла. «И вообще, что это такое — статус Красной площади?» — может спросить далекий от политики человек. Спросит — и получит ответ.

Шершавым языком закона

«**Статья 1.** Красная площадь города Москвы является главной площадью столицы Российской Федерации, местом проведения официальных государственных мероприятий, в том числе парадов, а также общественно-политических и других массовых мероприятий, посвященных общенародным торжествам и памятным дням России и Москвы.

Статья 2. Присвоить Красной площади статус особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации...

Статья 3. Общественно-политические и другие массовые мероприятия на Красной площади города Москвы проводятся на основании решения Координационного совета, в состав которого входят Президент Российской Федерации, Председатель Правительства РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ.

Статья 4. Реконструкция объектов на Красной площади города Москвы, а также строительство на указанной площади новых объектов, нарушающие ее исторический облик и не отвечающие требованиям, которые предъявляются к памятникам мирового значения, запрещаются».

История приведенного выше закона «О статусе Красной площади города Москвы» началась осенью прошлого года. Группа ветеранов ВОВ, принимавших участие в параде 7 ноября 1941 года, выразила желание отметить 55-летний юбилей этого знаменитого события и пройти еще раз по Красной площади. Но там в тот момент проходил цирковой фестиваль. В поисках инстанций, способных решить проблему, фронтовики дошли до думского Комитета по делам ветеранов. Там к ним отнеслись с пониманием и после несложных исследований обнаружили существенный пробел в законодательстве. Дело в том, что в соответствии с законом о столичном статусе Москвы проведение всех публичных мероприятий в городе должно регулироваться законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Но закон этот, принятый Думой 9 июня и одобренный сенаторами 15 ноября 1995 года, президентом так и не был подписан.

Эксперты комитета взялись за дело, и 15 января 1997 года Дума приняла в первом чтении законопроект «О проведении общественно-политических и других массовых мероприятий на Красной площади». «Мы думали, что с площадью все ясно, и проблема только в митингах и шествиях, — сказал «Итогам» советник ветеранского комитета Вячеслав Серегин. — Но потом оказалось, что у площади нет статуса».

Сев за изучение сводов и перечней отечественных культурных ценностей, г-н Серегин не обнаружил там даже упоминания о Красной площади. Ансамбль «Московский Кремль» есть, объект «Покровский собор на Рву» есть, объект «Лобное место» есть. А площади нет. Присланная 20 марта Госкомимуществом бумага также гласила: «... В настоящее время статус Красной площади как объекта исторического и культурного наследия федерального значения не установлен».

В своих исканиях рабочая группа комитета наткнулась только на один документ, как-то проясняющий ситуацию. Указом президента от 25 мая 1992 года № 806 Красная площадь фактически включалась в состав территории Кремля и передавалась в распоряжение коменданта Кремля и Дирекции кремлевских музеев. Однако на указе стоял гриф «Не для печати», а неопубликованный правовой акт, заметил Вячеслав Серегин, не имеет юридической силы. (После того как законопроект о Красной площади был принят в первом чтении, гриф сняли.) С другой стороны, по словам советника, в перечень мировых культурных ценностей ЮНЕСКО включены как Кремль, так и Красная площадь — отдельно. Одним словом, принятый в первом чтении законопроект пришлось дорабатывать (у него изменилось даже название), и 4 июня закон «О статусе Красной площади города Москвы» был принят Думой. Спустя неделю Совет Федерации его отклонил.

Сухой остаток

История эта, безусловно, будет иметь продолжение: сдаваться без боя разработчики закона не намерены и ждут формирования думско-сенатской согласительной комиссии. Однако представляется, что на данном этапе итог вполне закономерен. Стремясь довести свое детище до совершенства, в комитете по делам ветеранов не учли по крайней мере два обстоятельства.

Да, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, к которой Россия присоединилась в 1988 году, действительно запрещает какие-либо переделки, изменяющие облик исторических памятников. Но включение в закон статьи 4 сейчас, на фоне обострившихся дискуссий о судьбе Мавзолея, придает в целом нейтральному документу отчетливую политическую окраску. Тем более что выносился закон на рассмотрение Думы главой комитета Валентином Варенниковым, пусть даже, по его собственным словам, и не имевшим в виду «чего-то такого». С другой стороны, ответ на вопрос «Считать ли вынос тела из Мавзолея реконструкцией, изменяющей исторический облик объекта?» по крайней мере не очевиден.

На еще одно слабое место указали члены Совета Федерации. «Концептуальным недостатком закона является необоснованное отстранение органов государственной власти города Москвы от участия в определении статуса Красной площади как части своей территории, ... что не согласуется с конституционным принципом федерализма...». В этом отрывке выступления председателя Законодательного собрания Ленинградской области Иванова ключевыми, безусловно, являются слова «своя территория». Закон при помощи «фигуры умолчания» разграничил полномочия между центром и «субъектом». А сенаторы, как известно, относятся к этой «дележке» крайне болезненно.

А в остальном закон очень даже ничего. «Главная площадь», «особо ценный объект». Кто же спорит... ■

Владимир Федоренко

Захоронить любой ценой

Борис Ельцин намерен «освободить Красную площадь от кладбища» до 2000 года

Дмитрий Пинскер

КАРФАГЕН

ТЕЛО ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА БУДЕТ ПРЕДАНО земле до окончания президентского срока Бориса Ельцина. В этом ни на минуту не сомневаются в Кремле. Как выразился один из высокопоставленных чиновников администрации главы государства, «Борис Николаевич не собирается оставлять эту проблему в наследство своему преемнику».

Ельцин еще на заре своего президентства попытался последовать призыву вынести Ленина из Мавзолея, прозвучавшему на первом съезде народных депутатов СССР из уст Марка Захарова. Решись тогда президент на этот «акт вандализма», ему, быть может, не только удалось бы проделать все это без неприятных политических последствий, поскольку позиции коммунистов были в ту пору слишком слабы, но и получить некоторые политические дивиденды. Однако публичное обсуждение этой темы вкупе с попытками закрыть и ликвидировать музей Владимира Ленина в центре столицы привело к появлению почти круглосуточного пикета людей с красными знаменами и мегафонами у стен этого самого музея (если бы их не гоняли милиционеры, они бы разместились и возле усыпальницы). Ни капризы погоды, ни многочисленные стройки, развернутые московским правительством, ни милицейские рейды не сломили идейных борцов. И Кремль уступил.

Ныне, когда оппозиция значительно сильнее, нежели пять лет назад, захоронить вождя мирового пролетариата будет куда сложнее.

Опять импровизация

В мае на стол президенту легла докладная записка с детальным планом: как вынести тело Ленина из Мавзолея, не спровоцировав при этом общенациональный политический кризис. Залогом успеха должна была стать мощная пропагандистская кампания. Не агрессивная, как во время выборов, а мягкая, ненавязчивая, но перманентная. При этом до самого последнего момента Кремлю, по замыслу авторов документа, следовало держаться в стороне от происходящего «обсуждения», дабы не вызвать раньше времени огонь оппозиции крупного калибра. Борис Ельцин должен был выступить с конкретным заявлением лишь на финальном этапе, когда можно было быть уверенным, что объявление о принятом по итогам обсуждения решении и его реализация пройдут более или менее спокойно.

По мнению президентских советников, с одобрением могла быть воспринята и идея одновременного захоронения тела Ленина и останков царской семьи, а провести оба мероприятия можно было бы в один день — 7 ноября в Санкт-Петербурге. «Как никак, у нас на дворе год примирения и согласия», — заметил один из кремлевских собеседников корреспондента «Итогов».

От президента требовалось лишь одобрить план, а дальше процесс закрутился бы без его участия: отлаженную во время прошлогодних выборов пропагандистскую машину надо было только запустить. «У нас бы все отлично получилось», — считают в Кремле.

Президенту план понравился настолько, что он решил приступить к его реализации незамедлительно. Начав с конца.

«Ленин наша история. Но давайте ей придадим христианский характер. Он не должен быть над землей. Он должен быть в земле... Давайте где-нибудь попозже, может быть, осенью, проведем референдум по Мавзолею. Пусть народ скажет, похоронить его по-христиански или оставить... Этот вопрос нельзя решать кулуарно. Надо продумать целую программу, чтобы постепенно, цивилизованно, культурно и очень аккуратно освободить Красную площадь от кладбища» — с таким заявлением Борис Ельцин выступил 6 июня в Санкт-Петербурге.

Оставшиеся в Москве авторы документа схватились за голову.

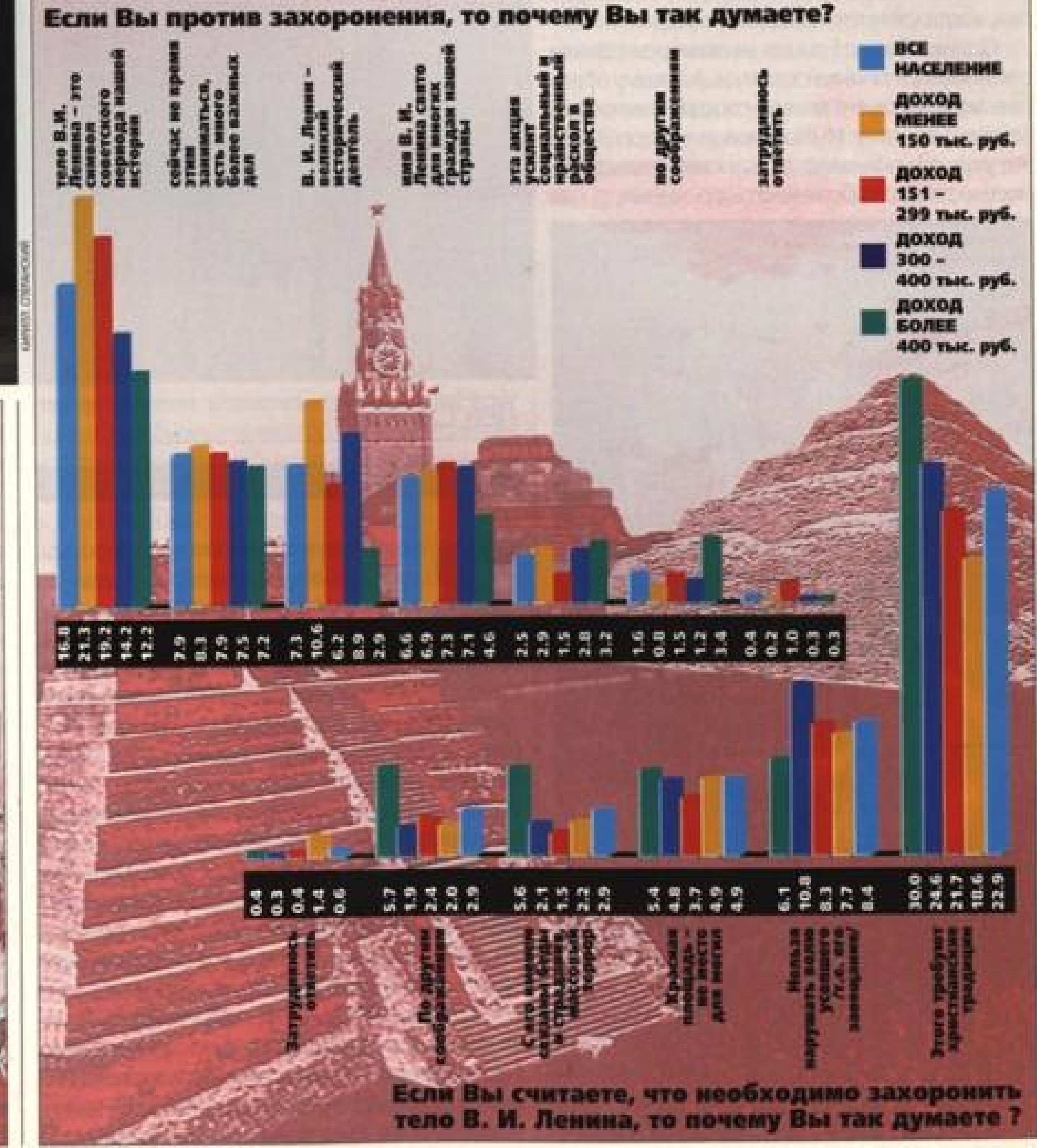
Что делать теперь?

По данным июльского общероссийского опроса (1500 респондентов), проведенного фондом «Общественное мнение», число противников и сторонников захоронения тела Ленина примерно одинаково, с небольшим, в рамках статистической погрешности, преимуществом противников: на 2,4%. Аргументация сторон позволяет предположить, что разработанный в Кремле план имел шансы на успех, поскольку большинство противников нельзя отнести к числу ортодоксальных коммунистов-ленинцев. А смещение акцентов в сторону эти-

В настоящее время в обществе обсуждается вопрос о захоронении тела В. И. Ленина. А Вы лично – за захоронение или против?

За захоронение	41.5	36.1	36.8	43.6	52.2
Против захоронения	43.9	51.3	45.0	43.6	33.8
Затрудняюсь ответить	14.5	12.7	17.8	13.0	14.0

Источник: фонд «Общественное мнение»

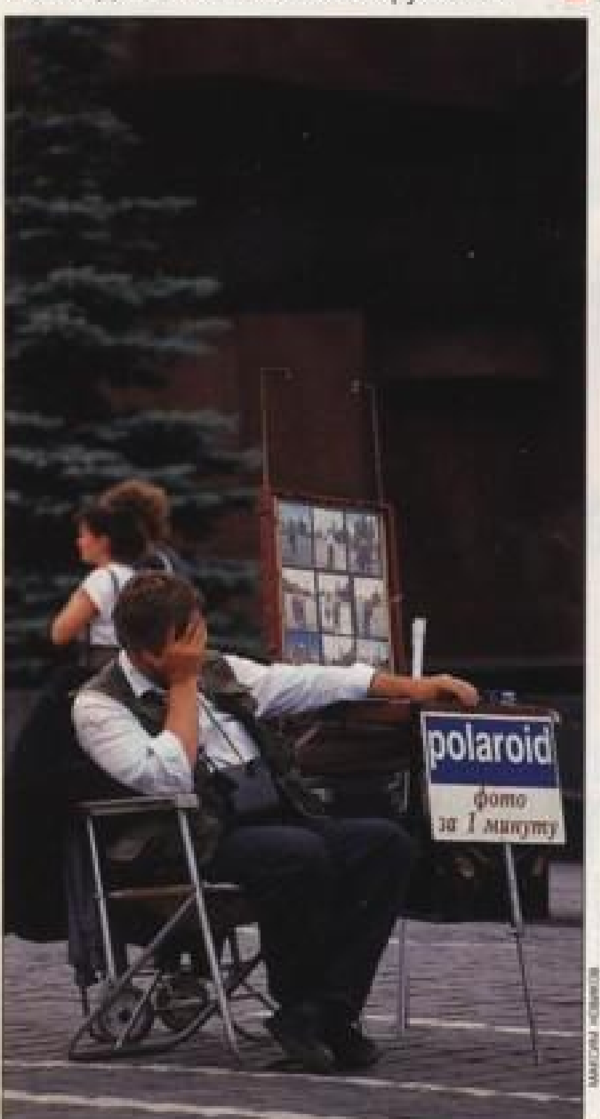

ческих соображений могло значительно усилить позиции Кремля. Но все это было возможно до выступления президента, до его слов о возможном референдуме в сентябре.

Выступление Ельцина в Санкт-Петербурге моментально придало всей затее чисто политическую окраску. Судьба Мавзолея стала предметом политического торга. Стараниями левой оппозиции вынос тела Ленина чуть ли не сравнялся в цене с роспуском Государственной думы, секвестром бюджета, утверждением Налогового кодекса и пакета социальных законов. Стало совершенно очевидно, что в таких условиях никакое всенародное голосование невозможно. «Референдум по Мавзолею моментально превратился бы в референдум о доверии-недоверии нынешней власти. Причем в такой референдум, который нам ни за что не выиграть», — считают в Кремле.

Потому-то вопрос о голосовании, как и его содержание, президентским аппаратом был стремительно спущен на тормозах. Незаметно всенародное голосование превратилось во всероссийский опрос и обсуждение. Потом забыли и о них. «Теперь говорить о скорой реализации плана не приходится, — сокрушался высокопоставленный сотрудник администрации президента. — Новое обсуждение этой темы возможно не раньше, чем через год, когда улягутся нынешние страсти».

Однако Борис Ельцин не намерен совсем отказываться от своей задумки. А потому от него в любой момент можно ожидать импровизации на эту тему. Импровизации, которая, как это уже не раз бывало, может стать неожиданностью для его собственного окружения. ■

МАКСИМ НОВИКОВ

О будущем советской старины

ИГОРЬ ГАВРИЛОВ

Лев Смирнов

АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ

В советское время на Красную площадь ритуально правильно было идти через весь Александровский сад в составе длинной очереди в Мавзолей. Теперь очереди нет, доступ в Мавзолей ограничен, но увидеть вождя можно прямо здесь — он частенько мелькает среди гуляющих. Порывистый, с красной гвоздикой в петлице, везде успевающий, вечно живой. Это означает, что вопрос о нахождении его тела в Мавзолее перестал быть только политическим.

Короткая фраза президента, произнесенная на июльской встрече с деятелями науки и культуры с ударением на каждом слове, — воспроизвожу по памяти: «Пора решить вопрос с Мавзолеем» — на первый взгляд кажется загадочной и невнятной. Почему, собственно, именно теперь «пора» и почему «с Мавзолеем» нужно решить вопрос? Но она становится сразу ясной, если расценивать ее не как политический вызов коммунистам, а как один из самых значительных московских проектов. Вполне отдаю себе отчет в том, что в Кремле вряд ли согласятся с подобной интерпретацией слов президента. Тем не менее попытаюсь ее обосновать.

Слово «пора», по-видимому, означает, что проект может быть осуществлен в ближайшие месяцы. Предстоящая политическая осень пройдет на фоне яркого парада памятных дат, который может оказаться судьбоносным для пространства Красной площади. Календарный гороскоп проекта, судя по всему, следующий: необычайно сильное, но быстротечное влияние кометы «850» должно быть использовано как удачный повод погасить остаточное воздействие ушедшей эры, которая этой осенью все же соберет всю свою энергию в календарную акцию «80», — ради полного подчинения площади грядущему светопреставлению «2000». Конечная цель проекта — подготовить богоспасаемую столицу к юбилею христианской эры.

Как пройти на Красную площадь?

Слово «пора» имеет как указанное выше временное, так и пространственное значение. Последнее подразумевает, что в качестве контекста

Предстоящая политическая осень пройдет на фоне яркого парада памятных дат, который может оказаться судьбоносным для пространства Красной площади

проект использует фактор «новой Москвы». Пройти на Красную площадь теперь можно, только преодолев ошеломляющий строительный перформанс на Манежной площади. Особенность новой архитектуры, прежде всего в центре, — в качественной новизне того, чем прежде всего воздействует на человека пространство города: тротуары, витрины, входы и цокольные этажи зданий, рекламные тумбы, фонарные столбы и киоски полностью изменили свои поверхности, свою фактуру и формы, свое отношение к человеку. По точному расчету проекта, новый «еврокомфорт» пространства по дороге на площадь полностью освобождает нас от комплекса привычных ассоциаций, зрительных предвзятостей и рефлексов восприятия прежней Красной площади, образ которой был закреплен в нас с детства и начинал работать еще на подходах к ней. «Новая Москва» блокирует старые ассоциации. Перейдя уже не «асфальтовое море» прежней Манежной площади, а мраморный Содом ее нового торгового центра (вот к чему такое изобилие на первый взгляд совершенно ненужных мраморных балясин), вы выходите к ней раззомбированным и потому видите ее заново. И чем меньше на ней фактических перемен, тем новей она покажется: восприятие не будет отвлекаться на мелочную реконструкцию. Проект предусматривает, что входящий на Красную площадь увидит ее как «новое небо и новую землю».

Слово «Мавзолей» во фразе президента — отнюдь не эвфемизм имени вождя, оно означает именно Мавзолей и не что иное. Президент недвусмысленно дал понять, о чем он всерьёз заботится — «о будущем советской старины» на Красной площади.

Все проектные посягательства на Красную площадь, а их за последние годы было достаточно, прямо или косвенно были направлены на Мавзолей. Чего только с ним ни пытались сделать! Стыдливо исключали из пространства площади — в «концертном» и «цирковом» проектах (что нелепо — ведь это как-никак центральная трибуна). Пытались лишить роли главного культового и идеологического акцента, предлагая более радикальный национально-патриотический символ (аллегорию генералиссимуса — клыковский проект с конной статуей маршала-освободителя, позже оказавшейся перед Историческим музеем). Существовал проект с установкой у Кремлевской стены на месте елей ряда равномасштабных Мавзолею часовен в память жертв опричнины. Известна и попытка непосредственно деформировать его внешний вид при помощи манипулирования с логотипом (проект родоначальников соцарта Комара и Меламида с «бегущей строкой» по фасаду Мавзолея). И хотя при этом декларировалось стремление сохранить монумент в неприкосновенности, только президентский проект является подлинно минималистским: акция освобождения недр Мавзолея радикальнее всех прочих предлагавшихся проектов изменит смысл этого сооружения, внешне вообще ничего в нем не меняя!

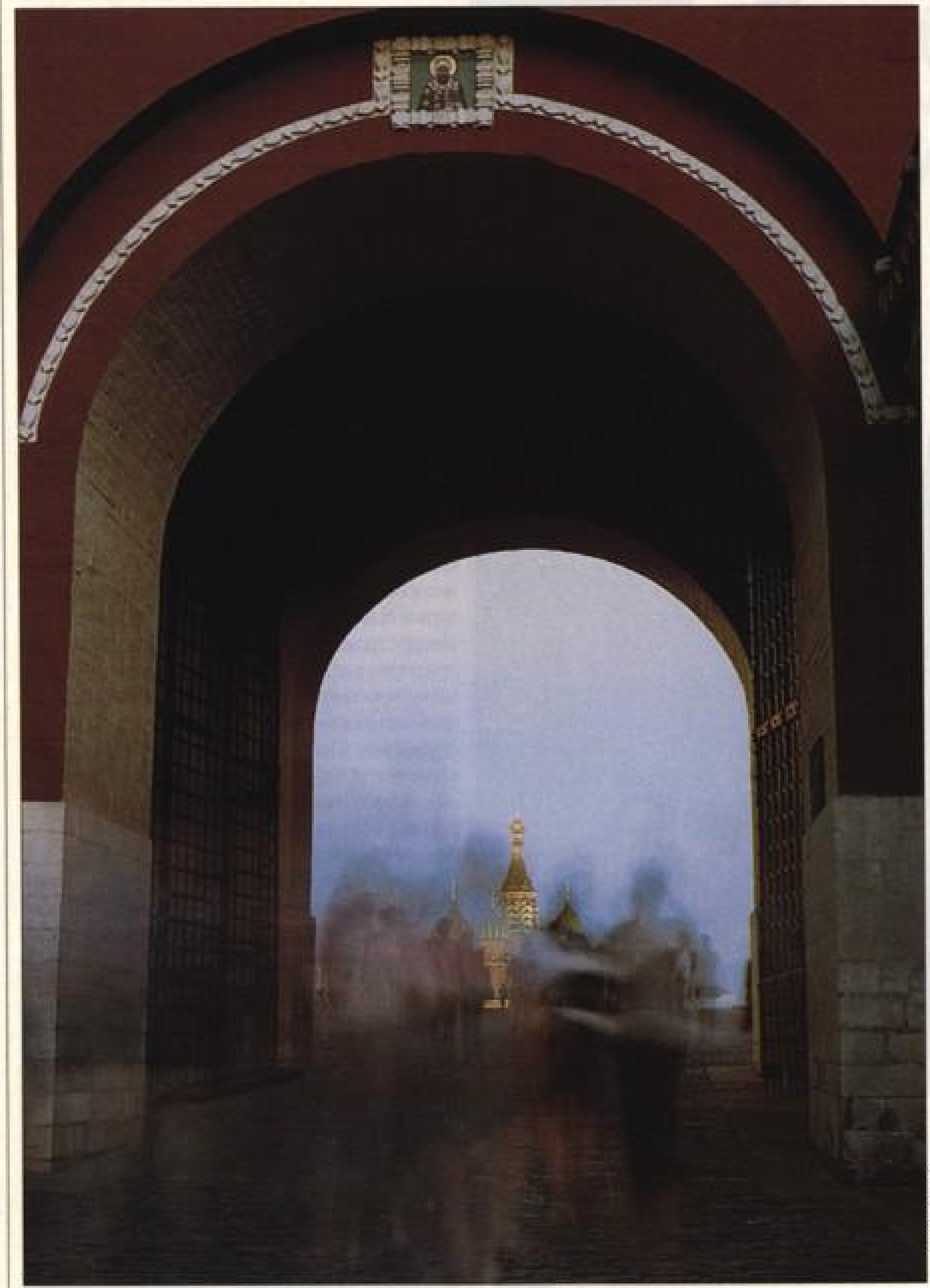
Камень на камень, кирпич на кирпич

Напомним: Мавзолей возводился в период господства в советской архитектуре идеологии конструктивизма, принципиально отрицавшей какой-либо символизм и нерациональность. В одном объеме предельно лаконично соединены прощальный зал и праздничная трибуна, которые пространственно упорядочивали постоянную траурную очередь и периодические праздничные демонстрации трудящихся — всенародную мистерию торжества неумирающих идей ленинизма. Как подлинно культовое сооружение, Мавзолей не воспринимался как «архитектура» в историко-стилевом понимании. В постсоветское время здание сначала перестало быть правительственной трибуной, а с ограничением доступа в него — и траурным залом. В последнее время он является чем-то вроде просто «мавзолея», сооружением без культовой функции. Удаление из него тела окончательно сделает его «архитектурой» — в этом и состоит суть проекта. Содержанием его как сооружения станет сама его форма. Это хорошо известный из истории мировой архитектуры месопотамский зиккурат. Что же означает зиккурат в центре Красной площади, самом насыщенном символическими смыслами месте столицы?

Что мы знаем о зиккурате

Библейская притча о башне, которую строило племя Хамово, чтобы достичь неба (Быт., 11), объясняет происхождение и смысл этой реликтовой архитектурной формы. Вавилонский проект, как известно, закончился социальной катастрофой, но он дал и непреходящий творческий результат. Вавилоняне не достигли цели, но сумели архитектурно выразить свое намерение: они сооружали лестницу в небо, а открыли зиккурат. Ступенчатая пирамида с немногими плоскими, резко уменьшающимися с высотой плитами как бы изображает в сильном перспективном сокращении эту беспредельную дорогу ввысь. Зиккурат — это архитектурная модель уходящей в небо конечной бесконечности — вот почему его вид вызывает безотчетную тревогу. В зодчестве он стал архетипом вертикальной перспективы и одним из самых эффективных способов привнести в сооружение идею надчеловеческого величия, безграничной власти, пугающей и подавляющей.

Именно поэтому зиккурат на Красной пло-

щади — это код к пониманию целой архитектурной эпохи, которая началась реализацией Генерального плана реконструкции Москвы и получила название «сталинской». Нижняя платформа зиккурата, самая широкая и мощная, в системе его смысловых значений несет идею отгороженности, выключенности из окружающего пространства и одновременно идею силового господства над ним (не случайно именно цокольную часть зиккурата сделала своей трибуной самая жестокая власть нашего столетия). Именно этот мотив положен в основу громадных зданий наркоматов, которые стали доминировать в пространстве города с 30-х годов. Акцентированный мотив их очертаний — массивный цоколь-стилобат, создающий зону отчуждения у приземной части здания, — как раз той, которая должна быть адаптирована к человеческой мере, соразмерна человеку.

На Красной площади всего круглей земля

В иудео-христианской традиции Вавилонская башня, как известно, стала образом богопротивного стремления посягнуть на Царство Божие. Она стала синонимом «Вавилона великого, матери ... мерзостям земным» (Откр.,17,5), царства Антихриста. И в этом, символическом, плане присутствие на Красной площади зиккурата не случайно и вовсе не исчерпывается сразу напрашивающейся ассоциацией с прямым назначением этого сооружения в течение семидесяти лет.

В контексте христианской традиции зиккурат-Вавилон на Красной площади позволяет возродиться его смысловому антиподу, находящемуся на другом краю площади, и заново увидеть сооружение, известное как храм Василия Блаженного.

В советское время его роль в системе Красной площади была сведена к иллюстрации культурной предыстории уже наступившей эры светлого будущего, культовое содержание по возможности затушевывалось, и он входил в государственную геральдику площади как «образец древнерусского зодчества», всегда умевшего выразить здоровое жизнеутверждающее начало даже в реакционных церковных формах.

Однако осмысление Красной площади как геральдического пространства столицы, которое стало складываться с получением Москвой византийских регалий теократического центра православного мира, как раз и началось с возведения в середине XVI века этого храма, гигантского по тем временам архитектурного комплекса из 9 церквей в память покорения Иоанном IV Казанского царства.

Одно из названий этого сооружения, ныне совершенно забытое, более всего отвечало его некогда необычайно важной геральдической функции. Иностранцы, побывавшие в XVI—XVII столетиях в Москве, — дипломаты, купцы, военные, священники — в своих отчетах и записках о пребывании в экзотическом городе упоминают храм как одну из главных достопримечательностей и называют его Небесным Иерусалимом. Одни из них объясняли название удивительным внешним видом храма, напоминавшим «небесный град», каким его изображали на иконостасах, другие связывали его с ежегодным крестным ходом от главных ворот Кремля к храму в Вербное воскресенье, воспроизводившим евангельский эпизод въезда Иисуса в Иерусалим и торжественную встречу его накануне Пасхи. При этом Иисуса на осляти олицетворял патриарх, восседавший на коне, загримированном под осла, которого вел под уздцы царь, а храм, службой в котором завершалось шествие, обозначал Иерусалим.

Действо это было одной из наглядных и акцентированных форм церковно-государственной догматики. «Москва — третий Рим», «небесный град», «святой Иерусалим» — распространенные в теократическом богословии того времени определения Москвы как центра мировой святости. Храм был эмблемой Москвы — архитектурным миражом шатров и маковок он воспроизводил Небесный Иерусалим, который привиделся святому Иоанну в Апокалипсисе (Откр., 21,2).

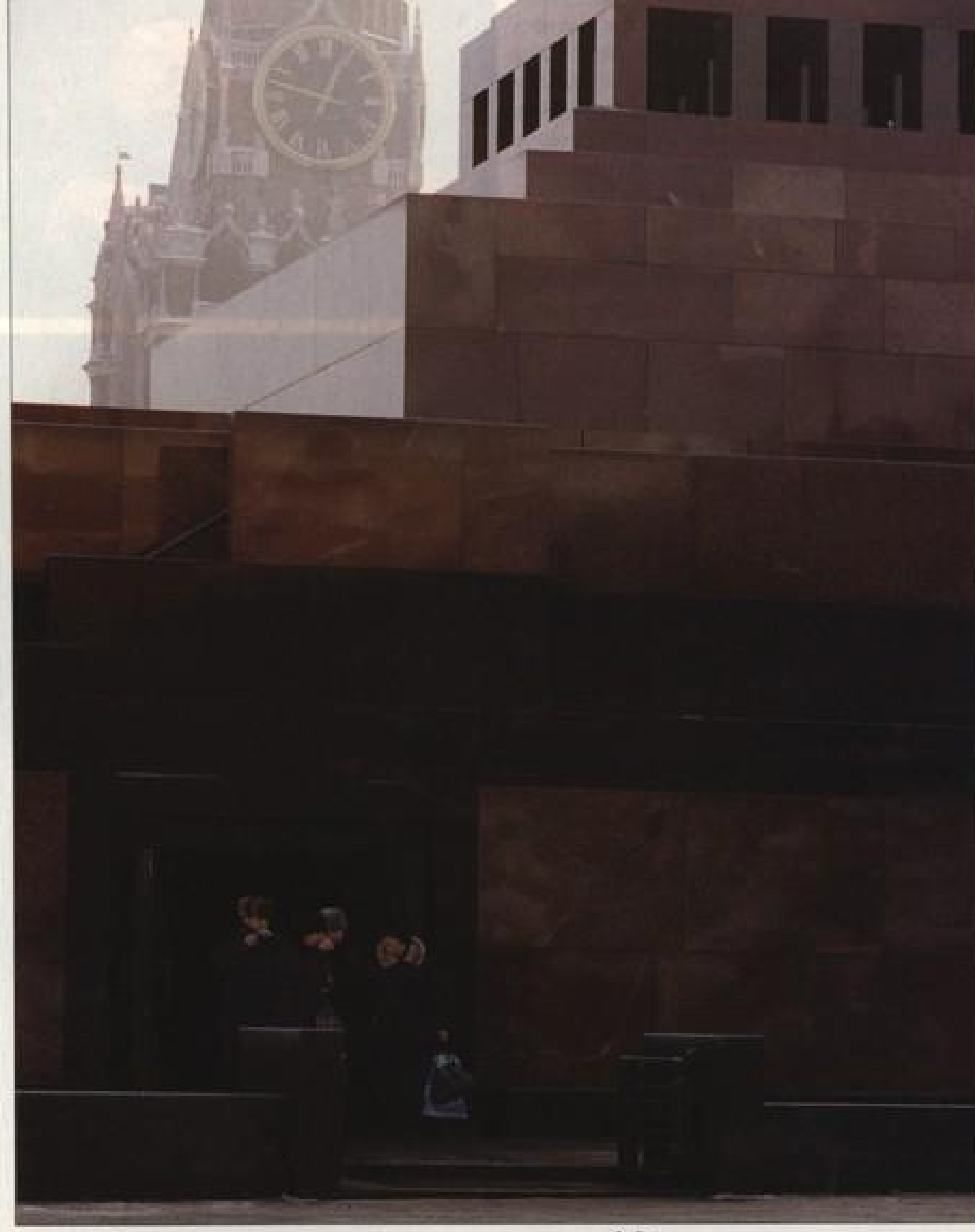
Храм воплотил первую, «теократическую», утопию московской архитектуры. Мотив архитектурного миража очень быстро распространился на сооружения всей Москвы. Так получили свои шатровые завершения башни Кремля, были архитектурно оформлены как «небесные грады» старинные московские монастыри. При этом культовое и мирское получало единый «теократический» облик: церкви выглядели как многоэтажные терема, а дома — как «святые палаты». К концу XVII столетия этот тотальный стиль, названный в искусствоведении «московским барокко», выполнил свою роль: в восприятии всех подъезжавших к Москве город уподоблялся Божьему Граду.

С основанием Санкт-Петербурга, когда теократический атрибут «третьего Рима» был присвоен новой столице (город Святого Петра), в Москве строжайшим запрещением каменного строительства было пресечено дальнейшее архитектурное воплощение концепции «небесного града».

Вскоре и название храма, определившего облик столицы Московского царства, было забыто. Небесный Иерусалим стал храмом Василия Блаженного. Но его архитектурный мираж продолжал влиять на архитектуру Москвы. Самую масштабную и неожиданную интерпретацию он получил уже в нашем столетии. Мотив Небесного Иерусалима отчетливо прослеживается в силуэтах высотных домов — последнего этапа «сталинского зодчества». Принято считать, что своими очертаниями они вторят силуэтам кремлевских башен, однако «на самом деле» их многобашенные очертания воспроизводят архитектурный прием «куста», лежащий в основе Небесного Иерусалима.

Так в поднебесном пространстве Москвы теократическая архитектурная утопия передала эстафету утопии социалистической. Почти полстолетия назад эта архитектура завладела силуэтом Москвы. И до сих пор остается ее архитектурным небом. Эпоха социализма ушла, а «горизонты социализма» остались. В небе города эти силуэты никогда не представляли настоящее, они всегда обозначали или будущее, или прошлое. Вот почему эти здания кажутся то ли недостроенными, то ли полуразрушенными. Полвека назад эти силуэты заставляли грезить о светлом будущем. Теперь они перекодировали свой первоначальный образ и уже обманывают галлюцинацией несуществовавшего прошлого. Словно социализм когда-то, в доисторические времена, уже был построен, и эти руины — все, что дошло до нас от той геологически далекой эры. Их причудливые основы рождают фантастическое видение: будто не сорок, а сорок тысяч лет прошло с тех пор, как цвела на этом месте чудовищная цивилизация, останки которой позволяют лишь угадывать грандиозность ее первоначального вида. Они возвышаются намывами и натеками какого-то неведомого реликтового зодчества, из нечленораздельного языка которого вычленились тысячелетия спустя диалекты египетской, греческой, римской, готической архитектуры.

Подведем итог. С реализацией президентского проекта к концу второго тысячелетия в полном соответствии с современным культурным настроением «конца времен и истории» Москва получит замечательный подарок — самый большой в мире волшебный фонарь Апокалипсиса на своей главной площади. Это не только увеличит приток туристов в Москву, но и придаст новый смысл ее старому теократическому атрибуту: присутствие в геральдическом пространстве Красной площади символа Вавилона вместе с Небесным Иерусалимом будет свидетельствовать, что формула «третий» и последний «Рим» означает, что Москва прошла весь цикл вселенского опыта «мирового града» — от богоспасаемого до богопротивного. А четвертому не бывать. ■

«В Мавзолей твою»

Вошла в новую и скорее всего окончательную фазу дискуссия о Мавзолее и дальнейшей судьбе его злополучного обитателя

Лев Рубинштейн

КАРНАВАЛ

Дискуссия эта, родившись вместе с самим Мавзолеем, не прерывалась никогда, даже в те времена, когда один лишь намек на ее существование грозил известно чем.

Отношение к хозяину Мавзолея в течение жизни постепенно дрейфовало от пионерски-почтительного в 50-е годы к остро-аллергическому к началу 70-х. Но стихийное бессознательное иконоборчество проявлялось всегда и подчас в неожиданных и причудливых формах. Я помню, как мой старший брат, закончивший школу аж в 1955 году, не получил золотой медали лишь потому, что в своем выпускном сочинении в слове «Ильичом» (я так и запомнил — в творительном падеже) пропустил мягкий знак, в результате чего получилось «Иличом». Дома он, чуть не плача, кричал: «Из-за какого-то сраного Ильича!» Но тут же, страшно испугавшись, торопливо добавил: «Никому только не говори. Это я пошутил». Это мне — семилетнему — было уже понятно, и я, конечно же, никому не говорил. Но «шутку» запомнил.

Остоюбилейнело

Как были в нашей стране две культуры — официальная и другая, так соответственно были и

две Ленинианы. Были Кржижановский, Бонч-Бруевич и Зоя Воскресенская, но была и частушка: «Сидит Ленин на заборе, держит серп и молоток, а пред ним стоит рабочий без рубахи и порток». Частушки, анекдоты, невероятные домыслы и легенды разных времен (и народов, кстати) совокупно составляют необозримое поле для фольклорных изысканий.

Кульминацией народной Ленинианы стал 1970 год, год столетия Ильича. Напор агитпроповской юбилейной риторики достиг тогда такой сокрушительной мощи, что до полусмерти

интоксицированное население стало извергаться безудержными потоками анекдотов.

Именно в тот год возникли в общественном сознании трехспальная кровать «Ленин с нами», туалетное мыло «По ленинским местам», бормотуха «Ленин в Разливе», презерватив «Наденька» (ударение на втором слоге) и великое слово «ОСТОЮБИЛЕЙНЕЛО».

Именно в тот год, как кажется, икона дала заметную трещину по всей своей поверхности.

И именно в тот год знакомая учительница начальных классов рассказывала мне, как она, показав детям какой-то учебный фильм про, допустим, растительный мир Подмосковья, спросила: «О чем этот фильм, ребята?» Долгое, напряженное молчание. «Ну, ребята! Про что мы с вами сейчас посмотрели кино? Ну? Сережа!» Встал растерянный Сережа и полувопросительно, как бы удивляясь самому себе, неуверенно произнес: «Про Ленина...» Не думаю, чтобы этого не могло быть. Могло, конечно. Достали детишек.

«Ильич и дети»

«Ленин и дети» — особый раздел фольклорной Ленинианы.

Легенда свидетельствует о том, что воспитанников дошкольных учреждений перестали водить в гости к «дедушке» после того, как в одном из них дети были застуканы за тихой, но опасной игрой: один мальчик неподвижно лежал на двух стульях, двое по бокам стояли с игрушечными ружьями, а остальные с постными лицами и в торжественном молчании вереницей проходили мимо. Дети играли в Мавзолей.

Один маленький мальчик из интеллигентной еврейской семьи в своей неостановимой болтовне, которую взрослые из чувства самосохранения привыкли пропускать мимо ушей, с какого-то момента стал постоянно и настойчиво упоминать какого-то Лернера. «Какой еще Лернер?» — не выдержал отец. — У нас нет таких знакомых. Лернер какой-то!» — «Да ты чего, — изумился мальчик, — не знаешь, что ли? Лернер, ну? Ну который около Кремля в песочнице лежит». Лернер, песочница... Совсем неплохо.

Другой мальчик, поменьше, пришел из детского сада заплаканный. «В чем дело? — домогалась мать. — Кто-нибудь тебя обидел? Или что?» — «Я боюсь Ленина», — дрожащим шепотом сказал мальчик. «То есть?» — не меньше его испугалась мамаша. «Галина Николаевна сказала, что Ленин умер, но что он живой и очень любит детей». Третий мальчик и вовсе иррационализировал свои взаимоотношения с

данным предметом. Однажды, напялив на себя черную африканскую маску, он вполз на четвереньках в комнату, где сидела и выпивала куча гостей, и страшным загробным голосом завопил: «Я — В.И. Ленин!» Именно так: «Вэ И».

Очередь номер один

Итак, дискуссия на тему «куда девать»...

Опыт выселения, как известно, уже имеется. В дни XXII съезда, ставшего апогеем хрущевской десталинизации, под покровом ночи из Мавзолея вытащили «подселенца» и закопали поблизости. По школярской торопливости и опасливой таинственности происходившего это напоминало популярный лубочный сюжет «Как мыши кота хоронили».

Теперь время другое, и дело запахло всенародным референдумом. Диапазон мнений на этот счет поистине огромен, распространяясь от бескомпромиссной концепции «осинового кола» до — через «центристскую» идею захоронения на Волковом кладбище — восстановления во всем своем былом великолепии Поста номер один и ритуальной Очереди.

Связанные с этой очередью культовые ассоциации настолько прозрачны, что странно их даже и обозначать. Но это было не просто «поклонение мощам». Это был еще и специфически советский ритуал. Это была Очередь. Самая главная из всех советских очередей, очередь номер один.

Советский человек, осознававший себя таковым, чувствовал себя просто обязанным постоять хоть разок в этой очереди, стать ее частью, «причаститься».

Некоторым, особенно приезжим, особенно детям, когда они попадали в Москву, Ленин мерещился повсюду. Один мой знакомый сидел как-то летним днем на скамеечке в Александровском саду. Сидел-сидел да и задремал. Разбудил его истошно-восторженный детский вопль: «Мама! Смотри! Ленин!» «Это не Ленин. Это просто дядя», — несколько смущенно сказала мама. Какое-то время этот «просто дядя» все собирался написать рассказ «Про то, как меня за Ленина приняли», да так и не собрался.

С наступлением Перестройки Очередь стала терять монолитность, редеть и осыпаться. Замаячили новые ориентиры. В воздухе ощутимо запахло Западом, и Очередь, рассыпавшись около Мавзолея, материализовалась на некоторое время у сияющих неземным светом стен новооткрытого «Макдональдса». Это была та же самая Очередь, но выстроившаяся уже не в драпированный кумачом погреб, а в сверкающую, как елка, «небесную» Америку. Потом как-то незаметно рассосалась и она, а обильно растиражированные «Макдональдсы» перестали быть Америкой и стали обычной Москвой. Потом поисчезали и «рядовые» очереди, и началась совсем другая история.

Долгие проводы

Мавзолей, как известно, был задуман как временное пристанище «вечно живого». Страна, мол, у нас большая, и надо, чтобы с любимым вождем успели проститься все. Страна же оказалась не просто большой, а большой настолько, что прощание затянулось на 70 с лишним лет. А первоначально деревянный склеп окаменел, как в сказке, и, как кажется, продолжал каменеть все дальше и дальше.

И уж если население нашей Родины до сих пор все никак не распрощается с бывшим дорогим покойничком, то что тогда говорить об обездоленных народах мира?

Идея прощальной гастроли, амбициозного мирового турне давно носится в воздухе, приходя на ум то одному, то другому.

Не провезти ли, и правда, нашего «Лернера» по музеям мира? Наподобие Тутанхамона? Или золота Шлимана? Или «Джоконды»? Или Кобзона в конце концов? В успехе этого суперпроекта, в том числе и коммерческом, сомневаться не приходится. Можно — словами Гоголя — смело предположить, что «сия негоция не повредит дальнейшим видам России». Пусть напоследок прокатится по белу свету как человек. А потом уж можно и зарыть. Или, может, попытать удачи на «Сотби»? Нет, это уже, пожалуй, перебор. Зарыть.

Колыбельная

В середине 70-х годов один мой приятель-филолог, занимаясь в архивах, обнаружил целый ворох народного творчества, присланного в свое время в редакцию журнала «Литературная учеба» то ли к первой, то ли ко второй годовщине смерти Ильича. Поживиться там, как легко догадаться, было чем. Мне запал в душу один маленький шедевр. В пришпиленном к нему редакционном отзыве было сказано что-то вроде того, что «Уважаемый тов. такой-то. Ваше стихотворение безусловно искреннее и проникнуто тем-сем. Вместе с тем литературный уровень его, к сожалению, невысок. Заметна *некоторая* (курсив мой. — **Л. Р.**) несамостоятельность и слабоватое владение поэтической формой... Пишите... Старайтесь... Читайте классиков... Избегайте подражаний ... Ищите свой голос...» Ну и так далее — все, что полагается. И — «с приветом, литсотрудник Панюшкин». А стихотворение было вот какое:

Спи, мой Ленин, спи, прекрасный.
Баюшки-баю.
Тихо светит месяц ясный
В Мавзолей твою.

Этот «чистый, как детство», родной всем нам мотив, это сказочное превращение дедушки в дитя, а гроба — посредством волюнтаристской смены мужского рода слова «Мавзолей» на женский — в колыбель ненасильственным, но радикальным образом переводят тональность всей темы из агрессивно-героической в интимно-домашнюю.

Пусть же эта трогательная колыбельная не только проиллюстрирует нам со всей очевидной наглядностью постмодернистский принцип интертекстуальности, но и послужит если не «делу национального примирения», то хотя бы «сглаживанию острых углов» и «смягчению нравов».

Будем, как сказано, как дети. И пусть себе мертвые хоронят своих мертвецов.

Последний аргумент заключенного

На арест съемочной группы ОРТ в Белоруссии первыми прореагировали телезрители — заборы Минска и Гродно украсили надписи «Свободу Шеремету!». Теперь, когда директор минского бюро ОРТ Павел Шеремет объявил голодовку, надписей должно стать еще больше. Формальная причина голодовки — отклонение судом ходатайства его адвоката Гарри Погоняйло об изменении меры пресечения. Причина реальная — несогласие с противозаконными действиями властей. А голодовка — единственное средство протеста в тюрьме.

Павел Шеремет и оператор Дмитрий Завадский обвиняются в незаконном пересечении государственной границы Белоруссии по предварительному сговору (статья 80, часть 2 УК). Максимальное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом, — 5 лет лишения свободы. Впрочем, доказать вину Шеремета и Завадского практически невозможно. Свидетелей перехода границы нет (если не считать свидетелями всех зрителей ОРТ, увидевших репортаж Шеремета). Но смонтированный сюжет доказательством служить не может, разве что косвенным. Единственное прямое доказательство — пленка с исходными материалами, но сотрудники КГБ Белоруссии так и не смогли ее найти во время обысков в корпункте, квартирах сотрудников и машине ОРТ. Скорее всего, ее уже не существует в природе.

Шеремет заявил о намерении объявить голодовку после того, как Гарри Погоняйло обратился в Ленинский районный суд города Гродно с ходатайством об изменении меры пресечения. 12 августа суд отклонил ходатайство. 13 августа бессрочная голодовка началась. А поскольку следствие может идти долго (голодовка соответственно тоже), то теперь остается надеяться лишь на поддержку и сочувствие сокамерников. Тем более что, по утверждению водителя минского бюро ОРТ Ярослава Овчинникова, освобожденного из-под стражи под подписку о невыезде (ему предъявлено обвинение в пособничестве), в гродненском СИЗО «хороший коллектив», преимущественно из людей с высшим образованием. Настоящих уголовников в белорусских тюрьмах сейчас мало, больше «хозяйственных» преступников. Кстати, первый белорусский заключенный, переживший голодовку, — один из лидеров Белорусского народного фронта Юрий Ходыко, после выхода из тюрьмы тоже вспоминал сокамерников с благодарностью.

Ирина Халип

Герасим — от рассвета до заката

В школьные годы чудесные была очень популярна хохма, что Муму не утонула, иначе кто бы рассказал Тургеневу трогательную историю ее дружбы с Герасимом: последний-то был нем.

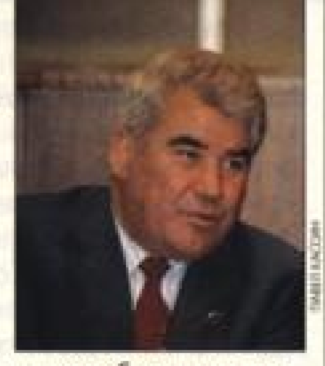
Когда Александр Васильевич Коржаков оказался «за бортом», многие полагали, что от него и пузырей на поверхности не останется. Однако бывший главный телохранитель выплыл (правда, не без помощи Александра Лебедя), отдышался и решил, что, пока спасательный круг депутатской неприкосновенности поддерживает его на плаву,— самое время открыть глаза широкой общественности на злых барынь, подговоривших бессловесного Герасима утопить верного сторожего пса.

Накануне выхода в издательстве «Interbook» книги своих воспоминаний — «Борис Ельцин — от рассвета до заката» — Александр Васильевич созвал пресс-конференцию, дабы «развеять множество слухов», предшествовавших этой публикации. Однако большинство слухов были Коржаковым как раз подтверждены, а не опровергнуты. В частности, бывший охранник засвидетельствовал, что на потенциальных издателей мемуаров оказывалось серьезное давление (например, Можайский полиграфический комбинат именно поэтому отказался от столь выгодного контракта), а ему самому как автору предлагали 5 миллионов долларов «отступного» при условии, что воспоминания никогда не будут опубликованы. Предложение это, по мнению Коржакова, исходило от «куратора президентской семьи Бориса Абрамовича Березовского, который хорошо нажился на выборах». (Вообще имя заместителя секретаря Совета безопасности упоминалось на пресс-конференции чуть ли не чаще имен наиболее «любимых» персонажей телохранителя — самого Бориса Ельцина и его дочери, Татьяны Дьяченко.)

Обида на президента, которая, судя по всему, и явилась основной движущей силой при написании мемуаров, еще отнюдь не притупилась. Судебных исков Коржаков не боится и открыто говорит, что в книгу попало далеко не все: кое-что припасено на черный день. Может быть, именно поэтому, если судить по уже опубликованным отрывкам творения, книга получилась довольно вялой, если не считать некоторых деталей чисто физиологического характера. О достоверности же сего произведения можно будет судить лишь по одному признаку: заговорит «Герасим» или так и останется нем.

Дмитрий Хитаров

Боливар не вывезет двоих

Президент Туркменистана Сапармурат Ниязов освоил новый для себя вид дипломатии — безлошадный. До сих пор успеха в своих важнейших внешнеполитических начинаниях он искал, одаривая партнеров по переговорам замечательными жеребцами из республиканских конюшен. Но поскольку у Бориса Ельцина уже был один такой рысак, в нынешнем августе Туркменбаши пришлось войти в Кремль пешком. Несмотря на это Ниязов добился в Москве успеха: Ельцин признал ошибочным договор о совместной разработке нефтяного месторождения «Кяпаз» на каспийском шельфе, подписанный в июле российскими компаниями «Лукойл» и «Роснефть» с Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР).

Ашхабад всегда настаивал на том, что «Кяпаз» находится в его секторе Каспийского моря. А Баку считало месторождение своим по праву первооткрывателя. Москва же до сих пор относилась к Каспию как к озеру, в котором каждая прибрежная страна может черпать нефть где угодно. Позиция России была понятна: если спорный водоем признать морем и разделить на сектора, то ей достанется далеко не лучший кусок.

Теперь российским компаниям придется, вероятно, отказаться от участия в разработке «Кяпаза». Азербайджанские же их коллеги, думается, внакладе не останутся. Пока Туркменбаши брал Кремль, Гейдар Алиев слетал в США. За океаном было подписано три контракта между ГНКАР и американскими компаниями на разработку других каспийских месторождений.

Возникает вопрос: зачем Россия принесла в жертву Ниязову перспективный договор с Азербайджаном, если он даже жеребца не привез? Вероятно, и здесь будет уместно воспользоваться почти универсальным для разгадки российских внутри- и внешнеполитических ребусов ключевым словом «газ». Газпрому интересно поучаствовать в проекте экспорта туркменского газа в Иран и Пакистан.

Главная возникающая при этом проблема — отношения с Баку. А ведь с Азербайджаном у России также связаны очень большие интересы. И в первую очередь — проект транспортировки азербайджанской нефти через Чечню в Новороссийск. Этому маршруту есть альтернативы: через Грузию или Турцию. У Гейдара Алиева есть из чего выбирать. А Борис Ельцин на данном этапе отдал предпочтение Сапармурату Ниязову.

А. С.

Никита Сергеевич Штольц

Никита Михалков получил в 90-е почти все главные кинонаграды Запада. Считается там русским кинорежиссером № 1. Среднестатистический зарубежный профессор никого другого из наших режиссеров и не знает. Тем не менее многие отечественные интеллектуалы-гуманитарии (не говоря уж про представителей киноэлиты) относятся к нему резко отрицательно

Юрий Гладильщиков

Вместо эпиграфов. «Тебя не пытаются понять, а пытаются найти в тебе подтверждение своей мысли о том, что ты — говно. Что ты делаешь фильмы на продажу, что в тебе говорит снобизм или высокомерие, что ты кому-то заплатил, чтобы получить премию». *(Никита Михалков о том, как его оценивают. Запись Виктора Матизена. Сборник «Никита», издательский дом «Сегодня» & студия «ТРИТЭ», 1995 год, стр. 34.)*

Барин

Никиту Михалкова у нас скорее не любят. То есть, конечно, наоборот: его обожают. Для широких масс «представителей советской интеллигенции» он всегда оставался суперзвездой (в голливудском смысле этого слова) и почти что духовным лидером (в классическом русском интеллигентско-атеистическом понимании). К началу 80-х, после «Механического пианино» и «Обломова», его, 35-летнего, поставили вровень с автором «Зеркала» и «Сталкера». «У нас сейчас очень хорошее кино. У нас есть два гениальных режиссера: Михалков и Тарковский», — светло улыбаясь, говорили очкастые кандидатки физико-биологических наук, прочитавшие все — из доступных в условиях книжного дефицита — выпуски «Роман-газеты» и тома ЖЗЛ.

Да и сейчас для широких образованных слоев он такой же российский режиссер № 1, как и для Запада.

Но его не любят те, кто считает себя новой гуманитарной элитой (они-то как раз и формируют общественное мнение в Москве и Питере). Еще его не любят в кинокругах. До начала все тех же 80-х любили, считали левым и надеждой и даже прощали ему его папу. Потом любить перестали. Поворот наметился после «Утомленных солнцем». Широкие массы интеллигенции, разочарованные фактическим исчезновением Михалкова из киножизни (и «Ургу», и «Очи черные» мало кто видел), смогли убедиться, что Никита, конечно, это класс! Что таких, как он, у нас больше нет. Примерно в то же время журнал «Искусство кино» опубликовал результаты опроса кинематографистов, имевшего целью выяснить, кого из коллег они уважают сильнее всего. Первое место занял Михалков.

Результат удивил. Возможно, к тому времени — к середине 90-х — наше кинособщество окончательно озверело от безделья и ощущения своей ненужности, все невзлюбили всех, особенно невзлюбили лидеров киноперестройки, а Михалков вот уже лет десять жил своей далекой жизнью, словно бы он не наш, а некий общеевропейский режиссер. Его определили в «авторитеты», поскольку такой выбор был наименее болезнен для самолюбия опрашиваемых. Но на самом-то деле отношение к нему почти не изменилось. Каждый второй режиссер при имени Михалкова морщит нос. Никита — он барин. Никита — он циник. Никита окончательно уверился в мысли, что он гений всех времен и народов. Умеет использовать положение и знакомства на триста двадцать процентов.

Собственно говоря, если не любить Михалкова, то в том, что он делает или утверждает, и даже в самих по себе модуляциях его голоса легко найти массу поводов для того, чтобы не полюбить его еще сильнее. Отношение к Михалкову заведомо предвзятое. Во-первых, как ни крути, а все-таки раздражает папа. А кроме папы есть еще и старший брат. «Три Михалковых по тебе ползут». Совсем иные возможности для старта и разгона. Больший доступ к книгам и кино (даже запретным). Ни хрена себе, уже в 1974-м он начнет «Своего среди чужих» осознанной цитатой из фильма «Буч Кессиди и Санденс Кид»! Критик Юрий Ханютин написал тогда, что Михалков вошел в режиссуру как светский щеголь на вернисаж.

Во-вторых, большего эгоиста не найти. Всегда сам по себе. Ему словно бы наплевать на корпоративные интересы, Союз кинематографистов, рецензентов, недоброжелателей etc. Стоит заметить, что, как ни суди-ряди Михалкова (а мы в своих заметках стремимся соблюсти нейтралитет), он и впрямь не раз вел себя как человек индивидуальный. На прямой вопрос в телеинтервью сказать, что Руцкой — друг, когда Руцкой сидит в тюрьме, со времени боев у Белого дома прошел месяц и непонятно, что чем обернется, — это поступок. Нелюбовь к Михалкову, вдруг возникшая в кинокругах весной 1986-го, тоже была спровоцирована им самим — выступлением на знаменитом перестроечном съезде Союза кинематографистов, когда Михалков защитил Бондарчука. По чьему-то (ставшему популярным) определению, Михалков взошел на трибуну лидером и потенциальным вождем киноперестройки, а сошел — добровольным аутсайдером. Его сразу записали в бывшие, в ненавистную номенклатуру. При голосовании в новое правление Союза зарубили всех киногенералов (Ростоцкого, Наумова, Юренева и др.), а вместе с ними и «вчерашнего левого» Никиту. Годом позже в Канне михалковским «Очам черным» пророчили победу, но помешали тогдашний глава жюри Ив Монтан, заинтересованный в первенстве французов, и другой член жюри... лидер нашего революционного кинособза, который не мог потерпеть, чтобы фильму Михалкова проиграло «Покаяние».

В-третьих, наглая успешность Михалкова. Успешность раздражает всегда, но тут надо добавить, что, по российским меркам, всякая успешная карьера в искусстве неприлична. Если человек искусства сделал карьеру, значит, это не искусство, а профанация. Художник должен жить в нищете и умереть от душевных страданий. Этот стереотип сохраняется даже сейчас, когда всякий типичный российский кинорежиссер, которому посчастливилось урвать у государства сумму на съемки, начинает работу над фильмом с евроремонта собственной квартиры и постройки дачи.

В-четвертых, расчетливость Михалкова. Левый-левый, а между тем ни один из его фильмов не порезан и на полке не лежал (проблемы возникли лишь с «Родней»). Сейчас он вроде бы в оппозиции, постоянно объясняет, что России нельзя прививать западные стандарты, но в то же время обитает где-то рядом с верхами. То он с Руцким, то уже с «Нашим домом — Газпромом». Ходят легенды о суммах, которые российский телеканал (после пакта Михалков — Черномырдин) получил от правительства для покупки прав на показ «Утомленных солнцем»: за голливудские боевики РТР платило куда меньше.

А как ловко он прочувствовал изменившуюся финансовую ситуацию середины 80-х! Простаки, делавшие киноперестройку, искренне полагали, что надо до основания разрушить старую систему, скинуть киногенералов и чиновников, и с неба посыплется золото. Ничего подобного! Умные европейские режиссеры давно знали, что добывание денег на фильм — не меньшее искусство, чем сам процесс съемок и монтажа. Сценарии надо писать с таким расчетом, чтобы кинофонды сразу нескольких евростран осознали необходимость вложить в проект свои деньги. Первыми, кого охмурил Михалков, стали итальянцы: события «Очей черных» (воспринятых у нас как клюква и конъюнктура) разворачивались то в Италии, то в России, соответственно итальянцы уклониться не могли. «Сибирский цирюльник», в котором действуют американцы, а на главную женскую роль изначально планировалась голливудская звезда, явно целил в американские банки и кинотеатры. Итог: штатовских денег в проекте, кажется, нет, зато есть французские, итальянские и чешские.

Пока другие занимались революционными кинобитвами и (в том числе) сражались с Михалковым, он учился работать в новых финансово-политических условиях. В итоге все революционеры куда-то канули, а он один снимает и даже демонстрирует способность к саморазвитию (возможно, «Утомленные солнцем» — его наиболее качественный фильм).

Наконец, еще одним раздражающим фактором стало то, что Михалков — умелый, голливудского класса, профи. В XIX веке все деятели русской культуры были хорошими профессионалами, крепкими ремесленниками, писатели (нынешние классики) печатали заметки в газетах, но нынешнее русское артсознание профессионализма не прощает.

Тут мы выходим на самую любопытную «тему Михалкова», которая позволяет кое-что понять в российской культурной ситуации. Время постепенно перейти к тем, кто *любит* Михалкова. К вопросу, почему именно они его любят.

Режиссер

Пересматривая — сегодня другими глазами — давние фильмы Михалкова, с некоторым изумлением обнаруживаешь, что они нисколечко не стыдные. И «Свой среди чужих», и «Раба любви» — отнюдь не про то, что белые были плохими, а красные хорошими. Это вольные жанровые игры в вымышленном времени и пространстве с минимумом идеологических уступок паршивому режиму, дабы он обманулся, заткнулся и не мешал делать то, что хочется. «Свой» — фильм о дружбе, свободе принятия самостоятельных мужских решений (вероятно, в 70-е годы особенно желанной), наконец, о евразийской степи (которая впоследствии будет концептуально переходить у Михалкова из картины в картину). Про «Рабу любви» любой сознательный киночиновник 70-х должен был бы с ходу сказать, что «это не наше кино», потому что над всеми классовыми чувствами там возвышаются представления о совести, добре, чести, подлости, предательстве, трусости. Белые, небелые, рабочие — это так, сбоку.

Михалков и позднее почти не снимал «про современность», предпочитая прятаться в старых временах, поскольку там удобнее и вольнее. Взаимодействовал с литературными и кинокультурными традициями. Кстати, как ни странно, именно Михалков (в массовом восприятии «традиционалист») — первый отечественный режиссер, чьи устремления определили термином «постмодернизм». Еще большая теперешняя неожиданность — нормальность «Очей черных». Смешное, детально проработанное и совсем не «экспортное» кино, а что много салтыков-щедринщины, так на то воля автора. Гораздо более продажным оказался «Автостоп». Михалков снимал его «на обочине» рекламного заказа — одновременно с рекламным фильмом про то, какая хорошая машина «Фиат». Ну вот не Михалкову с его евразийством было делать кино о цивилизованном европейце, который прибыл в страну папуасов (Россию) и постепенно открывает, что в дикости и простоте аборигенов таятся чувства добрые и душа святая.

Разговоры о стыдности-нестыдности пошли и после «Утомленных солнцем». Михалкова обзывали «талантливым негодяем» — талантливым, поскольку здорово снято, а негодяем, поскольку красные и белые у него одним миром мазаны, а красные даже *лучше* (михалковский комдив Котов показан человеком заблуждающимся, да искренним). Некоторые даже считали, что «Утомленные» (на уровне идеологии) — это «оправдание папы». Но ввязываться в споры об «Утомленных» — дело гиблое. На самом деле у Михалкова, судя и по «Утомленным», и по его интервью, гораздо более сложная концепция русской истории, да и вообще: если коротко определять суть Михалкова — он слишком разный. В его фильмах, поступках и фразах найдешь подтверждение всему, чему захочешь. Захочешь (еще раз повторим) убедиться в том, что он... (см. эпиграф) — убедишься. Захочешь поверить в обратное — поверишь.

Главное, к чему мы сейчас ведем, — его фильмы столь же разны и неопределимы двумя-тремя словами, как и он сам. Строго говоря, у Михалкова нет ни одного безусловно выдающегося фильма. Четыре из них — сильнее прочих: «Механическое пианино», «Пять вечеров», «Обломов» и «Утомленные солнцем». Во всех других случаются вкусовые, смысловые, ритмические провалы.

Еще более точное представление о Михалкове дают его дневники и записные книжки, опубликованные в упомянутом сборнике «Никита». Редкое соединение перлов — и банальностей, талантливого — и ординарного, искреннего — и показушного. Лучше всего — зарисовки для будущих картин. «Едет машина. Из окошка высовывается вальяжная рука. Камера долго следует за ней. Машину нагоняет мотоциклист с шашкой на боку. Медленно вытягивает шашку, привстает над седлом. Водитель медленно убирает руку, прикуривает...» Или: «Убийство в бане. Человек с намыленной головой и зажмуренными глазами. Появляются люди в пальто. Шум душа». Рядом с этим — масса позерского, рассчитанного на то, что дневник будут читать, а то и плоского: «Мы говорим «Раньше всё было по-другому» потому, что раньше другими были мы...» (!) «Усталость и томительное желание чего-то давно и безвозвратно исчезнувшего — детства, простоты, нищеты...» (!!) «Режиму (это начало 80-х. — **«Итоги»**) не нужны Обломовы, ему нужны Павлики Морозовы и Павки Корчагины». (!!!)

Штольц

Пересмотрев сейчас его фильмы и перечитав его записи, почти каждый поймет, что гениальность Михалкова — миф. Да, он, безусловно, одаренный, масштабный и разносторонний, но не самый талантливый человек. Почему тогда этот миф столь сильно укоренен? Если учесть, что литература стала играть сейчас обочинную роль и даже Солженицын ушел в подполье, то Михалков — в глазах образованных масс — оказывается сегодня лидером национальной художественной и интеллектуальной элиты. Чем он взял публику, вопреки неприязни кинобратвы

РОДИЛСЯ 21 ОКТЯБРЯ 1945 ГОДА.
ПОТОМСТВЕННЫЙ ДВОРЯНИН.
МАТЬ — НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА КОНЧАЛОВСКАЯ, ОТЕЦ — СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ,
БРАТ — КИНОРЕЖИССЕР АНДРОН КОНЧАЛОВСКИЙ.
В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ДРЕВЕ ЗНАЧАТСЯ ЖИВОПИСЦЫ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ И ПЕТР ПЕТРОВИЧ КОНЧАЛОВСКИЙ.
РАНО ПРОСЛАВИЛСЯ КАК АКТЕР — «Я ШАГАЮ ПО МОСКВЕ» **(1963 ГОД). В 1963—1966-М** УЧИЛСЯ АКТЕРСТВУ В ЩУКИНСКОМ, В **1971-М** ОКОНЧИЛ ВГИК (МАСТЕРСКУЮ М. И. РОММА), ПОСЛЕ ЧЕГО (ПО СОБСТВЕННЫМ РАССКАЗАМ, ИЗ-ЗА ДОПУЩЕННЫХ В ЧАСТНОМ ПИСЬМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОСТОРОЖНОСТЕЙ)
БЫЛ ФАКТИЧЕСКИ ВЫСЛАН ИЗ МОСКВЫ, А НА ДЕЛЕ — ПРИЗВАН В АРМИЮ. ПЕРВЫЙ ПОЛНОМЕТРАЖНЫЙ ФИЛЬМ — «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ» (ВЫШЕЛ В **1974 ГОДУ**).
ДРУГИЕ РЕЖИССЕРСКИЕ РАБОТЫ: **1976** — «РАБА ЛЮБВИ», **1977** — «НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА ДЛЯ МЕХАНИЧЕСКОГО ПИАНИНО», **1979** — «ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ», **1980** — «НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ И. И. ОБЛОМОВА», **1982** — «РОДНЯ» (ФИЛЬМ ДВА ГОДА ЛЕЖАЛ НА ПОЛКЕ),
1983 — «БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ», **1987** — «ОЧИ ЧЕРНЫЕ», **1990** — «АВТОСТОП», **1991** — «УРГА», **1994** — «АННА С 6 ДО 18» И «УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ».
СЕЙЧАС СНИМАЕТ «СИБИРСКОГО ЦИРЮЛЬНИКА» — ВТОРОЙ (ПО ДОРОГОВИЗНЕ) ФИЛЬМ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО КИНО (БЮДЖЕТ — БОЛЕЕ 30 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ).
В 90-Е СТАЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ТИТУЛОВАННЫХ РЕЖИССЕРОВ МИРА И НАИБОЛЕЕ ТИТУЛОВАННЫМ КИНОРЕЖИССЕРОМ ИЗ ЧИСЛА КОГДА-ЛИБО ТВОРИВШИХ В СССР И СНГ.
СРЕДИ ПРОЧЕГО В ЕГО АКТИВЕ «ЗОЛОТОЙ ЛЕВ» ФЕСТИВАЛЯ В ВЕНЕЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ «ОСКАР» («ФЕЛИКС»), ПОЛУЧЕННЫЕ ЗА «УРГУ»,
А ТАКЖЕ ГРАН-ПРИ (ВТОРОЙ ПО ЗНАЧИМОСТИ ПРИЗ) КАННА И НАСТОЯЩИЙ (ТО ЕСТЬ ГОЛЛИВУДСКИЙ) «ОСКАР», ПРИСУЖДЕННЫЕ ЗА «УТОМЛЕННЫХ СОЛНЦЕМ». ОДНОВРЕМЕННО МИХАЛКОВ НАЧАЛ ДИСТАНЦИРОВАТЬСЯ ОТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КИНОНАГРАД, СНЯВ «УТОМЛЕННЫХ» С СОРЕВНОВАНИЯ ЗА «НИКУ». РАБОТАЛ В ТЕАТРЕ.
В ЧАСТНОСТИ, **1987**-М ПОСТАВИЛ В ИТАЛИИ «МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО» С МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯННИ В РОЛИ ПЛАТОНОВА (СПЕКТАКЛЬ ПОКАЗЫВАЛИ В РИМЕ, МИЛАНЕ, ТУРИНЕ И Т. Д.).

и огрехам, заметным в его фильмах знатокам?

Мыслями о России? У Михалкова через все фильмы, начиная с «Механического пианино», проходит мысль о России, ее истории, необщих аршинах, дураках и дорогах, о том, что русский человек никогда не будет жить и работать, как француз, уже потому, что у него есть потребность посидеть и потрендеть etc. – да только кто у нас когда, даже среди интеллигентов, смотря фильм, продумывал режиссерскую концепцию, тем более пытался охватить мыслью творчество какого-нибудь режиссера (или писателя) в целом? Михалкову к тому же всегда хватало ума и такта, чтобы не лезть своим художественным кино в прямую публицистику, – все мысли о России всегда идут по касательной.

Фокус проще: смотря фильмы Михалкова, наша образованная публика зажигалась уверенностью, что вот именно сейчас смотрит подлинное кино. Внимает истинному киноискусству. Публика полюбила фильмы Михалкова за просчитанность, сделанность, за профессионализм. Смешно, что Михалков, обидевшись на Канн (главный приз, напомним, отдали не ему, а Квентину Тарантино), пытался доказать, что в Канне отвергли европейское киноискусство и предпочли ему презренный Голливуд. Между тем все наоборот: «Утомленные солнцем» можно назвать фильмом полноценно голливудским, а фильм Тарантино – революционным и европейским. В «Утомленных солнцем» все запутанное распутано, затуманенное – прояснено, дабы понял и дурак. Тарантино, напротив, ориентировался на публику подготовленную, на своих, на синефилов, хорошо знающих тенденции, штампы, примочки мирового кино.

Михалков оказался первым (и единственным) отечественным режиссером последних десятилетий, который, обладая талантом, концепциями и стремясь творить киноискусство, в то же время постоянно держал в голове закон больших чисел. Когда в упомянутой книге «Никита» собеседник упрекает Михалкова в небрежностях и натяжках, которые легко обнаружить в его картинах, Михалков спокойно отвечает, что «столь критическое вглядывание характерно для малой части зрителей». На эту малую часть вглядчивых зрителей ему наплевать, потому что при помощи небрежностей и натяжек он достигает эффектов, которые воздействуют на менее подготовленную – основную – часть аудитории.

Ну вот, казалось бы, русский человек: и на бесшабашные поступки способен, и выпить (по рассказам) не дурак, и Обломова любит, и Штольца (как неустанно повторяет) считает чуждым родной стране, но его кинематограф – кино не от Обломова, а от Штольца. Обломов бы, впрочем, кина и не снял. Штольцевско-голливудские дотошность и гигантизм Михалкова прямо-таки поразительны. Например, прежде чем снимать «Цирюльника», он отправил группу молодых актеров в специальное военное училище в Костроме, дабы они прошли курс обучения по программе юнкерского училища 1885 года и потом, оказавшись в кадре, не придуривались, а имели выправку и знали, как вальс танцевать.

Наша образованная публика жила в отрыве от западной (да и запретной родной) философии и культуры, от всевозможных «измов» – ей и требовался качественный Голливуд, которого она, кстати, была лишена тоже. Михалков сумел приспособить Голливуд к российской почве – результат оказался настолько впечатляющим, что даже иностранцы приняли его за высокое искусство. В конечном счете это анекдотично. Оказывается, что нашему так называемому серьезному киноискусству до такой степени не хватает элементарного профессионализма, что достаточно быть классным, умеющим вкалывать, безусловно (но не беспредельно) талантливым профи, который ставит перед собой не частные и тем более не маргинальные, а глобальные задачи, чтобы в стране талантливых неудачников мессий претендовать на роль национального гения и властителя дум № 1.

Формула новой культурной ситуации: профессионализм сам по себе – уже и есть культура и духовность (в традиционном интеллигентском атеистическом понимании).

Наряду с Ельциным, водкой, Солженицыным, икрой, Ростроповичем, морозами, большой-пребольшой Сибирью, диким народом, медведями и мафией в России есть еще и Михалков. И это очень хорошо, потому что в противном случае список заканчивался бы на мафии.

Двух «Ди» застукали

В НАЧАЛЕ АВГУСТА ПРИНЦЕССА УЭЛЬСКАЯ ДИАНА ПОКОрила Боснию, которую посетила в рамках кампании за запрещение противопехотных мин. Она излучала радость, причины которой выяснились на следующий день, когда все таблоиды мира вышли с одним и тем же заголовком «Принцесса влюбилась!». Итальянскому репортеру Марио Бренна удалось-таки сделать серию фотографий, за которыми нынешним летом охотились все папарацци Средиземноморья. Документально подтвердив «романтические отношения» Дианы с египтянином Доди Мухаммедом аль-Файедом, голливудским продюсером, Бренна за единственную кассету о средиземноморском круизе «сладкой парочки» на яхте «Коломбо» получил три миллиона «зеленых». Доди известен и как плейбой международного класса. Он встречался с актрисами Брук Шилдс и Уайноной Райдер, принцессой Монакской Стефанией. И хотя сегодня говорят о предстоящей свадьбе двух «Ди» как о деле решенном, американская пресса не склонна рассматривать Доди как «идеальный материал для супружества». С тех пор как его первый брак с американской манекенщицей распался в середине 80-х, Доди Мухаммед любит повторять одну и ту же фразу: «Моя единственная женитьба навечно отвратила меня от института брака». ■

Карающий палец Починка

Про удачливых бизнесменов принято говорить, что они способны делать деньги из всего, даже из воздуха. Глава же российской налоговой службы Александр Починок, похоже, нашел для этого еще один, ранее не известный вид сырья. Источник пополнения государственной казны был обнаружен Александром Петровичем на ростовском предприятии «Красный Аксай», где собирают южнокорейские автомобили Daewoo. Покопавшись в новеньком движке, г-н Починок перемазался нагаром. По его мнению, это свидетельствует о том, что машины попадают в Россию уже собранными, после испытаний. А значит, сборка в Ростове – фикция, позволяющая избежать выплаты импортных пошлин, акцизов и НДС. Таким образом главный сборщик налогов еще раз продемонстрировал, что все попытки обвести его вокруг пальца (в нагаре) обречены на провал – Починок замараться не боится.

Генсек НАТО до Астрахани не доехал

ЕЩЕ В НАЧАЛЕ ИЮНЯ НЫНЕШНЕГО года Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, принимая группу российских журналистов, внезапно прервал ход вполне протокольной беседы, чтобы мечтательно возвести глаза к потолку и сообщить: «Я тут, знаете ли, думаю в отпуск поехать к вам покататься. Прилечу с семьей в «Шереметьево», возьму на прокат «караван» – ну, такую «дачу на колесах» – и поеду себе куда-нибудь в сторону Астрахани. Говорят, у вас там рыбная ловля, икра, и вообще – красиво...». Ошеломленные журналисты, среди которых оказался и корреспондент «Итогов», дипломатично закивали головами, единодушно признав идею руководителя североатлантического альянса блестящей. С оригинальностью, и правда, тут все в порядке, особенно если вообразить себе диалог между демократичным испанцем за рулем его «кемпингового» автоприцепа и каким-нибудь гаишником, тормознувшим невиданное транспортное средство где-нибудь на пыльном проселке во глубине Самарской области: «Че-е-го? Генеральный секретарь, говоришь? Ну, а я тогда – Индира Ганди...». Реальность, впрочем, оказалась куда менее живописной и экзотичной. Хавьер Солана действительно в назначенный срок прибыл с семьей в Россию. Однако благоразумно ограничился традиционной программой: посещением Санкт-Петербурга и городов Золотого кольца. Довольствоваться унылым интуристовским маршрутом высокому гостю, очевидно, настоятельно рекомендовал МИД РФ – «принимающая сторона», организовавшая этот частный визит. А может быть, советники главы НАТО сами смогли убедить шефа в том, что нынешняя Россия – не вполне та страна, где следует демонстрировать безграничную демократичность и непритязательность. И вообще – нечего выпендриваться. Сидел бы лучше, как приличные люди, в Коста-Браве, в пятизвездочном отеле... ■

Одна Галкина на всю Россию

БЛИЖЕ К ФИНАЛУ ЧЕМПИОНАТА мира по легкой атлетике в Афинах у телевизоров остались лишь самые рьяные российские болельщики. Неинтересно наблюдать этакое подобие тройственного матча «США – Кения – Германия» даже из «любви к искусству», без азарта, без нашенских «Ну же!!!» и «Давай-давай!». Болеть было не за кого. Разве что за «бывших» – шведскую бегунью Людмилу Энквист (Нарожиленко) да за живущего в Монако украинского шестовика Сергея Бубку (оба стали чемпионами мира). Поэтому о единственном «золоте» сборной России, добытом в предпоследний день состязаний в прыжках в длину Людмилой Галкиной, большинство болельщиков узнало из информационных сообщений. Сама спортсменка утверждает, что ей «помог Бог», ниспослав перед стартом вещий сон с победным сюжетом («серебро» накануне приснилось и бегунье Елене Афанасьевой, завоевавшей в Афинах второе место в беге на 800 метров).

Похоже, реноме российской легкой атлетики может спасти лишь тренер-безумец, который навеет сон золотой всем нашим спортсменам. Хорошо бы – перед очередной Олимпиадой. ■

По информации «Итогов», REUTER, Newsweek, ИТАР-ТАСС, AFP
Фото REUTER, AP, AFP, В. Иванова, Ю. Феклистова

ВЛАДИМИР ЛУПОВСКОЙ

Авиньонское пленение

На пятидесятом году жизни крупнейший театральный фестиваль устроил Большой Русский Сезон

Дина Годер

ФИЕСТА

У ТОГО, КОГО В ДЕТСТВЕ УЧИЛИ ФРАНЦУЗСКОму, слово «Авиньон» вызовет в памяти песенку об «Авиньонском мосте», а у того, кто не чужд историческим наукам, — «Авиньонское пленение пап» (сода под давлением короля Франции Филиппа IV была перенесена папская резиденция). И эти ассоциации для города важны: Почетный двор огромного мрачного Папского дворца — самая престижная площадка фестиваля, а полуразрушенный Авиньонский мост через Рону указывает на древний монастырь Шартрез, где находится Центр современной драматургии Франции.

Центр Авиньона — маленький город, который можно пройти из конца в конец за полчаса, окруженный крепостной стеной с семью воротами, — выстроен в XIV—XVI веках. Так что помещения и дворы, где играют фестивальные спектакли — церкви, монастыри, лицеи, сады и просто муниципальные залы, так же как и узкие извилистые улицы, по которым движутся, грохоча и лупя в барабаны, ряженые процессии off-программы, — своей невыдуманной древностью придают совершенно особую значительность всему происходящему.

Фестиваль всегда проходит в одно и то же время. А в июле на юге Франции 40 градусов в тени — дело вполне обычное. Авиньонские камни продолжают отдавать жар до глубокого вечера. Так что, как сразу объясняют новичкам, фестиваль живет по закону: днем — сиеста, ночью — фиеста. (Хотя спектакли во всех восьми десятках залов off-программы начинаются с 10 утра, в садах — утром дискуссии и встречи с актерами, режиссерами, критиками, а в Доме Вилара можно посмотреть на видео практически любой спектакль, имевший отношение к Авиньону.)

ИСТОРИЯ

Авиньонский фестиваль

Наряду с Эдинбургским (Великобритания) — крупнейший в мире ежегодный международный театральный фестиваль

Организован актером и режиссером Жаном Виларом в 1947 году

Состоит из двух автономных частей:

in (до 50 спектаклей) — официальная, специально отобранная, получает финансирование преимущественно из французского госбюджета. В последние годы кроме основной программы представляет большие сезоны (как правило, музыкально-танцевальные) отдельных стран — Японии, Индии, Латинской Америки

off, или «фриндж» (до 500 спектаклей), — представления театров, приехавших по собственному желанию и на собственные средства

Конкурса нет

1997 год

программа in: 30 спектаклей (22 — драматические постановки, 8 — хореографических) из 8 стран, Русский сезон — 5 театров, 9 спектаклей

программа off: более 444 спектаклей из 17 стран, более 386 трупп (драма, уличный театр, детский, куклы, танец, пение, цирк, пантомима, кафе-театр, поэзия, театр миниатюр)

С половины восьмого вечера центр перекрыт для машин, рестораны выносят столики прямо на проезжую часть, площадки между ними занимают уличные артисты. Последние вечерние спектакли по всему городу начинаются в полночь, а то и в час ночи, и когда в два или три часа утра выходишь со спектакля, на улицах по-прежнему полно народу, работают открытые кафе, на мостовой вокруг жонглеров и музыкантов сидят люди, и только что погасла карусель, катавшая детей на центральной площади Часов.

Две программы

Программы in и off существуют в Авиньоне параллельно — не враждуя, но и не сливаясь. У них разные дирекции, разная символика, разные афиши, буклеты, сувениры, разные принципы организации и участия и, в конце концов, почти не совпадающая публика.

Программе in исполнилось 50 лет. Самые модные премьеры французских спектаклей проходят именно здесь — парижане увидят их только осенью. Отбор зарубежных спектаклей директор фестиваля проводит почти за год. Самые знаменитые в мире режиссеры и труппы строят свои спектакли в расчете на необычные авиньонские площадки. Сюда привозили спектакли Ариана Мнушкина и Тадеуш Кантор, Патрис Шеро и Боб Уилсон, Пина Бауш и Морис Бежар. Здесь в заброшенном каменном карьере за городом играла «Махабхарату» труппа Питера Брука. Первой актрисой виларовской труппы была легендарная Мария Казарес, первым актером — Жерар Филип.

СИНИЕ ЛЮДИ (ОДИН ИЗ НИХ ЖИВОЙ) В ВИТРИНЕ МАГАЗИНА — ЧАСТЬ OFF-ПРОГРАММЫ

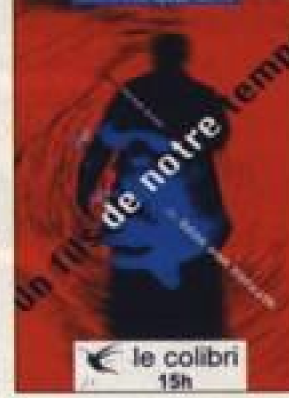
ВЛАДИМИР ЛУПОВСКОЙ

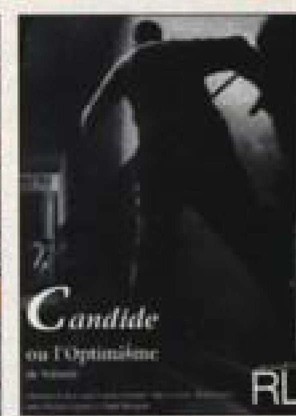

АРХИВ

Наши в Авиньоне

1979 — **«История лошади»**, режиссер Георгий Товстоногов, БДТ, Ленинград

1981 — **«Ричард III»**, **«Кавказский меловой круг»**, режиссер Роберт Стуруа, Театр имени Руставели, Тбилиси

1988 — **«Шесть персонажей в поисках автора»**, режиссер Анатолий Васильев, Школа драматического искусства, Москва

«Полоумный Журден», режиссер Олег Табаков, театр-студия п/у Табакова, Москва

1997 — **Большой русский сезон**

«К.И. из «Преступления», режиссер Кама Гинкас, ТЮЗ, Москва

«Нумер в гостинице города NN», режиссер Валерий Фокин, Центр имени Мейерхольда, Москва

«Плач Иеремии», **«Амфитрион»**, режиссер Анатолий Васильев, Школа драматического искусства, Москва,

«Волки и овцы», режиссер Петр Фоменко, **«Месяц в деревне»**, режиссер Сергей Женовач, **«Приключение»**, режиссер Иван Поповски, **«Двенадцатая ночь»**, режиссер Евгений Каменькович, Мастерская Петра Фоменко, Москва

«Песня о Волге», режиссер Резо Габриадзе, Театр сатиры на Васильевском острове, Санкт-Петербург

На модные спектакли программы in прибывает богемная и интеллектуальная публика со всей страны, многие на один вечер приезжают на скоростном поезде из Парижа. Во всем городе нет ни одного плаката спектаклей in, поскольку главная реклама — само включение в официальную программу. Билеты на in распродаются заранее. На русскую программу в этом году, говорят, не было мест уже за два месяца.

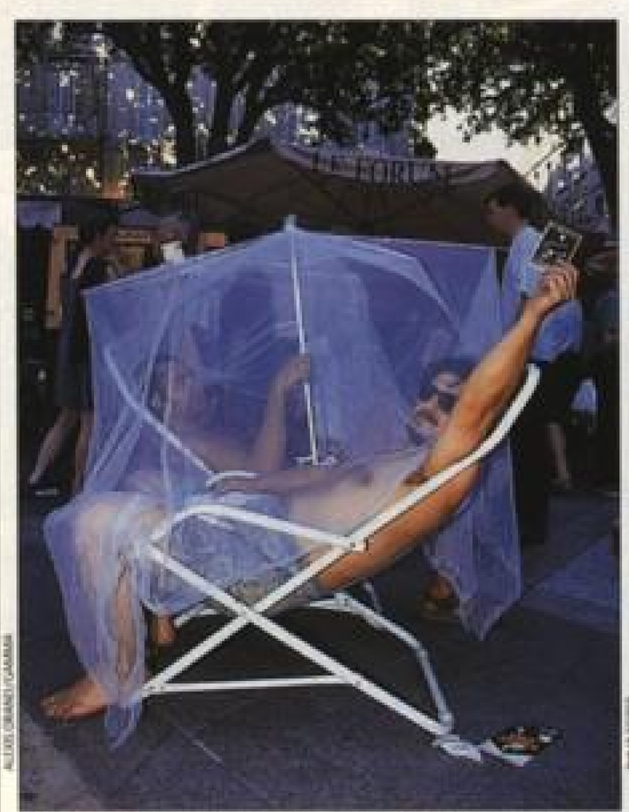
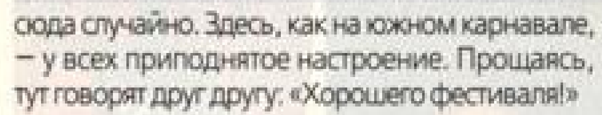
Если программа in — лицо фестиваля и его престиж, то off — его атмосфера, веселый дух и праздник. Уже за пару дней до начала спектаклей весь город сверху донизу покрыт афишами спектаклей off. Причем их не лепят на стены, а приклеивают на картон и привязывают веревками к заборам, водосточным трубам и тротуарным столбикам. Главное для каждого из пяти сотен off-спектаклей — суметь зазвать к себе зрителей. И здесь их фантазия становится куда более раскованной, чем на самих представлениях.

Во-первых, маленькие рекламки, они же программки спектаклей, которые стараются вручить каждому прохожему. Чаще всего они похожи на почтовые открытки, где с одной стороны — цветной плакат представления, а с другой — кто, когда и где играет. Есть рекламки в виде маленьких календариков и в виде закладок. Монетка в 20 сантимов с приклеенным к ней информационным хвостиком. Рекламки детских спектаклей в виде книжек-раскрасок и бумажных шапок-корабликов. Реклама спектакля «Сирано» в виде маски усача. Рекламка спектакля по Мариво в виде веера особенно ходко шла в эту жару.

Еще интереснее театрализованные уличные зазывалы: оркестры, которые маршируют через весь город, раздавая афишки направо и налево, процессии в исторических костюмах или причудливо сказочных, на ходулях, с подложными грудями, животами и задами невероятной величины. Средневековая повозка с впряженными в нее гимнастами, подгоняемая злобными надсмотрщиками с хлыстами. Вот идет огромный, совершенно реалистический носорог на четырех человеческих ногах, а вокруг него суетится мужчина в колониальном костюме, покрикивая: «Спокойно, Бебе! Не волнуйтесь, я его контролирую!» По городу гуляет большая собака в попонке с какой-то программой. Мусорный контейнер, залепленный афишами, стоит посреди главной площади, а из него, полузаваленные всяким хламом, торчат три веселые головы и зазывают.

Во второй половине дня начинаются традиционные уличные представления. Это большей частью уличные циркачи, всевозможные музыканты и танцоры. Бывает пантомима, иногда куклы, но собственно театра, драмы на улицах почти нет. Только какие-нибудь уж совсем беспомощные школьники с художественной читкой. Когда вечер набирает обороты, на площадях в толпе можно продвигаться только лавируя.

Это действительно праздник, навязчивость которого может раздражать лишь тех, кто попал

ТАК РАБОТАЮТ **ЗАЗЫВАЛЫ**
(В ЦЕНТРЕ — **АРХАНГЕЛОГОРОДЦЫ**)

сюда случайно. Здесь, как на южном карнавале, — у всех приподнятое настроение. Прощаясь, тут говорят друг другу: «Хорошего фестиваля!»

Зрители

По словам директора off-программы Алена Леонарда, его публика — образованный средний класс: учителя, институтские профессора, инженеры, врачи и, главным образом, студенты, которые приезжают целыми компаниями. Бизнесменов или адвокатов здесь практически не бывает. В городе полно гостиниц — дорогих и дешевых, вокруг масса недорогих кемпингов, постояльцев принимают студенческие общежития, коренные авиньонцы подрабатывают во время фестиваля, сдавая свои квартиры.

Небогатые театралы зимой копят деньги и приезжают в среднем дней на пять, так что авиньонская публика все время меняется. Энтузиасты за эти несколько дней успевают посмотреть больше 30 спектаклей, поэтому самое главное — добыть информацию, на что стоит идти. Уважение к печатному слову огромно — если в солидной газете появилась положительная рецензия, сегодня же зал будет переполнен. В бюро можно прочесть подборки всех публикаций о фестивале, вышедших к этому дню. Продаются выпуски «самопальных» рецензий. Местная организация «Театр страсти в интернете» дает бесплатный билет на спектакль за обещание написать свое мнение о нем. Но самое главное, конечно, слухи. Все бесконечно обмениваются впечатлениями. Здесь не надо искать поводов для знакомства, общение начинается сразу с высокой точки: «Что вы сегодня смотрели?»

Приезжая сюда, зрители становятся непосредственнее, открытее. Я никогда не видела, чтобы люди с такой легкостью шли на контакт с уличным актером, так простодушно вступали бы в его игру. Мой самый любимый актер off-программы — японский мим-импровизатор, клоун Таро Юкитаке. Он играет два спектакля на площади рядом с Папским дворцом — «Живой музей искусств» и «Историю Антонио». Таро здесь знаменит, смотреть его приходят по многу раз. Заранее рассаживаются, смотрят, как он готовится к спектаклю. Почувствовав зрительские взгляды, актер сразу начинает играть. Расставляет музейные колышки с цепочками. Кладет раму (потом она пригодится для «Джоконды»), долго нюхает бутафорскую розу и аккуратно заправляет ее под уголок рамы. За спиной прошел какой-то зазывала и привычно сунул Таро в руку свою карточку. Тот долго, с восхищением разглядывал открытку и бережно положил под розу. Припрятал. Поставил табличку «Музей закрыт». Теперь надо переодеться. Стал стягивать футболку — зрители возмущенно-весело заволили — подначивают. Попробовал снять штаны — зрители вопят еще громче. Оттянул резинку, с сомнением заглянул в штаны — вопят. Достал откуда-то халат, быстро-быстро натянул под ним белую набедренную повязку, на бритую голову уложил античный венок, вынырнул гордый. Взял малярную кисть, стал намазываться белой краской, чтобы представлять статую. Подошел к кому-то из публики, подал кисть — покрасьте спинку. Потом, в благодарность, мазнул и маляра белым. Встал на постамент, повернул табличку «Музей открыт».

Таро меняет на пюпитре названия произведений. «Давид». Принял гордую позу, постоял, потом быстро приподнял и опустил уголок набедренной повязки, а там пришит к плавкам большой фиговый лист. Все хохочут, а он, все так же стоя, слегка показывает рукой: давайте, хлопайте громче! Пластика великолепная. Темп — медленный, жест — экономный. (Про Таро пишут, что он использует модную сейчас технику японского танца Буто.) «Венера Милосская». Натянул белую футболку, один рукав оставил пустым, расправил — это обломок руки, а локоть приспособил под майкой в виде бюста.

Таро вызывает помощников из публики. Заставляет их принимать немыслимые позы. В центре, в роли распятого Христа, упитанный весельчак. Таро упорно работает над ним, заставляя втянуть живот. Только отойдет расставлять другую группу — живот опять торчит. Возвращается, устраняет непорядок. Только когда всех разложил и расставил, достает табличку с названием картины. Сначала показывает участникам — они буквально падают от смеха со своих шатких позиций. Это «Герника» Пикассо.

Заплакал ребенок в публике, прошел мимо оркестр или села птица — все включается в игру. После спектакля стоит мокрый с той же ослепительной улыбкой, а публика не расходится — всем хочется сказать ему что-нибудь восторженное, постоять рядом, дети прибегают целоваться.

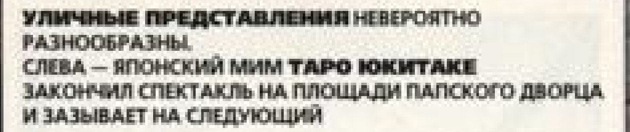
Таро — единственный в off-программе, кто произвел на меня сильное впечатление.

Русские на off'e

По понятным причинам русские на off'e появились совсем недавно. Первым был в 1993 году петербургский спектакль Георгия Васильева «Записки сумасшедшего». Директор театра, который их принимал, Бертран Вейит, говорит, что успех был большой — 2 передачи по телевидению, статьи в центральной прессе (для off-спектаклей это считается невероятной удачей). Естественно, спектакль тут же получил приглашение на турне по Франции. В этом году Георгий Васильев приехал снова —со своими «Старосветскими помещиками», но такого успеха уже не имел. Русские перестали быть экзотикой, а медленный подробный спектакль почти без сюжета французам смотреть было трудновато.

Петербуржцы играли всего несколько дней, а вот четыре архангельские труппы отыграли фестиваль с начала до конца. Театр миниатюр, кукольный театр, фольклорный ансамбль и «Компания Виктора Панова» приехали сюда не впервые. Мне удалось увидеть только фрагменты выступления ансамбля «Сполохи» и кукольного театра, не стоящие разговора, а также спектакль Виктора Панова «Появление царя»— чудовищную клюкву с кокошниками и телогрейками. Стыдно было смотреть, как бессовестно втюхивают эту лабуду, маскирующуюся под русский лубок, доброжелательным французам.

УЛИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕВЕРОЯТНО РАЗНООБРАЗНЫ.
СЛЕВА — ЯПОНСКИЙ МИМ **ТАРО ЮКИТАКЕ** ЗАКОНЧИЛ СПЕКТАКЛЬ НА ПЛОЩАДИ ПАПСКОГО ДВОРЦА И ЗАЗЫВАЕТ НА СЛЕДУЮЩИЙ

Звездой русского off'a на этот раз оказался Марк Розовский со своим старым спектаклем «Бедная Лиза». Спектакль легкий, иронический, с музыкой и пением. Он был забавным лет 15 назад. Сейчас несколько устарел, но смотрится неплохо, к тому же Розовский очень толково придумал весь текст «от автора» играть по-французски, и таким образом зрителям был ясен сюжет.

Большой русский сезон

«Такой обширной и серьезной зарубежной драматической программы Авиньон еще не знал», — уверяет директор фестиваля Фэвр д'Арсье. «Ни одна зарубежная программа еще не была так успешна», — добавляют другие. Сомневаться в этом не приходится: сюда приехали действительно лучшие русские спектакли последних лет, они пользовались бы успехом и в менее театральном месте. Газеты захлебывались восторгом, триумф оказался полным, к тому же был неожиданным: лучшие наши режиссеры, которые привезли сюда спектакли, кроме Анатолия Васильева и Резо Габриадзе, для французов — темные лошадки.

Первым показали спектакль Гинкаса — «К. И. из «Преступления». Играли за городом, в помещении текстильного завода Вольпони. Площадка была непривычная, слишком большая для спектакля, во время которого Оксана Мысина, играющая Катерину Ивановну Мармеладову, должна растормошить каждого зрителя, ведь все они — гости на поминках ее мужа. Гинкас в это время лежал в Москве с инфарктом. Чтобы зрители поняли, Оксана перемежала свою речь чудовищным французским. Это выглядело очень органично для несчастной женщины, претендующей на дворянское благородство в обхождении. И зрители поняли. Когда кто-то бежал звонить Гинкасу, Оксана говорила вслед: «Передайте Каме Мироновичу, что все прошло правильно! Он говорил, что, если люди после спектакля приходят благодарить и сразу начинают плакать, значит, все было правильно». Спектакль раскручивался стремительно, журналисты называли Оксану новой великой актрисой, зрители после спектакля не хотели ее отпускать, аплодировали стоя и плакали.

Потом играли «Нумер в гостинице города NN» Валерия Фокина по «Мертвым душам». И снова успех был полным, снова Авангарда Леонтьева называли потрясающим артистом. Зрители, хоть не понимали по-русски, включались в действие спектакля сразу — это казалось удивительным, поскольку очевидного сюжета в нем нет, а главное событие — провал авантюры Чичикова — происходит за сценой. Леонтьев признавался, что французский зритель оказался куда отзывчивей русского: «Дома я всю первую часть играю в мертвой тишине, как в колумбарии».

О том, как принимали «Песню о Волге» Габриадзе, нечего и говорить — как всегда замечательно. Но главным сюрпризом для Авиньона стала Мастерская Фоменко. Поразила сама идея молодого театра, его энергия и жизненная сила, заряжающая зал, не понимающий ни слова. Все спектакли шли на «ура» — даже четырехчасовой тонкий и прихотливый «Месяц в деревне» Женовача, за который очень боялись. Даже «Волки и овцы» Фоменко, не известные ни одному французу. Журнал Nouvel Observateur написал, что эту труппу надо немедленно приглашать на большие гастроли во Францию. Фоменко в это время лежал в Москве в больнице, ему делали операцию на сердце.

Три из четырех фоменковских спектаклей играли в открытых дворах — в саду лицея Сен-Жозеф и в монастыре селестинцев, среди настоящих деревьев, у старых стен, увитых зеленью. В этом пространстве сюжеты из русского XIX века и яркая костюмная «Двенадцатая ночь» смотрелись очень красиво. Сергей Женовач молился только об одном: чтобы, когда будут играть его «Месяц в деревне», не начал дуть мистраль. Он, конечно, облегчает жизнь в жару, но старые платаны во дворах шумят так сильно, что актеры не могут их перекричать — какая уж тут изысканность. А в Авиньоне спектакли отменять не принято, играют даже под

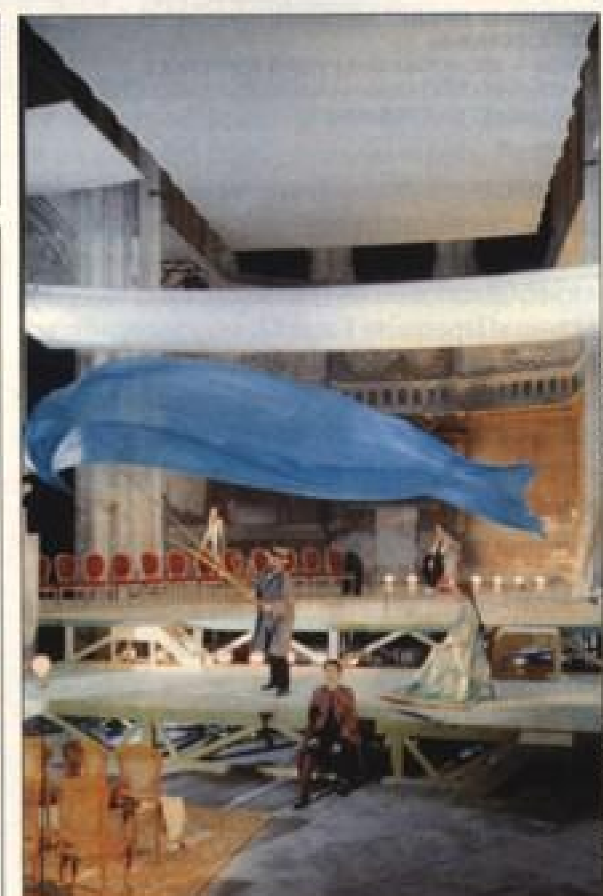

ДЕНЬГИ

Спонсоры Большого русского сезона в Авиньоне

Инкомбанк, Мост-банк, Национальный резервный банк, Внешэкономбанк, Водка «Довгань», «Аэрофлот» — генеральный спонсор перевозок

ГАБРИАДЗЕ ПРИВЕЗ В АВИНЬОН **КУКЛУ ПУШКИНА**. «НАКОНЕЦ-ТО, — ГОВОРИЛ ОН, — МЕЧТА ПОЭТА ВЫЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ ОСУЩЕСТВИЛАСЬ!»

проливным дождем. К «Месяцу в деревне» мистраль, разумеется, задул. Актрисы буквально улетали в своих пышных кринолинах, кусты пригибало к земле, актеры сорвали голоса, но спектакль прошел отлично — пожалуй, более энергично и страстно, чем обычно, из него ушла летняя мечтательность и томность, но, может, это и к лучшему.

Спектакли Анатолия Васильева в Авиньоне заслуживают отдельного разговора. Его нынешние работы скорее лабораторные, чем фестивальные: видно, что ему важнее процесс, чем результат, эксперимент, а не готовый спектакль. Именно поэтому Васильев, у которого множество почитателей и исследователей во Франции, не пользовался таким успехом, как прочие русские (хоть и на его спектакли было не попасть), и стал предметом яростных споров среди журналистов.

В гулкой старинной церкви Васильев показал «Плач Иеремии», очень подходивший к этим стенам, и новую версию «Амфитриона», которую еще не видели в России. В этот раз, кроме русских актеров, в нем играла Валери Древиль (Нина из парижской постановки Васильева «Маскарад»). Композиция из восьми диалогов мольеровской пьесы, очень красиво решенная в пространстве и цвете (каждая сцена — готовая картина), продолжала ту же линию работы с речью, что и недавний «Каменный гость» («Итоги», 1997, № 28,). Это разрушение фразы, иногда совсем лишающее ее смысла.

Организации, поддерживающие Васильева во Франции, устроили две большие встречи с ним, показ видео-фрагментов из его спектаклей и мастер-класс по «Илиаде» — демонстрацию тренинга васильевских актеров, соединяющего восточные бои с чтением гекзаметра. Обсуждать его спектакли и опыты стоит отдельно. Поразило другое: выехав из России, Васильев как будто стал иным человеком. Он легко шел на контакт с публикой, не раздражался и не замыкался от глупых вопросов, с легкостью и юмором рассказывал о своей жизни, увлекательно и ясно объяснял, чем сейчас занимается и чего пытается достичь. Обидно, что для того, чтобы все это услышать и увидеть, нужно приехать в другую страну, потому что один из самых крупных русских режиссеров, работая в Москве, боится и не любит своих зрителей (возможно, считая, что они относятся к нему так же).

Программа in-97

В целом, надо признаться, французский театр, представленный в основной программе, восхищения не вызвал. Впрочем, нечего выпендриваться — нам представили только самые свежие премьеры, а если вспомнить лучшие российские спектакли на недавней «Золотой маске», картина будет куда печальнее.

Что касается драмы, ясно одно: французы очень уважают текст. Готовы сидеть и слушать хоть пять часов подряд. А еще им подавай социальную значимость.

Первый же спектакль в Почетном дворе Папского дворца — «Натан Мудрый» Лессинга — более всего напоминал «театр у микрофона». Актеры, в том числе и знаменитый здесь Сами Фрэй, игравший заглавную роль, выходили на авансцену и, едва интересуясь партнерами, докладывали залу многословный просветительский текст Лессинга с моралью о том, как важно, чтобы христиане, мусульмане и иудеи жили в мире друг с другом. И всё это две с лишним тысячи зрителей с десяти часов вечера с готовностью выслушивали четыре часа кряду. Когда я пыталась выяснить у французов, чем же им так понравился «Натан Мудрый», они неизменно отвечали: «Это очень актуально». Директор фестиваля Фэвр д'Арсье повторял мне то же: «В наше время, когда в Иерусалиме свирепствует терроризм...» Если нашему зрителю сказать, что глубокой ночью очень интересно послушать художественную читку про что-то актуальное — он лопнет от смеха.

За актуальность хвалили и довольно унылую инсценировку (правда, с хорошими артистами) португальского антифашистского романа «Перера уверяет». И средний полукукольный спектакль из Южной Африки с антиапартеидской версией «Короля Убю». Даже спектакль известного молодого режиссера Станисласа Нордзэя по пьесе Мариво «Диспут» был помещен в весомую драматургическую рамку, повествующую об ужасах СПИДа. На вопрос, какие спектакли он сам предпочитает, директор off-программы ответил без колебаний: «Современные пьесы на социальные темы».

Впрочем, левизна — это только одна из сторон французской души и театра. Здесь ценят искусство интеллектуальное, парадоксальное и прихотливо-философское. Поскольку каждое из этих качеств встречается весьма редко, а традиция и тяга к такому искусству есть, чаще всего оно реализуется ущербно — в спектаклях холодноватых, формальных, полных символов и эффектной непонятности.

Самым замечательным спектаклем такого рода стало «Лицо Орфея», поставленное тридцатидвухлетним Оливье Пи — надеждой французской драматургии. Он сам написал пьесу и поставил ее в Почетном дворе Папского дворца (в тексте даже упоминаются его стены). Этот спектакль стал одной из главных приманок фес-

СПЕКТАКЛЬ **«ВОЛКИ И ОВЦЫ»** ИГРАЛИ В ОТКРЫТОМ ДВОРЕ (НА СТР. 74 СЛЕВА)
ЛИТОВСКАЯ **«СТАРУХА-2»** В ПОСТАНОВКЕ ОСКАРАСА КОРШУНОВАСА (НА СТР. 74 ВВЕРХУ СПРАВА).
К СОЖАЛЕНИЮ, РУССКАЯ ПРОГРАММА НА ФЕСТИВАЛЕ ЗАСЛОНИЛА ХОРОШИЕ ЛИТОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ, И ОНИ НЕ ИМЕЛИ УСПЕХА
«АМФИТРИОН» АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВА (НА СТР. 74 ВНИЗУ)

«ЛИЦО ОРФЕЯ» В ПОСТАНОВКЕ ОЛИВЬЕ ПИ — ОДИН ИЗ САМЫХ МОДНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ ФЕСТИВАЛЯ

ЭПОПЕЯ

Женщина-ураган

Консуэло де Авилан — актриса, помощник директора Авиньонского фестиваля Бернара Фэвра д'Арсье. Без этого «мотора» Русский сезон, во всяком случае в его нынешнем виде, не состоялся бы.

— Консуэло, откуда взялась идея Русского сезона?

— Четыре года назад, будучи в Москве в составе группы французских деятелей культуры, я познакомилась с Бернаром. Мы посмотрели много спектаклей, и под конец я сказала: «Надеюсь, теперь вы организуете Русский сезон в Авиньоне». На следующий год я стала работать с Бернаром. И не уставала спрашивать, когда же наконец будет Русский сезон?

В 1997 году Бернар должен был оставаться директором в последний раз, и после юбилейного фестиваля 1996 года он сказал: «Отдыхайте хорошенько — мы едем в Москву». В конце сентября мы с ним приехали к вам на две недели. Известие, что мы в Москве, облетело всех со скоростью пули. Мы смотрели по три спектакля в день. Многие играли специально для нас, без публики.

— Кто-нибудь на вас давил?

— Все. Вернее, многие. Победой считалось уже то, что мы пришли посмотреть спектакль. Шла подспудная борьба, и многие считали себя несправедливо обойденными. Список спектаклей, которые следовало посмотреть, составили Французский культурный центр, Конфедерация театральных союзов и Министерство культуры. Но нам удалось посмотреть и то, чего в списке не было. А в январе мы поехали в Санкт-Петербург.

Перед отъездом домой составили окончательный список: Мастерская Фоменко, Школа драматического искусства Васильева и спектакль Габриадзе. Бернар сказал, что бюджетных денег хватит только на них. Я спросила: «А если мы найдем дополнительные деньги, мы сможем еще кого-нибудь пригласить?» Бернар был очень усталый: «Неужели вы считаете, что французские фирмы, имеющие интересы в России, согласятся дать деньги?» Я понимала, что такие фирмы скорее вложат деньги во французские театры, приезжающие в Россию. И тут мне в голову пришла идея: «В Москве столько рекламы, деньги надо искать здесь». Говорю: «Я остаюсь». И осталась в Москве одна — со своим «кухонным» русским: «пол», «потолок», «где гостиница?».

— Тогда и началась ваша знаменитая банковская эпопея?

— Да. На следующий день я встретилась с советником министра финансов из посольства Франции в Москве и попросила его обрисовать финансовую ситуацию в Москве. Выслушав его, я поняла, что надо атаковать банки. Все было очень сложно. Я сделала, наверное, тысячу звонков из своего гостиничного номера. Бернар высылал мне официальные письма и досье. Одни банкиры мне отказывали, другие соглашались, а потом меняли свое решение, в некоторых банках со мной не стали встречаться руководители (а у меня правило: разговаривать только с президентом или вице-президентом банка).

Спрашивали: «А если мы дадим деньги, что вы нам предложите взамен?» — «Если вы выступите спонсором, о вас будут писать газеты, телевидение, ваш логотип будет во всех программах». — «Нам нужно, чтобы русская экономическая пресса осветила нашу спонсорскую деятельность». Я говорю: «А это кто такие?» И началась новая битва — за то, чтобы экономическая пресса дала свое письменное согласие освещать Большой русский сезон. Так появились информационные спонсоры фестиваля. Они сработали как «открывашка» для банков.

— Банки не пытались протолкнуть свои кандидатуры театров?

— Конечно, пытались. У Инкомбанка, например, есть привязанность к Табакову, но банк поддержал Русский сезон, хотя мы этот театр и не взяли. А вот Росбизнесбанк готов был выделить большие деньги только на то, чтобы мы взяли театр «Модерн».

В общей сложности фестиваль получил 150 тысяч долларов от четырех банков. К счастью, выяснилось, что Бернар останется директором фестиваля до 2000 года, и он хочет ежегодно приглашать по одному-два русских спектакля.

— А банки будут помогать?

— Да, у них есть энтузиазм. На один день на фестиваль прилетал председатель правления Внешэкономбанка Андрей Костин, на два дня — президент Мост-банка Борис Хаит и вице-президент Дмитрий Алехин. Так что спектаклям из России есть на кого рассчитывать.

холоден. «Войцек» шел по разделу «театр-танец». Отсюда, кстати, многие его достоинства.

Танец

Модерн-данс — самое интересное из того, что предлагал Авиньонский фестиваль. Особенно для русских, у которых в этой области полный провал. А французы именно в танце особенно сильны и оригинальны. Танцевальных спектаклей в программе in было очень много, чуть ли не все самые интересные хореографы Франции привезли сюда свои постановки. Но описывать их — занятие неблагодарное: современный танец бессюжетен, полон образов, видений, ускользающих отгадок. Танец острый, алогичный, с резкими сломами и диссонансной пластикой.

Самым интересным, наверное, был «Пейзаж после битвы» Анжелена Прельжокажа. Что уже становится привычным — танцуют не под музыку, а скорее под обрывки ее. Под шум радиоприемника, когда ищут станцию, под человеческий голос (интервью Марселя Дюшана), под лязг ножниц, под тишину. В программке этом спектакле был замечательный вставной номер — соло Майте Фоссен в ее же хореографии. Она танцевала под фрагмент фонограммы из фильма «8 1/2». Звуки вокзала, где герой встречает свою любовницу, женский смех, вялые мужские уговоры. Она танцует у садовой скамейки. Лицо скорбное, женщина кажется очень одинокой.

Самым забавным из танцевальных спектаклей (он, правда, тоже значился как театр-танец) был бельгийский «Бернадетж» в постановке Алена Плателя и Арне Сьеренс. На сцене выстроили любимый детский аттракцион — электрические машинки на резиновых подушках, которые ездят, сталкиваясь, по металлической площадке. Герои этого спектакля — молодежь, подростки, детишки, мамаша — приходили сюда кто на работу, кто просто потусоваться. Болтали на грубом, плебейском языке, скандалили, острили, решали свои проблемы. Внятной истории не было, хотя слышались явные отсылы к проблеме детского одиночества, ненужности, которые так остры для Бельгии после педофильской эпопеи.

ТРАГИЧЕСКИЙ БАЛЕТ **«СОБАКИ»** (ВВЕРХУ)
МАЙТЕ ФОССЕН ТАНЦУЕТ В САДУ (ВНИЗУ СЛЕВА)
«БЕРНАДЕТЖ» — ТАНЦЫ НА ПЛОЩАДКЕ АТТРАКЦИОНОВ

тиваля. На премьере было полно парижской богемы. Длиннющая и, признаюсь, непонятная мне пьеса Пи о путешествии-познании вслед за воскресшим Орфеем, так же как и ее постановка, напоминала дикую, впрочем местами талантливую, графоманию. Почти пятичасовое действие то эпатировало, то усыпляло. Самым эффектным был момент, когда полуголая женщина Лавиния, с синим лицом и бараньими рогами, резала одного из героев, жрала куски его мяса и вытирала кровавые руки о голую грудь и живот. Зрители, содрогаясь, кричали: «Хватит! Перестаньте!» и начинали пачками уходить из зала. Это был успех.

Другим модным спектаклем был «Войцек» — спектакль без слов, поставленный знаменитым ныне во Франции венгерским хореографом-эмигрантом Йозефом Наджем. Здесь действуют люди-монстры, големы, обмазанные белой глиной. Болезненная, изломанная фантазия начиняет этот экспрессионистский спектакль множеством тошнотворных подробностей. (Здесь, кстати, тоже герой втыкает себе в живот нож, вытягивает внутренности, отрезает от них кусок и сует в рот.) Странный эффект: смотреть «Войцека» интересно и мучительно. Спектакль пластически невероятно изобретателен, эффектен, странен, но в конечном счете — объяснено, что постановщик хотел сопоставить чувственный, интуитивный и интеллектуальный подход к миру. Но это ничего не объясняет. Спектакль сделан эффектно, точно, жестко, агрессивно. Смешаны страсть и холод. Публика в конце свистит, кричит, топает ногами — здесь Прельжокажа любят.

Любовь к сложному современному танцу у французов такая же, как у нас к танцу характерному. Даже посреди площади, где наши — максимум — выдадут гопака, несколько теток совсем не танцевального сложения разложат свой коврик, включат магнитофон с какими-то странными тресками и переливами и ну принимать странные позы и скакать.

В программе off я видела любопытный спектакль, назвался он «Маленькая энциклопедия садового танца», и играли его действительно в большом, заросшем саду. Танцовщицы водили зрителей за собой по зарослям, взбирались на пни и ложились под деревья, музыкой были какие-то их гортанные перекликивания. Танец был довольно беспомощным, но придумано красиво. Похоже на игры каких-нибудь наяд. В

Потом под энергичные диско-ритмы начинали ездить на машинках. Потом танцевать. Вокруг машин, на них — машины сверкали, фары горели красными и белыми огнями. Постепенно это превращалось в отличное шоу, изобретательное, яркое. Герои то снова начинали болтать о пустяках, рассказывать анекдоты, то танцевали, и эта обаятельная дискотека захватывала напряженным ритмом.

Любимцы

В одном из фестивальных садов, где проходили главные дискуссии программы in, висела большущая доска, вся залепленная объявлениями: «Ищу 2 билета на...». Подавляющее большинство зрителей жаждало попасть на «Затмение» театра «Зингаро». Оно шло в огромном шапито за городом. Это был единственный из всех спектаклей, который шел с начала до конца фестиваля, и билеты на него были самыми дорогими.

«Зингаро» называют «лошадиным театром». «Никогда не называйте его цирком», — строго предупреждают французы. Но, что ни говори, «Зингаро» — это, конечно, цирк. В той изысканной, эстетской ипостаси, когда теряется ощущение сложности трюка, а остается чистая красота. Нас таким цирком не удивишь — у нас есть Валентин Гнеушев, который умеет превратить номер акробата или эквилибриста в бесплотную мечту и райское виденье. Создатель, режиссер и главный наездник «Зингаро» — демонический мужчина со странным именем Бартабас.

«УШАСТЫЙ ЧЕЛОВЕК» ИЗ **«ЛАБИРИНТА»** ФИЛИППА ЖАНТИ

Бартабаса лет 15 — 20 назад открыл в Авиньоне директор фестиваля Бернар Фэвр д'Арсье. «Он играл на улице с лошадью, крысой и орлом, — рассказывает Бернар, — у него был маленький цирк. Однажды полиция позвонила мне и сказала, что какой-то сумасшедший на лошади мешает ездить машинам. Я поехал разбираться — так мы и познакомились, Бартабас был отличным наездником. Фестиваль ему помог усовершенствовать свое представление. Все последние его спектакли — тоже копродукция Авиньона».

Имя «Бартабас» давно уже волнует воображение французов. История его такова: мальчик из состоятельной парижской архитекторской семьи с детства мечтал о лошадях, об огромных степных пространствах, о татарах. И тогда же выдумал себе имя, как ему казалось, звучащее очень по-татарски («Вроде Тараса Бульбы», — простодушно сказал Бернар). На самом деле Bartabas — переделка глядящего с каждого угла названия магазинчиков «Bar-Tabac». Как гласит легенда, в один прекрасный день мальчик убежал с цыганским лошадиным цирком и стал с ним путешествовать. С тех пор он назвался своим детским именем, чтобы не трепать сомнительной профессией приличную родительскую фамилию.

СПЕКТАКЛЬ **«ЗАТМЕНИЕ»** ЛОШАДИНОГО ТЕАТРА **«ЗИНГАРО»** ПОСВЯЩЕН КОРЕЕ

Последние большие спектакли Бартабаса на 30 лошадей обычно посвящены какой-то одной теме. «Затмение» — фантазия на тему Кореи. Особенно стильная оттого, что вся решена в черно-белых тонах: белый песок арены окружен кольцом черного песка, сменяют друг друга белые и черные тела танцовщиков и наездников, скачут белые и вороные лошади, развевается белая и черная одежда, падает белый снег. Играет корейский оркестрик, и певица выводит причудливые горловые рулады, похожие на джаз. Выездка и джигитовка сменяют друг друга под заунывные восточные мелодии. Кланяются корейские девушки с высокими прическами, в этот момент над ними проносится наездник, стоящий на двух лошадях. Созерцательность, тягучий темп и невероятные лошадиные трюки. Многие поклонники, правда, считают, что это не лучший спектакль Бартабаса — из-за своей намеренной заунывности он кажется затянутым. Впрочем, надеюсь, вы сможете увидеть «Затмение» сами — им заинтересовалась наша Конфедерация театральных союзов. Хотя приезд каравана фургонов Бартабаса в Россию будет очень дорогим удовольствием.

А вот увидим ли мы новый спектакль Филиппа Жанти «Лабиринт» — неизвестно. Большинство наших продюсеров и журналистов, помнящих недавние гастроли в Москве его потрясающего «Неподвижного путника», были «Лабиринтом» разочарованы. Может быть, этот спектакль — менее цельный, со сбоями, пробуксовками, но все с той же свободой и безграничностью фантазии, сложностью ассоциаций и до того красивый, что захватывает дух. (К разговору о нем я вернусь в одном из ближайших номеров.) По словам Жанти, «Лабиринт» — последняя часть трилогии о путешествии в подсознании, в которую входил и «Неподвижный путник». Следующий спектакль будет уже совсем другим.

Конец

«Лабиринт» в Почетном дворе Папского дворца стал последней премьерой официальной программы. Город заметно пустеет, хотя фестиваль будет длиться еще три дня. Сейчас лучший шанс для off-театра заманить к себе столичного критика, которому больше нечего смотреть в основной программе. Ради такого момента сюда приезжают даже маленькие парижские театры — тут журналисты солидных газет доступнее, чем дома, они будто на каникулах.

Мостовые усыпаны театральными рекламками. Актеры обходят город, отвязывая плакаты. Через неделю можно будет долго идти по авиньонским улицам и не встретить ни одного человека. Только экскурсионный паровозик продолжит с грохотом бегать по городу, возя одного-единственного туриста, любителя старой архитектуры. ■

Авиньон — Москва

Михаил Айзенберг. Взгляд на свободного художника
М.: Гендальф, 1997

СЕГОДНЯ БОЛЬШИНСТВО современных наших поэтов — кто по каким мотивам и кто с каким успехом — пробуют себя в критике и эссеистике.

Поэт Михаил Айзенберг занимается этим давно. По крайней мере столько, сколько я его знаю.

Не знаю, насколько совпадает это с его намерениями, но мне привычно воспринимать лирику Айзенберга на фоне его прозы и наоборот. Если его стихи убеждают прежде всего пластичной и вместе с тем необычайно достоверной интонацией, поиском и обнаружением лирического смысла в самых «бедных» закоулках речи («Это была, чтоб ты знал, политика», или «Вот курить через силу, спрашивается, зачем?», или «А еще какие будут указания?»), то его проза (а она, слава богу, не имеет ничего общего с пресловутой «прозой поэта», одно упоминание о которой у человека с нормальными эстетическими рефлексами провоцирует резкое повышение кислотности) легко и ненасильственно соединяет в себе добросовестность исследователя с концептуальной рисковостью и прихотливостью чисто артистических жестов. Стихи и проза то ли продолжают, то ли компенсируют друг друга.

В разное время по разным поводам написанные и в разных местах опубликованные тексты давно ждали случая собраться вместе. Дождались: книга «Взгляд на свободного художника» объединила 19 статей разных периодов.

Центральный и самый объемный текст сборника называется «Некоторые другие». Это попытка максимально сжато, но и максимально полно, а главное — по возможности адекватно описать то явление, печатный разговор о котором был не только необходим, но и неизбежен, хотя начался лишь в конце 80-х. Речь идет о феномене «второй», «другой», «неофициальной» или еще повсякому называемой поэзии. «Некоторые другие», написанные в 1990 году, были в свое время опубликованы в журнале «Театр» и вызвали отчетливое шевеление в литературно-критических кругах. Один, например, экс-советский либеральный критик разразился статьей с многозначительным названием «Тень, знай свое место», где дал волю нешуточному раздражению по поводу того, что в литературу «нам подбрасывают» имена, которые ему, критику, ничего не говорят. Ну не говорят... Как будто бы это прискорбное обстоятельство не есть всего лишь факт его собственной биографии. И как будто бы кто-нибудь из «некоторых других», большинству из которых имя рассерженного критика тоже говорит не слишком много чего, так уж сильно интересуется его просвещенным мнением.

«Некоторые другие» вполне могут послужить учебником по истории новой российской поэзии 50—80-х годов. Хоть статья и не претендует ни на исчерпывающую полноту, ни на объективность, все же полнее и объективнее мне не приходилось об этом читать ничего.

В своих писаниях о современной поэзии, о коллегах-стихотворцах Айзенберг демонстрирует не только необычайно высокий уровень компетентности и читательской любознательности, но и редчайшую для художника способность разглядывать чужие, а иногда и чуждые художественные системы, не пользуясь оптикой собственной поэтики, способность судить другую поэтику по ее собственным законам. Объявляя при каждом удобном случае о предвзятости и субъективности своих оценок и пристрастий, поэт тем не менее проявляет беспрецедентную для практикующего автора широту взглядов и интересов.

Жаль, что в конце книги нет указателя имен. (Между прочим, именно так — «Указатель имен» — названа вышедшая несколько лет тому назад в том же издательстве единственная пока поэтическая книжка Айзенберга.) Список получился бы внушительным. Но в нем мы не нашли бы одно из интереснейших имен современной культурной сцены — самого Михаила Айзенберга.

Айзенберг, когда он пишет о Лианозовской школе, о московском концептуализме, о Всеволоде Некрасове, о Евгении Сабурове, о Викторе Ковале, об Иосифе Бродском, о ком угодно, никогда напрямую не манифестирует собственную ars poetica, но вольно или невольно растворяет ее в каждом высказывании, многие из которых обретают энергию афоризма.

Реальное присутствие автора обнаруживается в книге лишь однажды — в чудесном очерке-воспоминании «Цвэток» — о покойном писателе Евгении Харитонове. Жанрово этот очерк держится в книге несколько особняком, прочитываясь не только как самодостаточный текст, но и как заманчивое обещание большой мемуарной прозы. ■

Лев Рубинштейн

ОПЕРЕТТА

Премьера «Веселой вдовы» Франца Легара

Театр «Московская оперетта»
Москва

НЕОЖИДАННОСТИ НАЧАЛИСЬ С первых же тактов оркестрового вступления. Автор новой аранжировки Эльмар Абусалимов (он же музыкальный руководитель и дирижер) ориентировался на эстрадно-симфонические оркестры 70-х годов. Шелест метелок по тарелкам, звуки виброфона и саксофона соперничали с привычным «пением скрипок и кларнетов». Фабула осталась прежней, но режиссер-постановщик Игорь Барабашев и завлит театра Дмитрий Шатуновский добавили в старый сюжет пикантные подробности, «украсив» его множеством реприз на актуальные темы. В результате стремление к «современности» лишь выявило старомодные вкусы создателей спектакля.

Более всего публику изумило помпезное оформление, придуманное Владимиром Арефьевым. Вычурные зеркала, фонари, круглые диванчики, из которых растут пышные бегонии. Клумбы то и дело сдвигаются в дальние углы сцены, освобождая место для танцев (балетмейстер Борис Барановский). Пачки танцовщиц, отплясывающих канкан, выполненные в технике макраме платья посольских дам и героини, гофрированные воротники, шляпы-торты и газовые оборки переливаются всеми цветами радуги. На юбках — целый ботанический сад экзотических цветов.

Оформление настолько ярко и ослепительно, что затмевает большинство актерских работ. Исключение составляют только Елена Зайцева — обаятельная, гордая и насмешливая Ганна Главари и искренний Алексей Степутенко в роли Камилла де Расильона. ■

Елена Губайдуллина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК

1. **ПЛАКАТ МИХАИЛА УХОВА «ЗАГРОБ»** ОКАЗАЛСЯ ПОСЛЕДНЕЙ РАБОТОЙ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА, НЕВОЛЬНО ПРЕДСКАЗАВШЕГО СОБСТВЕННУЮ ТРАГИЧЕСКУЮ СУДЬБУ
2. **ИЛЬЯ КИТУП СЮЖЕТ «СВОЕГО КИНО»** ЗАИМСТВОВАЛ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ ТИМУРА КИБИРОВА
3. **ПЛАКАТ ГЕОРГИЯ ЛИТИЧЕВСКОГО:** ЖАНР ТРИЛЛЕРА ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПОПУЛЯРЕН СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ
4. **АЛЕКСЕЙ ТАРАНИН** — ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ УЧАСТНИКОВ ВЫСТАВКИ, ОБРАТИВШИЙСЯ К РЕАЛИЯМ НЫНЕШНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВЫСТАВКИ

Свое кино

Айдан-галерея
Москва

ГРУППОВАЯ ВЫСТАВКА «СВОЕ КИНО» представляет 25 афиш к несуществующим фильмам — 25 вольных фантазий московских художников на тему рекламного киноплаката. Этот проект «Айдан-галереи» приурочен, во-первых, к главному светскому событию лета — пресловутому Московскому кинофестивалю. В пышных виньетках его тусовочной «культурной программы» презентация выставки в кинотеатре «Кодак-киномир», естественно, затерялась. Во-вторых, проект является своеобразным и удачным подарком галереи себе на пятилетие, и вернисаж «Своего кино» (уже в помещении «Айдан-галереи») совместили с празднованием дня рождения этого заведения.

«Изготовление» выставки специально под кинофестиваль — очень органичный ход для хозяйки галереи г-жи Салаховой: Айдан своей известностью обязана установкам на элитарную светскость, на выращивание и обхаживание индивидуального клиента, на доказательство бомонду (политическому, коммерческому, киношному etc) острой необходимости общаться с «актуальным искусством», поскольку это чрезвычайно повышает респектабельность. Так что пропустить кинофестиваль с его гостями и интригами для «Айдан-гале- ▶

реи» было бы непростительным легкомыслием.

С другой стороны, выставка «Свое кино» продолжает уже традиционную для галереи серию групповых проектов на заданную тему, осуществляемых при участии куратора Елены Куприной (тут можно вспомнить давний «Copyright-96» или совсем свежий проект «Я шагаю по Москве» с только что закрывшегося Форума художественных инициатив). Круг художников, гостей и покупателей «Айдан-галереи» сложился давно и отличается постоянностью, но ее коллективным выставкам свойственна демократичность. «Свое кино» — не исключение. Любовь к важнейшему из искусств объединила мэтров московского концептуализма Андрея Филиппова и Николая Паниткова (последний выступил в соавторстве с молодым фотографом и дизайнером Сергеем Ситаром) и апологета «социального искусства» Людмилу Горлову; затейливых «младоконцептуалистов» из групп «Фенсо» и «Облачная комиссия» и по-детски веселого Илью Китупа, фотографа, навек завороженного уже забываемой всеми «телесностью», Татьяну Либерман и компьютерно-виртуального Сергея Шутова...

Выставка вполне могла остаться в памяти лишь симпатичным набором легких и необязательных киноманских игр художников, скучающих в летней праздности. Но есть одно трагическое обстоятельство: уже после ее открытия пришло известие, что в Крыму погиб 24-летний Михаил Ухов, член группы «Урановый проект». Его работа для выставки называлась «Загроб», и это чудовищное совпадение вдруг заставило по-новому взглянуть на листы, висящие в галерее. Чуть ли не треть из них резво шутит на темы смерти, крови, медицинских ужасов и прочей триллерской атрибутики. Но то, что вызывало вернисажную улыбку, теперь повергает в оторопь, заставляя задуматься о страшной силе искусства и извращенном сознании художника-творца, чье кино часто выходит уж слишком пугающим. ■

Федор Ромер

МУЗЫКА

Фестиваль «Сакро-арт-97»

Опера и балет, музыка и литература из Восточной Европы

Локкум
Германия

ПО ЗАМЫСЛУ ОРГАНИЗАТОРОВ, ДУховность трактуется на локкумском фестивале как поиск путей для выхода искусства за собственные рамки. «Сакро-арт» терпеливо ищет сакральное в художественном. В российском контексте подобные операции граничат с профанацией. Тем интереснее различать разнообразные, часто парадоксальные нюансы темы сакрального в современной русской музыке на фоне древнего цистерцианского монастыря, чистенькой, беленькой локкумской Академии, лесов и ленивых рыб в пруду. В Локкуме поиски духовности иногда кажутся утонченной эстетской игрой, артистичные диалоги и семинары — духовной музыкой. В неоднозначности темы, в невозможности единственно правильного ответа есть прелесть решения изящной интеллектуальной задачи и художественная интрига, что придает концепции «Сакро-арт-97», выстроенной художественным руководителем Алексеем Париным, многомерность и красоту.

Русский поставангард интимен, приватен, чурается крупных форм и жанров. Поэтому оперы в творчестве русских композиторов-поставангардистов редки, а кантаты камерны. На открытии фестиваля в локкумской Клостеркирхе заинтриговал диалог двух кантат: Cantus controversus Кати Чемберджи на тексты Альберта Эйнштейна (заказ фестиваля), наследующей традициям западноевропейского послевоенного авангарда, и неотрадиционалистской кантаты Canticum fratris solis Владимира Мартынова. Между этими полюсами — сугубо индивидуального стиля, щедрости материала, горячечности тона Чемберджи и аскетичных стилистических конструкций Мартынова, собранных из «кирпичиков» западноевропейской средневековой музыки — расположилась вся локкумская программа.

«Сакро-арт-97» по сравнению с фестивалем 1995 года, посвященным русскому искусству, представительнее по композиторскому составу. Он предъявляет Европе поколение композиторов-поставангардистов: Валентина Сильвестрова, Владимира Мартынова, Арво Пярта, Гии Канчели, Владимира Кобекина и других. Он красив исполнительски — ансамбль Марка Пекарского, Ася Давыдова, Марк Лубоцкий, Марк Такер, Людмила Голуб — но, к несчастью, ущемлен театрально.

Оперы Мартынова и Кобекина по вине российской части организаторов были представлены лишь в концертном варианте. С некоторыми оговорками к театрализованной части программы можно причислить действо «Семь шагов в тишине» любимого Европой за экуменический дух Александра Кнайфеля. Все пространство монастыря оказалось художественно освоено, иллюзия сопричастности достигнута.

Собственно театру удалось реализоваться на фестивале только в балете труппы Евгения Панфилова «Житие страстотерпца Аввакума» на музыку Владимира Мартынова («Плач пророка Иеремии» и «Распорядок дня»). Балет о власти и страсти показался красивым, стильным, изобретательным. Он завораживал пластикой и производил впечатление сильными — на грани вульгарности — образами (особенно в сцене обливания паствы Аввакума в нежных белых балахончиках то ли вином, то ли кровью). Но одна деталь сомнительна — в постановке музыка Мартынова используется лишь как повод. Балет, кажется, можно танцевать под любую музыку, более или менее подходящую к случаю.

Сенсацией, и даже со скандальным оттенком, стала на фестивале премьера оперы Владимира Мартынова «Упражнения и танцы Гвидо» на сложный «многоэтажный» сюжет, сконструированный самим композитором: об изобретении Гвидо Аретинским нотации (привычной нам системы записи музыки), кроме того — о шести ступенях восхождения души к Богу (по трактату Бонавентуры) и о возникновении и преодолении оперных стилей (от барочного до романтического). Это сильное, парадоксальное, красивое по музыке и идеально выстроенное по структуре сочинение вряд ли окажется репертуарным. Слишком холодна интонация, сложна концепция, неподъемно качественное исполнение. Показать на фестивале, так любящем оперу, не просто оперу об опере как таковой, но антиоперу об оперности как историческом заблуждении — жест почти неадекватный. Заказать оперу художественному экстремисту Владимиру Мартынову, сочетающему ироничный взгляд с авангардистским радикализмом, православному композитору, которого сама православная церковь таковым не считает, — жест красивый и смелый.

К сожалению, исполнителям не удалось удержаться в рамках непрерывной ритмической пульсации. Она должна была стать нитью, на которую осколки оперной музыки нанизывались бы, как прекрасные и глупые драгоценности. Но возможность превращения оперности в могучий рок-н-ролл только угадывалась. Нам предъявили «упражнения» Гвидо. Танцы не состоялись.

Более счастливая судьба выпала опере Владимира Кобекина на текст Алексея Парина «Молодой Давид». Кажется, что голосам в этой музыке легко и комфортно.

ПАСТВА ПРОТОПОПА АВВАКУМА В БАЛЕТЕ ЕВГЕНИЯ ПАНФИЛОВА

Округлое и экспрессивное сопрано Ольги Гуряковой, завораживающе темный тембр Любы Петровой, мощь и пластичность голоса Станислава Швеца в опере, похожей на роскошную ворожбу индийской музыки, звучали свободно и выразительно. Интересно, что в музыке Кобекина концептуальная составляющая красива и сильна (композитор сознательно «конструирует бессознательное восприятие»), но сама музыка кажется простой и доступной.

На «Сакро-арт-97» тема сакрального, духовного в современной русской музыке была представлена практически во всем объеме — от ритуального в музыке Кобекина и Мартынова до сакрального как интимного, частного в цикле песен Валентина Сильвестрова «Ступени». Тихое, гибкое пение Светланы Савенко и необыкновенное чувство инструмента, тонкое обаяние звука пианиста Юрия Полубелова сделали этот камерный вечер не менее значимым, чем вечера опер, балета и прочих действ. Музыка Сильвестрова напоминает о всей романсовой лирике — от Шуберта до наших дней, оказывается культурой, которая осуществляется post mortem. Но вряд ли стоит обвинять Сильвестрова (так же как и Мартынова, играющего стилями прошлого, или Пярта, поселившегося в средневековье) в ретроградных настроениях. Искусство, рефлексирующее по поводу того, что бывает после смерти, часто кажется более живым, чем то, которое испытывает ко всякого рода границам неодолимый пиетет. ■

Юлия Бедерова

ЧАСТНОСТИ

БеЗЗСМысЛИца

SCRABBLE

Боюсь, что из такого набора букв ни один эрудит не сможет составить слово, которое было бы не стыдно поставить в заголовок. Но уверен, что игроки в «Эрудит» наверняка найдут им достойное применение. Мне удалось сделать ход, не только использовав все имеющиеся буквы, но и набрав 171 очко, что, согласитесь, можно считать совсем неплохим результатом утилизации такой «БеЗЗСМысЛИцы». Вдобавок ход получился «тематическим» — в образовавшихся словах явно проступает некий сюжет. Но чтобы не портить вам удовольствие подсказками, тему сообщать не буду. Впрочем, все станет ясно и без того, когда вы начнете пристраивать буквы.

Задача №27

Попробуйте все же выставить все имеющиеся буквы.

$Б_3$ $З_5$ $З_5$

$С_2$ $М_2$ $Л_2$ $И_1$

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи №27

d11↓ ИЗДЕВКА (14+7 за слово из семи букв *2 = 42 очка)
e6→ САРКАЗМ (15+7 за слово из семи букв *2 = 44 очка)
e9↓ КУПЕЛЬ (17+6 за слово из шести букв = 23 очка)
e12↓ МУЖ (10 очков)
i6→ УЗЕЛ (18 очков)
i7↓ ЗОБ (14 очков)
Премия за использование всех букв 20 очков. Итого: 171 очко.

Классика

ПРЕФЕРАНС

Почему-то предполагается, что слово «классика» само по себе должно вызывать почтение. Но я знаю довольно большую категорию людей, которые, заслышав это слово, только недовольно морщатся. Речь идет о преферансистах. Преферансная «классика» принципиально отличается от классики в общепринятом смысле слова — она не выдержала испытания временем, и сейчас найти любителей «аутентичного» преферанса довольно сложно. Уже тот факт, что разночтений в правилах «классики» гораздо больше, чем в обычной «сочинке» или «ленинградке», говорит о том, что эта разновидность игры не овладела массами.

Основная особенность «классики» — возможность заказа игры (или даже торговли) с закрытыми картами, то есть игрок может, не глядя в свои карты, сказать «пас» (если никто до этого не вступал в торговлю) или, наоборот, «пика», и за подобные удаль и молодечество ему полагается награда — игра происходит по двойной ставке. За каждую попытку сыграть «втемную», причем вне зависимости от того, насколько удачными оказались эти его «пас» или «пика», игрок ставит себе знак отличия — «птичку», которая показывает, что следующую игру, даже посмотрев карты, он сможет сыграть по удвоенной ставке. Можно накапливать «птички», делая из них «елочку», или играть на птичке «пика втемную» (это называется «бомбой»), удваивая, учетверяя или увосьмеряя ставки игры.

Казалось бы, любому игроку со стажем должно быть ясно, что для возмещения ущерба от ремиза на простой игре (а это считается весьма удачным исходом при «пике втемную») выигрыш от следующей простой нужно не удваивать, а удевятерять, но один из редких встреченных мною за карточным столом, энтузиастов «классики» уверял меня, что подобный риск оправдан. Он с большим пылом толковал о тонкостях психологической борьбы в этой разновидности преферанса, о богатых возможностях для блефа и о том, как игра «на бомбе» горячит кровь игрока.

На мой взгляд, «классика» и должна привлекать игроков, которые «интуичат карту», а игру «печенкой чуют». Обычный же игрок, по уверениям математиков, должен в равной степени часто переживать и радость удачи, и горечь разочарования, то есть в результате «классических» экспериментов он должен неизбежно оказываться в минусе. Можно, разумеется, сыграть на пробу и считать это своеобразным тестом на везение — «идет карта или нет», главное, чтобы тестирование обошлось вам не слишком дорого.

Есть у «классики» и некоторые другие особенности вроде «торгового мизера», но они уже кажутся сущими пустяками в сравнении с тем, о чем мы сейчас говорили. На мой взгляд, есть только одно правило «классики», которое можно безболезненно использовать и во всех остальных разновидностях преферанса — игра по времени, но если у «классиков» это вызвано практической невозможностью закончить игру положенным образом (то есть списанием всеми игроками горы), то «вольники» вполне могут договориться играть до начала футбола или ужина. ■

Страница Дмитрия Генина

Решение задачи №28

1) ♦8, 10, Д; 2) ♥Д, Т, 7; 3) ♦Т, ♥8, ♦7; 4) ♦К, ♥К, ♦8; 5) ♠Т, 7, 8; 6) ♠К, 9, 10; 7) ♠В, Д, ♠7; 8) ♠9, 8, В; 9) ♠Т, 10, ♦9; 10) ♠К, Д, ♥В — восемь взяток.